

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

Юль, 1824.

П Р О З А .

*Путешествіе изъ Сарыти на развалины
Шери-Сарая, бывшей столицы Хановъ
Золотой Орды.*

(Изъ дорожныхъ записокъ.)

Опечество намъ должно знать!

Имѣемъ мы свою прекрасную Природу,
Своихъ Священней, Геросвъ, мудрецовъ,
Градоправителей, Художниковъ, Пьцовъ.
Бесѣда съ славными живыми наслажденье;
При нихъ сильнѣй въ душѣ къ дѣламъ великимъ
рвенье.

Краснорѣчивъ умершихъ славныхъ прахъ.

Съ душою говорящъ: кумиръ въ сѣдыхъ степяхъ

И ковылемъ курганъ поросшій дикій;

И Пскова пустыри,

И Новгородъ великій,

И вокругъ печальные его монастыри;

И грознаго Башыя градъ пустынный,

К. LX.

Обитель жабъ и змѣй;
И Свеаборгъ каршинный,
Съ гранишной крѣпостью своею;
И новый Воскресенскъ и Соловецкъ спаринный;
Пожаровъ и нашествій слѣдъ —
Въ развалинахъ града и селы,
И поле славное побѣдъ,
И славныхъ памятникъ веселый.
Россія — цѣлый свѣтъ!

Съ 1802-го года, каждое лѣто было мною посвящено на обзоріе какой-нибудь опечествленной области: по Казани и Нижняго-Новгорода, по Києва и Чернигова, по Воронежа, Харькова и Екашеринославля. Я былъ тогда въ цвѣтущей молодости и путешествовалъ *по волю*. Въ 1813-мъ году долженъ былъ ѣхать на Кавказъ *по неволѣ*: опъ сильной простуды въ головѣ и спинѣ чувствовалъ я медленную пышку и не могъ ни спать, ни шагу сдѣлать безъ боли.

Не имѣя власти, выбирать мѣсто, опъ меня зависѣло назначить для себя дорогу.

Я видѣлъ Дона берега;
Я зрѣлъ, какъ опъ поплъ шелковы,
Необозримые луга,
Одушевленны шабунами;
Я зрѣлъ, какъ тихими водами,
Межъ виноградными садами,
Опъ, зеленѣя, прошекалъ
И ясною влагою отражалъ

Брега, покрытые спадами,
Ряды стѣснившихся спруговъ
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей спаницы.
Я часпо слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляюшь Донъ,
Спокойсивіе спаницъ счастливыхъ,
Вожей и коней ихъ решивыхъ.
Съ смиреньемъ опдалъ я поклонъ
Жилищу Вихря-Ашамана
И изъ завѣшнаго спакана
Его здоровье на Цымлѣ
Нилъ, окруженный спариками
И Вишязи подъ сѣдинами
Соопчичахъ въ чужой землѣ
Ура! за мною восклицали. (*)

Я видѣлъ цвѣшущее Армянское мѣстечко Нахичевань, крѣпость и городъ Св. Димитрія, промышленный Таганрогъ и поклонился развалинамъ древняго Азова. Ипакъ, на сей разъ я предпочелъ Томскую дорогу, шакъ названую пошому, что Генераль *Тотлебенъ* первый прошелъ ею съ Томскимъ подкомъ, опъ Сарепты до Моздока. Миѣ хотѣлось, дохавъ до Бургонъ-Можаръ, поворошиться вправо, осмошрѣшь великолѣпныя развалины большихъ Можаръ и пріѣхать прямо въ Георгіевскъ.

(*) Смотри Стихотворенія В. А. Жуковскаго, часть II, стр. 52.

Живучи въ Сарепшѣ, я ожидалъ себѣ товарища, сослуживца и друга, И. В. С — ва, кошорый вмѣстѣ со мною желалъ прибѣгнувъ къ цѣлишьнымъ водамъ для поправленія здоровья, службою разстроеннаго. Въ это время бросилъ якорь въ устьѣ Сарпы одинъ изъ разъѣздныхъ военныхъ Гаркоушовъ. (*) Долго ли Рускимъ познакомишься? Мы потчасъ подружились съ Начальникомъ онаго, Г. Флопа Лейшенаншомъ С — ымъ, любезнымъ молодымъ челоувѣкомъ. За обѣдомъ онъ объявилъ мнѣ, что завтра на зарѣ опшлываетъ къ Царевымъ Падамъ, на берега Ахшубы; сказалъ, что тамъ уцѣлѣли еще опъ времени любопытныя развалины двухъ огромныхъ Ташарскихъ зданій; пригласилъ меня съ собою и ручался, что чрезъ семь дней мы возвратимся въ Сарепшу, хотя бы во всю эту недѣлю дули прошивные вѣтры. Спраснио любя путешествія и рачсчсшывая, что если мой С. и черезъ день послѣ меня прибудетъ въ Сарепшу, то ему необходимо надобно опдохнуть опъ дальней дороги, — я не захотѣлъ упустить такой благодатный случай, осмошрѣвъ развалины ешолцы Золшой Орды.

(*) По истребленіи Пугачева, сочтено за нужное имѣть 12 Гаркоушовъ по Камѣ и Волгѣ. Извѣстно, что прежде сего нападали разбойники весьма часто на суда, плившія по снмъ двумъ рѣкамъ; мѣры, кошорыя брало противъ нихъ мѣстное Правительсство, всегда оказывались недоснашочными; но съ учрежденія вооруженныхъ разъѣздныхъ Гаркоушовъ, разбойники псчезли и спрашное слово: *сырны на кырку*, не пугаетъ пловцовъ нашихъ. Каждый Гаркоушъ имѣетъ 5 мѣдныхъ орудій и, кроме матросовъ, ошрядъ легко вооруженныхъ солдатъ, для высадки и поисковъ.

Въ 3 часа утра я сползъ уже на палубѣ и пожималъ руку у своего добраго моряка, кошорый, куря шрубку, приказывалъ сняться съ якоря.

Попушный вѣспрь округлилъ паруса; вода зашумѣла, волны зашѣнились и нашъ корабликъ полетѣлъ, какъ бѣлый лебедь. Берегъ побѣжалъ ошь насъ. Сарепша пошонула въ своей райской долинт; одинъ шпилъ церкви ея свѣщилъся. Величественная Волга развернулася передъ глазами, какъ длинная синяя скаперть. Мы проплыли мимо деревеньки Шёнъ-Бруннъ, оставили за собою цѣлишьня воды Гезундъ-Брунна, пролетѣли село Опраду съ его красивою церковью. Это было любимое мѣспопребываніе мудраго правителя Аспраханской Губерніи, Никишы Аванасьевича *Бекетова*. Да будешь благословенна память его! Онъ основалъ Руское торговое общество въ Аспрахани, давшее быспрѣйшее движеніе нашей торговлѣ и перевѣсъ Рускимъ купцамъ передъ Армянами, раздвинувшее кругъ ея до предѣловъ Индіи; онъ улучшилъ винодѣліе, и самъ, въ Черепакъ, помѣсплъ своемъ, подалъ шому первый примѣръ, вызвавъ искусныхъ виноградарей и выписавъ изъ Венгріи всѣ пошребныя орудія и даже бочки.

Скоро поворошили мы вправо (*) и ошкрылся Царицынъ, разбросанный по крушымъ уступамъ висо-

---

(*) Не спрашивайте, почему выбрали мы иногда самую дальнюю дорогу. Целью нашей было — наслаждаться, шитьи зрѣніе живописными видами. Надобно прибавить къ этому, что любезный мой пушеводитель хотѣлъ блеснуть передо мною Топографическими свѣденіями округа, ввѣреннаго его надзору. В.

каго Волжскаго берега. Видъ прекрасный! Соборная церковь вѣнчаешь ушесь обнаженный и впередъ выспутившій; кудрявые кусты закрываютъ глубокіе овраги; домки подъ наклономъ скаль, грозящихъ раздавить ихъ; повилка, гирляндами сползающая къ рѣкѣ и разбросанная зелеными кудрями между ошорвавшимися каменьями; ключи, серебряными змѣйками вьющіеся по краснымъ бокамъ горы; величественныя деревья, подмышья водою и смопящія въ зеленую долину, какъ будшо желая спрыгнуть шуда, гдѣ уже многіе шоварищи ихъ, обрушась, нашли шихое убѣжище и укоренились. Еще далье — въ приспани, расшивы съ высокими мачшами, лодки съ рядами весель, какъ будшо съ крыльями; голоса пловцовъ, между собою перекликающихся; движеніе людей, по пропинкамъ косогора выгружающихъ или нагужающихъ на суда шовары и чернѣющихъ, какъ муравьи около раскопанной своей кучки.

Въ Царицынѣ живешь осмидесяшичешырехлѣшній весельчакъ, уѣздный Судья *Н-ръ*. Въ семилѣшнюю войну былъ онъ Адьюшаншомъ Генерала, Графа *Чернышева* (Захара Григорьевича) и любишь разсказывать, какъ славно Рускіе побили Прусаковъ подъ Франкфуршомъ; какъ Фридрихъ Великій обязанъ своимъ спасеніемъ Козацкой лошади, которую уступилъ ему одинъ изъ его Адьюшаншовъ, видя, чшо Англійская лошадь подъ Королемъ спала; какъ при восшествіи на престоль Петра III, Корпусъ *Чернышева* присоединился къ Прусской Арміи; какъ хитрый Ко-

роль принималъ сего славнаго Полководца въ Б., не задолго передъ шѣмъ Рускими бомбардированномъ и ведя его по развалинамъ въ уцѣлѣвшія комнаты дворца, имъ занимаемыя, просилъ у него извиненія, которое — прибавилъ Фридрихъ — „шѣмъ легче надѣюсь получить ошъ Васъ, что Вы сами привели мой замокъ въ шо жалкое положеніе, въ какомъ его видише.“

На высокой палубѣ, прислонясь къ мачшѣ, я любовался рѣкою и островами: красоты необозримой равнины имѣющъ своего рода величіе, когда великолѣпная рѣка клубишъ по ней свои пышныя волны, когда въшви величавыхъ деревь, широкими шабрами раскинушыя и съ берега наклоненыя, глядяшя въ подвижное зеркало водъ или въ шоржешественную ночь освѣщены лучами мѣсяца. Тридцатишвершное пространство ошъ Сарепшы до Селишрянаго городка, или ошъ нагорнаго берега Волги до луговаго берега рукава ея, называемаго Ахшубою, есть зеленый коверъ, покрышый яркими зеркалами и серебряною сѣшью рѣчекъ, ручьевъ и прошекъ. Сии блестящія ниши живой воды безпрешанно пересѣкающяся, расходяшяся, сливаюшяся, опять разбѣгающяся въ разныя спороны; кажешяся, ручьи ищущъ одинъ другаго, гоняшяся одинъ за другимъ и сосшавляющъ безчисленный Архипелагъ острововъ, испещренныхъ ландышами, шюльпанами, незабудками, шиповникомъ; оштѣненныхъ шелковицами, дубами, осокорями, дикими яблонями или заросшихъ часпымъ шальникомъ и

камышемъ, высокимъ, какъ лѣсъ и волнующимся, какъ море.

Мы вплыли въ рѣчку (по здѣшнему *ёрникъ*), кошорой берега заросли непроходимымъ камышемъ; паруса подобрали; гребцы размахнули веслами. Чѣмъ далѣе подвигался маленькой нашъ корабликъ, тѣмъ рѣчка спановилась уже и уже. Часо скользилъ онъ по шинисному дну: шакъ мѣлокъ былъ прошокъ, по кошорому мы плыли. Попадались мѣспа, гдѣ совсѣмъ нельзя было гресить: тогда машросы шащили Гаркоушь бечевою, по поясь, а иногда и по горло въ водѣ; переплывали глубокіе поперечные ручьи и почши бѣжали шамъ, гдѣ берегъ былъ крѣпокъ и гдѣ росли уродливые дубы, а не камышь. „Хочешъ ли видѣшь норы, въ кошорыхъ въ спарину укрывались наши Корсары — Волжскіе разбойники?“ — „Очень!“ — „Сойдемъ же на берегъ! Ослабь бечеву! Къ берегу! Бросай сходни,“ закричалъ мой Лейшенантъ и покуда исполнялись его приказанія, онъ вынулъ изъ шкафа пару добрыхъ пистолеповъ, обиль кремь, оправилъ полку, продулъ, зарядилъ ихъ пулями и зашкнулъ въ широкіе свои карманы. Янтарь задымился въ ушахъ его — и мы пустились въ пущь. Долго шли мы въ сопровожденіи Унтеръ-Офицера, двухъ рядовыхъ съ ружьями и двухъ машросовъ, изъ коихъ одинъ несъ зажженный фонарь и пукъ восковыхъ свѣчь, по мокрому лугу, безпреспанно увязая въ грязи, между кустовъ и деревьевъ, въ глушь шальника, направляя свой пущь по заруб-

камъ на деревьяхъ. Передъ нами открылась небольшая поляна; на ней, между шолстыми корнями сгорбленнаго дуба, мапрось поднялъ изъ досокъ сплоченную и снаружи мохомъ и корнями весьма искусно оправленную заслонку, снизу обитую желъзными полосами, съ двумя шолстыми кольцами для запора. Туть увидѣли мы нору (*) столь узкую, что человекъ въ нее съ трудомъ пролѣзть можешь. По вешхой изломанной лѣшницѣ спустился туда сперва съ фонаремъ старый нашъ Уншеръ-Офицеръ, которому все окрестности были знакомы. За нимъ сошелъ С...нъ и я. Солдаты и мапросы осшались у входа на караулъ. Предосторожность необходимая: ибо и теперь еще изрѣдка скрывающся въ шроспникѣ бродяги. Рассказываютъ, что при покойной Государынѣ, одинъ оплошный, а можешь бышь и алчный къ корысти Засѣдатель, посланный для поимки воровъ, погибъ въ одномъ изъ такихъ подземельевъ. Шайка разбойниковъ укрывалась въ ближнемъ болотѣ отъ его преслѣдованій. Свистокъ ихъ соглядаташа увѣдомилъ Ашамана, что вся Команда спустилась въ нору; вдругъ разбойники выскочили, захлопнули подъемную дверь и завалили выходъ камнями. Черезъ нѣсколь-ко недѣль, Исправникъ съ шолпою поняшихъ изъ Приволжскихъ селеній, послѣ долгихъ поисковъ, съ трудомъ отыскали заваленную нору и спусшась въ нее, нашли и солдатъ и Начальника, умершихъ голодною смертью.

(*) На оспровахъ Волги находится множество подобныхъ подземельевъ: описанное здѣсь есть самое замѣчательное. В.

Спускаясь сажени двѣ подѣ землю, мы очутились на площадкѣ: подѣ низкимъ сводомъ протѣснились одинъ за другимъ, съ зажженными свѣчами, въ просторный вершепъ съ палашами, нарами и печью, у коей широкая труба раздѣлялась вверху на пять тоненькихъ, въ разныя стороны проведенныхъ, дабы густо выходящій дымъ не могъ обличить ихъ убѣжища. Нѣсколько опдѣловъ опгорожено досками, опять на нѣсколько темныхъ каморокъ перегороденныхъ, съ дверьми и пешлями для замковъ. Въ иныхъ чуланахъ (вѣроятно погетныхъ: для Аппамана, Есауловъ и женщинъ) находились кровати съ рогожами изъ чолана (цвѣснаго камыша), крашеные сундучки, шкафчики и подвалы; въ другихъ разбросаны кадки, боченки, ведра, шпофы, ковши, разбиные спаканы (позолоченные, съ двуглавымъ орломъ или вензелемъ) и горшки; въ иныхъ перемешныя сумы, заржавѣлые ружейные сволы, пилы, свиспки, подъемы; развѣшены на деревянныхъ гвоздяхъ рога для пороха, связки ключей и крючьевъ, нанизанныхъ на желѣзную проволоку; большіе ножи и нагайки (*). Въ переднемъ углу каждой каморки спояли Образа, а въ одномъ сдѣланъ для священи рѣзной кіюшъ за слюдою и передъ нимъ лампада и огарки восковыхъ свѣчъ (**).

Спрашно, что мы нашли коровій хлѣвъ и конюшню:

(*) Офицеръ спражайше запретилъ своимъ подчиненнымъ, уносить съ собою вещи, здѣсь находившіяся. В.

(**) Доказательство самаго законнѣлаго невѣжества! Грабя и умерщвляя, безумцы-злѣды вѣрили, что свѣчую, соблюденіемъ посповъ и земными поклонами они могли умилосердивить Бога! В.

вѣрный знакъ, что сюда былъ другой входъ, кошораго мы со всею стараніемъ нашимъ не отыскали. Старый служивый принесъ намъ женскій башмакъ подземельной щеголихи: онъ сшитъ изъ краснаго шрипу, на превысокомъ каблукѣ, подбитомъ мѣдною бляхою. Спереди вшавлены въ немъ маленькія зеркальца и по мѣстамъ разноцвѣтная фольга; весь башмакъ выложенъ въ узоръ золошою бишью. — Чьи руки выкопали эпошъ разбойничій вертепъ? Кто были его ужасные обитатели? Изъ какихъ странъ собрались они? Долго ли существовало ихъ скопище? Чѣмъ кончились кровавые подвиги сихъ Волжскихъ Корсаровъ? Можешь быть, здѣсь жили вмѣстѣ и добрый, увлеченный обстоятельствами, съ душою, ожесточенною браться-человѣками; и злой, находившій звѣрское удовольствіе видѣть смертныя судороги младенцевъ, имъ заколанныхъ и хрипѣніе старцевъ, имъ зарѣзанныхъ. Можешь быть, здѣсь скрывался сынъ, оклеветанный мачихою и проклятый родителемъ; опозоренный женою мужъ опмцалъ за честь свою невиннымъ плавающимъ; игрокъ, кошораго друзья искусно ограбили; солдатъ, привыкшій на войнѣ къ грабежу и насилию; бродяга, кошораго преступные родители въ дѣтствѣ учили просить милосшину и юродствовать; купецъ, пропоторговавшійся и желавшій съ ножомъ въ рукѣ остановить Форшуну на большой дорогѣ; Дворянинъ, въ похожей на ненависть любви своей къ роду человѣческому, устремившійся по слѣдамъ *Карла*

Моора, злодѣйствами водворилъ на землѣ добродѣшель и въ краснорѣчивыхъ воззваніяхъ выдававшей себя за посредника между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, въ самомъ же дѣлѣ бывшій бышенымъ нарушилелемъ Божескихъ и человѣческихъ постановленій, Филиппропомъ на манеръ *Робеспьера*, *Мара* и *Дантона*.

Не спая вороновъ слепалась
 На груди плѣющихъ костей:
 За Волгой ночью вокругъ огней
 Удалыхъ шайка собиралась.
 Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній!
 Изъ ханъ, изъ келій, изъ пемницъ
 Они спешили для спяжаній.
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець:
 Живуть безъ власпи, безъ закона;
 Межь ними зришься и бѣглець
 Съ береговъ воинственнаго Дона,
 И въ черныхъ локонахъ Еврей,
 И дикіе сыны степей:
 Калмыкъ, Башкирець безобразный,
 И рыжій Фиць, и съ лѣнью праздный
 Вездѣ кочующій Цыгань.
 Опасность, кровь, развращь, обмань, —
 Вотъ узы спрашнаго семейства!
 Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
 Прощель все спешени злодѣйства;
 Кто грабницъ жадною рукой

Вдовицу съ бѣднымъ сиротою;
 Кому смѣшно дѣшею сщенанье,
 Кипю лѣвъ и поля не щадишь, —
 Кого убійство веселишь,
 Какъ юношу любви свиданье.
 Запихло все — и вошь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводишь
 И чаша пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходишь.
 Просперны на землѣ сырой
 Иные чушко засыпающъ
 И сны зловѣщіе лепашущъ
 Надъ ихъ пресупною главою. (*)

Между тѣмъ мы вышли на бѣлый свѣтъ съ душнаго подземелья и съ наслажденіемъ вздохнули свѣжимъ воздухомъ. Рускіе разбойничьи Ашаманы не похожи на другихъ: *Ермакъ Тимофѣевичъ* открылъ новый міръ, завоевалъ сильныя Царства, раскаялся и повергъ къ стопамъ Блага Царя золотой скипетръ Сибири. *Стенька Разинъ* пошопилъ въ крови цѣлыя области, побралъ крѣпкіе города по берегу Каспійскаго моря и держалъ въ страхъ Шаха Персидскаго. *Пугачевъ* (**) .... Но вдругъ грянули наши пѣсенники и вывели меня изъ глубокаго размышленія. Поднятый взоръ мой былъ пораженъ пріятною нечаянностію: на берегу разбила палатка, разве-

(*) Стихи А. С. Пушкина. В.

(**) Объ поимани и погибли на эшафотѣ въ Москвѣ. В.

день огонь, варился ужинъ, вблизи кипѣлъ самоваръ,
а подъ деревьями сидѣли въ кружку наши мапрасы
и съ двумя рожками пѣли унылыя Рускія пѣсни,
которыя родные звуки шакъ сладко прогаюють
сердце.

Старинныя пѣсни Волжскихъ разбойниковъ.

1.

Ты безсчастный добрый молодець,
Безшаланная головушка швоя!
Чшо ни въ чемъ шо мнѣ, брашцы, шалану нѣшъ?
Ни въ шоргу, брашцы, ни въ шоварищахъ,
Чшо ссылаюшь меня съ корабля долой:
„Ты сойди, сойди съ корабля долой!
Ошь шѣбя ли ошь бессчастлиаго
Сине море взволновалоса,
Черны волны всколыхалися?
Ужь какъ взговоришь бессчастлиа добрый молодець:
Мы пригринемъ-ше въ весѣлочки,
Мы причалимъ-ше ко бережку,
Къ часшому кусту ракишовому,
И мы срѣжемъ-ше по прушику,
И мы сдѣлаемъ по жеребью,
И мы кинемъ ихъ во сине море.
Ахъ! всѣ жеребьи поверхъ воды;
А бессчастлиаго, какъ ключъ ко дну.

2.

Не шуми, маши зелѣная дубравушка;
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думаши;

Что заупра мнѣ доброму молодцу въ допросъ иди,
Передъ грознаго Судью, самаго Царя.

Еще спанешъ Государь-Царь меня спрашивашъ:

„Ты скажи, скажи, удалый, добрый молодець!

Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?

Еще много ли съ побой было поваршцей?“

Я скажу тебѣ, Надѣжа — православный Царь!

Всеё правду скажу тебѣ, всю испину,

Что поваршцей у меня было чешверо.

Еще первый мой поварищъ — шемная ночь;

А второй мой поварищъ — булашный ножъ;

А какъ прешій мой поварищъ — по мой добрый
конь;

А чешвершый мой поварищъ — по мой крѣпкой
лукъ;

А рассыльщики мои — спрѣлы осприя.

Тупъ возговоришь Надѣжа-православный Царь:

„Исполашъ тебѣ, удалый добрый молодець,

Что умѣлъ ты воровашъ, умѣлъ ошвѣшъ держашъ.

Я за то тебѣ, дѣшинушка, пожалую,

Среди поля хоромами высокими,

Что двумя ли сполбами съ перекладной.“

3.

Ты воспой, воспой младъ жаворончикъ,

Сядючи весной на прошалникъ:

Добрый молодець, сидя въ шемницѣ,

Пишешъ грамошку къ ошцу, къ машери.

Во писмѣ пишешъ добрый молодець:

„Государь ны мой, родной банюшка!

Государыня родна мамушка!

Выкунайше вы добра молодца,

Своего сына вы родимаго!“ —

Ощець съ машерью опказалися,

И весь родъ-племя опрекалися:

Въ родъ нашемъ-де воровъ не было,

Воровъ не было, ни разбойниковъ.

Ты воспой, воспой, жаворончикъ,

Сидючи весной на пропалкицкѣ:

Доброй молодець ищешъ въ шемницѣ

Ко душѣ своей, красной дѣвицѣ:

Ты душа моя, красна дѣвица:

Моя вѣрная полюбвица!

Выручай меня добра молодца! —

Вдругъ возговоришь красна дѣвица:

„Ахъ, вы нянюшки мои, мамушки!

Мои стѣнныя вѣрцы дѣвушки!

Принесите вы золошы ключи,

Ошмыкайте мнѣ ларцы кованы,

Досшавайте вы золошу казну,

Выкупайте вы добра молодца,

Друга милаго и сердечнаго.“

4.

Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ,

Спояло шумъ деревцо вельми высоко;

Подъ шѣмъ ли подъ деревомъ выросшала права,

На шой ли шраванкѣ разцвѣшали цвѣшы,

Разцвѣшали цвѣшы, все лазеревые.

На шѣхъ ли на цвѣсахъ разослали коверъ,
На шомъ ли на коврѣ два браша сидяшъ,
Два браша сидяшъ, два родимые.

Большой-то брашець въ цимбалы игралъ,

А меньшей-то брашець пѣню припѣвалъ:

„Породила насъ машушка, какъ двухъ сыновей;
Вспоилъ, вскормилъ бапюшка, какъ двухъ соколовъ;

Научила молодцовъ чужа дальня спорона,

Чужа дальня спорона, Понизовы города.

Чужа дальня спорона безъ вѣпру сушишъ,

Безъ вѣпру сушишъ и безъ морозу знобишъ.

Какъ думала мачиха насъ вѣкъ не избышъ,

Избыла насъ змѣя люшая, единымъ часомъ;

А шеперь тебѣ, мачиха, насъ вѣкъ не выдашъ.

Горкоушъ опять опчалилъ и пошелъ по узкой
рѣчкѣ, обросшей часпымъ проспникомъ, какъ
будшо по шропикѣ, пробинной въ гусшомъ лѣсу.
Черезъ полчаса выплыли мы въ большое озеро,
которое кипѣло и волновалось; подняли паруса;
крѣпкѣй вѣшеръ наклонилъ наше судно на бокъ — и
оно помчалось, разрѣзывая пѣнныя волны. Должно-
спные машросы заняли свои мѣсша, праздные улеглись
спать. Смерклось. Ночь была безлунная; ни одно
облачко не шемнѣло на голубомъ сводѣ небесъ;
звѣзды ярко сверкали, шоржеспвенная шишина цар-
спвовала. Ни человекъ, ни звѣрь, ни пшица ее не
нарушали. Только вѣшеръ игралъ парусами, одно-
образно плескали волны и сонныя осещры, вшпре-
воженныя шумнымъ ходомъ нашего Гаркоуша, вошпан-

вали иногда на поверхность и огромными плесами разбрызгивали черную влагу. На досугъ, я переселялся воображеніемъ въ вѣка, давно промелькнувшіе. Какихъ народовъ и племенъ не пошла ты своими спруями, о древняя Ра! Сколько видѣла городовъ цвѣшущихъ, воинствъ многочисленныхъ, завоевашелей, покрытыхъ позоромъ или славою, кораблей — Индейскимъ золотомъ, Персидскими коврами, яшпаями Борусскими, соболями Сибирскими, парчами Новгородскими нагруженныхъ. Вихрь завоеваній гналъ народы, какъ волны, отъ Востока къ Западу; они, какъ волны, вставали, падали, вышѣсняли одинъ другой; Царства росли, процвѣтали и померкали. Свирѣпыя Орды Ашилы облили кровію луга твои; лютые воины Дизавула усыпали ихъ золою городовъ и сель; кровожадный Ханъ Аварскій запрудилъ воды твои прупами; на твоихъ берегахъ была колыбель хищныхъ Половцевъ; съ твоихъ горъ хлынули въ Европу сокрушительныя полчища Чингисъ-Хана; въ твоихъ ущеліяхъ гнѣздились алчныя золаша и крови, дикія Орды Башыевы. Но ты же

О Волга, рѣкъ, озеръ краса,

Глава, Царица, честь и слава,

О Волга пышна, величава!

несла на серебряномъ хребтѣ своемъ грознаго Ермака въ снѣжныя пустыни Сибири, Царя Іоанна подъ стѣны Казани, Петра Великаго на берега Персидскіе; по твоимъ волнамъ шоржешвенно шествовали Екатерина великая и другая Екатерина,

споль рано похищенная безвременною смертію. На
спвоихъ красныхъ берегахъ родились Поэшы знамени-
тые и воспѣли шебя, ихъ кормилицу. (*)

Заря начинала альшь и озеро было осыпано розо-
вымъ блескомъ, когда мы въѣхали въ Ахшубу.
Эшо самой широкой рукавъ Волги; онъ опдѣляется
ошь неа въ 15-ши верспахъ выше Царицына (**)
(въ Саратовской Губерніи); прямо кидается на
Восшокъ, къ *Царевымъ Падамъ* или къ цѣпи хол-
мовъ, гдѣ блисчала пышная сподица повелишелей
Золошой Орды; пошомъ поворачиваетъ къ Югу и
на проспранствѣ 350-ши верспъ (въ Астраханской
Губерніи) шо сблжается, шо опдалается, шо по-
перечными прошоками (***) соединяется съ рѣкою-

(*) Карамзинъ родился въ Симбирскѣ, Державинъ въ Казани, Дми-
триевъ близъ Сызрана; молодой пламенный Пѣнопѣвецъ, Н. М.
Языковъ, также Казанскій уроженецъ и пѣвецъ Волги. Вошь
спихи его, напечатанные въ *Новостяхъ Лит.*, ч. II, стр. 204.

„Гдѣ швоя родина, Пѣвецъ молодой?“ —

— Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ,
Гдѣ блись Славяне при пѣняхъ Байновъ;
Гдѣ Волга, какъ море, волнами шумишь,
Тамъ памляшь Героевъ, шамъ край вдохновеній;
Тамъ все, что мнѣ мило, чѣмъ сердце горишь;
Туда горделивый Пѣвецъ полещишь —

И спруны пробудяшь минушаго Геній!..

(**) *Паласа* полагаешъ въ 10-ши верспахъ; но его размѣры раз-
стояній почши всегда невѣрны В.

(***) Съ правой стороны *Ахшуби*, главные ея пропоки, уходящїе
шногда очень далеко въ спель, называющаеся: Подспенный, Со-
лянка, Куркинъ, Сухая Ахшуба, Цасакольскій, Запорный, Цаса-
кольскій Ильмень и при немъ шессть озеръ и рѣки: Хараузюкъ,
Казанка, Аюшевъ, Локашинъ, Амудукъ, Упурей, Поперечный,
Берекешъ и Крымза.

Съ лввой стороны, т. е. между Ахшубою и Волгою: Дубов-
скій, Садковская Волошка, Вязовскія уснїа, Стушнискій, Вла-

нашерью; пока, наконецъ, раскинувшись на узкіе рукава, подъ Красноярскимъ впадаетъ въ Каспійское море.

Въ 5-шъ часовъ утра спутили мы на берегъ и мимо деревянной церкви пошли къ дому Священника, въ кошоромъ и остановились. Пока сѣдали намъ лошадей, мы наскоро переодѣлись — и подобно Руслану, свиснули и поскакали.

Я видѣлъ Азіи предѣлы;
 Я зрѣлъ Ордынцовъ люшыхъ край
 И лишь обломки обгорѣлы
 Тамъ, гдѣ споялъ Шери-Шарай,
 Башня древняя обитель.
 Задумчивый развалинь зришель,
 Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
 Я насшоящаго каршину
 И въ нихъ ужасную судьбину
 Башня новыхъ дней чиналь! (*)

На пространствѣ 40-ка верстъ въ степь отъ берега и по крайней мѣрѣ на 10 вдоль Ахшубы, лежатъ Шери-Сарай, прежде великолѣпный, многолюдный городъ, шеперь могила Монгольскаго великана!

димірской, Аронова Волошка, Спарницкая Волошка, Солено-Займищій, Грачевка, Подгорный, Вышлянский, Копановскій, Подстешенный, Арбузный, Чичора, Еношная, Кабанъ, Кошка, Запорный, Фоминка, Кичиберка, Крымскій заливъ, Леблжій, Дурновскій и Глухой заливъ. — — См. Описание Астраханской и Кавказской Губерній, изд. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

(*) См. Стихотворенія В. А. Жуковскаго, Часть II, Мокланіе ко мнѣ, написанное въ 1813-мъ году. В.

Большія груды кирпичей, ошпашки домовъ, и шеперь еще набросаны улицами; кочки срубленныхъ садовыхъ деревьевъ и шеперь еще спюпшь рядами; по водопроводамъ и шеперь еще шечешъ вода въ свинцовыя шрубы, кошорыя здѣшніе поселыне выкапы- ваюпшь; лѣшницы вьюнся на верхъ башень и пу- сшынныя минарешы ждушъ мошельщиковъ. Изо всѣхъ, нѣсколькю уцѣлѣвшихъ зданій, наиболѣе поражаютъ взоръ великолѣпныя развалины главной мечети. Она чрезвычайно высока, въ длину имѣешъ 12, въ ширину 10 сажень — и раздѣлена на два равныя припшвора. Въ од- номъ внупреннія спѣны усшавлены гробами, кошорые подъ своды ихъ вдвинушы, попомъ кирпичами закла- дены и шолькю по надписямъ изъ Алкорана, на разно- цвѣшныхъ изразцахъ выпукло начертаннымъ, замѣшны. Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь были погребаемы Ханы; ибо корысполюбіе, разрывая своды, находило гробы, серебромъ окованные, одежды парчевыя, жемчугомъ и драгоцѣшными камнями унизанныя. Во второмъ, украшенномъ Гошическими пиласпрами, вышыми израз- цовымии сполнами и сводами, узкими и длинными окнами, — совершалось Богослуженіе. Сей огромный храмъ поспроенъ изъ чисшо опдѣланныхъ кирпичей, по чертѣжу изящному и правильному; въ часпяхъ его и въ цѣломъ соблюдены соопвѣшшвенность и соразмѣрность; всѣ усшупы, впадины, выпуклости и прорѣзы наружныхъ спѣнь украшены разнообразными, спраннаго впада изразцами — зелеными, жел- тыми, бѣлыми, сяними и пестрыми. Главная же

спорона, отколѣ былъ и входъ, одѣша сверху до низу муравленою Мозаикою. Малороссіане, здѣсь поселенные, выбираютъ кирпичи на свои домашнія надобности и выкидываютъ кости завоевателей равнодушно, не заботясь о томъ, кому принадлежалъ черепъ, безъ чести ими на землю бросаемый и даже червями покинутый. Что касается до меня; по я размашривалъ ихъ съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ, представляя себѣ, что онъ былъ черпогомъ души чловѣка могущаго и гордаго, что милліоны оплакивали смерть его, что теперь не осцалось въ живыхъ ни одного изъ проливавшихъ слезы; что милліоны готовы были обнажить за него мечи свои, а теперь ни одинъ спражъ не оберегаетъ сихъ гробницъ, въ коихъ даже и прахъ Царей не покоится. Онъ нераспознаемо смѣшанъ съ пепломъ проснолюдиновъ, не смѣвшихъ поднять на нихъ раболѣпнаго взгляда. Теперь взираемъ на нихъ безъ ужаса — и одинъ взоръ на сіи кости, одна минуша размышленія говоритъ здѣсь сердцу болѣе, нежели цѣлыя книги поученій.

Другое, замѣчательное по огромности и великолѣпнѣю зданіе — дворець Ханскій. Онъ построень на высококомъ холмѣ и обнесенъ каменною оградою, отчасти разрушенною. Весь пространный дворъ его вымощенъ плішою; передъ окнами былъ прудъ и къ водѣ каменные сходы, красиво ошдѣланные; изъ нихъ не выпало почти ни одного камня. Въ нижнемъ ярусѣ сохранились пять круглыхъ комнатъ со сводами:

одна большая по срединѣ и чешыре по угламъ, не споль проспранныя. Всѣ онѣ виушри убраны разноцвѣтными изразцами.

Уцѣлѣвшія, кругомъ разбросанныя, муравленныя плитки съ Арабскими надписями упошребляющія здѣшними поселянами на украшеніе жилищъ ихъ. Спранно видѣшь изразцы чершоговъ Башыевыхъ, вставленные въ печь крестьянской хижины и правило изъ Алкорана надъ дверью жишницы православнаго Христіанина!!... Но развѣ не видимъ мы Наполеоновыхъ бомбъ и ядеръ у подмосковныхъ крестьянъ въ банѣ на каменкахъ?— Прежде близъ сего дворца находили много серебряныхъ монешъ, серги, перстни, запонки и разныя драгоценныя бездѣлки. Я купилъ одну маленькую, съ нашъ пятачокъ, серебряную и до 50 мѣдныхъ монешъ, копорыя подарилъ Дерпшскому Университету, въ бышность мою шамъ Профессоромъ. Кромѣ двухъ вышеописанныхъ зданій нашли мы, недалеко отъ озера, Ташарами *Сахарнымъ* называемаго, башню, довольно хорошо сохранившуюся и множесство любопытныхъ развалинъ, за прями проросшикомъ обросшими озерами на степи Уральской.

Всегда печаленъ видъ развалинъ большой столицы, очеркѣнныхъ шуманами вѣковъ; кажешся, надъ ними носилъ блѣдная шѣнь прежняго ихъ величія. Съ какимъ же чувствомъ сморѣлъ на нихъ я, жишель Москвы, шолько возврашившійся съ ея дымящихся развалинъ, гдѣ видѣлъ падшіе чершогои Царей, рас-

преслушную ограду Кремлевскую, поруганныя церкви,
и гдѣ

Лишь угли, прахъ и камней горы,

Лишь груды шель кругомъ рѣки,

Лишь нищихъ блѣдныя полки

Вездѣ мои встрѣчали взоры. (*)

Какъ скоропреходяще на землѣ величіе? Давно ли повелители Канчакской Орды обременяли оковами сильныхъ Царей и превращали въ пустыню многолюдныя области? Когда Ханъ Узбекъ выѣзжалъ изъ своей столицы на охоту, по нѣскольکو сошь тысячь Монголовъ, въ богатыхъ одеждахъ и на красивыхъ коняхъ, его сопровождали; шумный необозримый шпанъ кипѣлъ веселымъ народомъ; пошѣхи смѣнялись пошѣхами; дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ; Индейскіе и Греческіе повары (**) прельщали взоры покупателей. Давно ли здѣсь свирѣпый Тамерланъ, съ неслыханною пышностію, двадцать шесть дней праздновалъ свою побѣду надъ Тахшамышемъ? Берега Волги и сѣвы Шери-Сарая шумѣли торжественными кликами. Завоеватель-Царь сидѣлъ на золотомъ престолѣ, въ богатой одеждѣ, въ вѣнцѣ, съ державою и услаждалъ свой слухъ похвальными Спихошвореніями Монгольскихъ Пѣснопѣвцевъ, которые воспѣвали его блестящіе военные подвиги.

(*) Послѣніе Батюшкова къ Д. . . . .

(**) См. *Кавказца*, Исторію Государяна Россійскаго.

Въ Шери-Сараѣ находилась 26 Христіанскихъ церквей. Митрополитъ *Кирилль*, въ 1261-мъ году, учредилъ для нихъ новую Епархію подь именемъ *Сарской*, а Епископъ *Стеогностъ* ѣздилъ отсюда въ Царь-градъ Посломъ отъ славнаго *Ногая* къ шестю его, Греческому Императору *Михаилу*. (*)

Нынѣ ласточки лѣпящъ гнѣзда свои на зубцахъ башень, пауки разстилающъ шканъ свою въ шеремахъ Царицъ, ящерицы и змѣи гнѣздящя въ думной Палатѣ Хана. Мнѣ нигдѣ не случалось видѣть шакого мнѣжества змѣй: онѣ лежашъ на солнцѣ спогамн и на каждомъ шагу подь ноги попадающя. Башмеева сподлица досшойна имѣшъ шакихъ жипшелей: змѣи напоминающъ мучишслей-Монголовъ, кошорые шри вѣка шерзали Россіанъ испомою, разбоемъ и насиліемъ. Сердце мое обливалось кровію, когда, споя на сводѣ Башмеева дворца, обозрѣвалъ я и снова населялъ въ воображеніи опустѣлую его сподлицу. Можешъ бышъ, въ сихъ чершоггахъ Великій Князь *Александръ Невскій* поклонялся надмѣнному Хану *Берку*; можешъ бышъ на сей площади посшрадалъ за вѣру Князь *Романъ* Галицкій, замученъ Князь *Михаилъ Ярославичъ* Тверскій и казненъ Свяшый мученикъ, Князь *Михаилъ* Черниговскій, не извѣнившій Вѣрѣ, не внявшій ни слезамъ юнаго сына, ни мольбамъ вѣрныхъ Боярь своихъ. „Для васъ не погублю души, — говорилъ онъ въ часъ смерти и, свергнувъ съ себя маншію

(*) Караваниъ.

Княжескую, примолвилъ: „Возмите славу міра, хочу небесной!“ (*) — Можешъ бышь, здѣсь падали головы Князей Рускихъ по прихоши Азіашскихъ самовластителей.

Теперь чертоги хищниковъ и храмы лжепророка опрокинуты; ихъ развалины, вмѣстѣ съ коснями Монгольскихъ богатырей, хрустящъ подь Рускимъ плугомъ, ихъ раздробляющимъ. Такъ погибающъ памятники, воздвигнутыя руками чловѣческими; но творенія Генія безсмертны—и *Карамзинъ* далъ Шери-Сараю новую жизнь, которая въ краснорѣчивой его Лѣтописи будешъ долговѣчнѣе блеснувшего на мигъ его величія и могущества.

Всейковъ.

Царское село,
Юня 20-го, 1824.

Геркуланъ и Помпея.

(Изъ Шиллера.)

Какое чудо совершается? Земля! Мы просили у тебя прохладительнаго испочника; но что извергло намъ иѣдро швое? Неужели естъ жишелы въ безднахъ? Неужели подь лавою обитающъ новыя племена? Прощекшее! Возвращись! Греки, Римляне! При-

---

(*) *Карамзинъ.*

дите и взирайте: древняя Помпея воскресает и снова зиждется градъ Геркулесовъ! Спѣшите оживить шумные Портики съ свѣтлыми ихъ припаврами! Опшорень обширный Театръ: семью врагами спремешесь въ него, толпы! Гдѣ вы, Мимы? Поспѣшите сюда! Сынъ Апреевъ! соверши жертву годовую! Карающій Хоръ! преслѣдуй *Ореста*. Куда ведешь врага побѣды? Узнаете ли вы Форумъ? Кпо возсѣдипъ шамъ на креслахъ Курульскихъ? Ликторы! Предшешувуйте съ сѣкирами! Препоръ! Вспуни на судилище и совершай судъ! Свидѣтель и проситель! Предстаньте предъ него!—Обширныя спогны опкрылись взорамъ. Возвышенная, узкая дорожка пянешся вокругъ домовъ. Сѣнисшыя кровли возносяся надъ зданіями; чисшыя комнашы окружають уединенный дворъ. Скоро пробудитсы дремлющій промышленникъ и долго запершыя двери не препяшесивують болѣе веселому дню разогнать мрачную ночь. Посмотрите на сей длинный рядъ чисшыхъ скамеекъ; посмотрите, какъ опъ песпрыхъ камней лешяшь сверкающія искры. Какою свѣжесшію блискаешъ сшѣна, яркими красками покрывая! Но гдѣ Художникъ? Онъ шолько чшо бросилъ кисть. Роскошныя плоды, со вкусомъ расположеные цвѣшы, украшають сіи прелесныя изображенія. Здѣсь, съ полною корзиною крадешся Амуръ; шамъ Геніи прохлаждають пурпуровое вино; здѣсь въ неисшовомъ воспоргѣ пляшешъ Вакханка, шамъ другая покоитсы въ сладкой дремошѣ. Здѣсь, еще одна, опираясь бѣлымъ колыномъ на блестящій

хребешъ Цейшавра, съ дикимъ хохошомъ, погоняешъ
гибкимъ жезломъ своимъ сіе буйное чудовище.

Юноши, что вы медлите? Тамъ сияютъ еще
прекрасные сосуды, виномъ наполненные! Дѣвы! Чер-
найше воду изъ Эпирурской вазы!

Еще возвышаеися преножникъ съ окриленными
Сфинксами Разведите огонь, рабы! Спѣшите гошо-
вить прапезу. Возъ вамъ монеты съ изображеніемъ
мощнаго Тиса; монеты, донныя въ цѣлосии со-
хранившіяся. Поспавъше въ сей рѣзвый подсвѣч-
никъ горящую свѣчу и прозрачнымъ масломъ напол-
ните лампу! Что въ этомъ ковчегѣ? О дѣвы! Смо-
трите, чемъ дарить васъ женихъ! Возъ золотая
перевязъ, блестящія ожерелья! Ведите невьсину въ
пенную баню; тамъ найдете благовонное мыло и
масти, въ сосудахъ изъ прозрачнаго хрустала.

Но гдѣ же находятеся мужи и шарцы? Въ мир-
номъ Музее храняшея еще безцѣныя сокровища
рѣдкихъ рукописей. Здѣсь и грифели и воцанья
доски; ничто не упрачено, все сберегма вѣрная
земля. И Пенаты снова возсали и олшари возспа-
новлены! Зыблется Кадуцей въ легкой рукѣ Гермеса
и побѣда слышастъ въ проспершой десницѣ. Но гдѣ
же находятеся жрецы? Да придуть они и да воску-
рять давно угасшіе фиміамы!

Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Искусленіе Барда.

(Поэма, соч. Мильвуа.)

„Честь Скандинавіи, краса Пѣвцовъ, Эдвинъ!
Брось, брось тяжельй мечъ не для швоей онъ
длани!

Тебъ приличенъ бой на арфахъ лишь одинъ;
Могущимъ предославъ опасосни и брани.“ —

*

„Царевичъ! Добрый мнѣ шовариць эпошь
мечь;

Повѣрь, его носить въ сраженьяхъ я достоинъ.
Тя знаешь, что Регнеръ былъ первымъ среди
сѣчь,

Былъ вмѣстѣ и Пѣвецъ и въ полѣ храбрый
воинъ.“ —

*

„Прости меня Эдвинъ, но ежели въ пирахъ
Гремѣшь на арфѣ шѣ однѣ побѣды будешь,
Гдѣ самъ участвоваль въ кровавыхъ шѣ бояхъ;
То надолго ее къ молчанію осудишь.“ —

*

„Внемли, внемли, Эльморъ! Однажды сынъ Царя
Обидѣль Скальда. Месѣ и битва закипѣла;
Назавтра шрунъ его увидѣла заря —
И мать злосчастная его осирошѣла.“ —

*

Они въ глуши лѣсной: обнажены мечи,
И искры прыгають и сыплются лучи;
На встрѣчу мечъ мечу, усиліе усилью;
Чась бьются, бьются два, грудь въ грудь, рука съ
рукой.....

Но пише, пише звукъ, но скоро смолкнулъ бой —
И вышелъ изъ лѣса покрытый кровью, пылью
Единый Скальдъ Эдвинъ. Напрасно ввечеру
Царь Скандинавскій ждешь въ домашній кровъ Эль-
мора,

Уже онъ не придетъ, не сядешь на пиру;
Уже не встрѣпишь онъ родительскаго взора!

Едва проснулся день на холмахъ по ушру,
Съ просяжнимъ лаемъ псы помчались въ чащу бора
И указали тамъ забросанный лисномъ
Обезображенный, кровавый шрупъ Эльмора.

И мершвый грозень былъ и гнѣвъ являлъ лицомъ;
Уша не докончавъ обидныхъ словъ опверзшы;

Не разлучился онъ съ изрубленнымъ щипомъ
И крѣпко держашъ мечъ окосенълы персшы.

Паль сынъ Арминія — и Вишязъ - Скальдъ опмщенъ!
Печальная молва по спогнамъ града рыщешъ....

Дошла въ чершогъ къ опцу.... Какъ громомъ по-
раженъ,

Напрасно слезъ въ очахъ и силъ въ душѣ онъ ищешъ.
Весь городъ вѣспью сей гробовою смущенъ:

Всѣ шепчущъ, всѣ кричашъ, всѣ ищущъ, не найдушъ
Имъ ненависнаго безвѣснаго убійцы.

„Не нужно поисковъ, оспавъше лишній шрудъ!“ —
Рекъ Скандинавскій Царь, — „то Ингисфаль ревнивый
Сразилъ его! Съ шѣхъ поръ, какъ мой Эльморъ въ
любви

Надменному вождю соперникъ спалъ счастливый,
Онъ ненависти ядъ пишалъ въ своей крови.
Друзья! Преспуника въ шемницу заключите,
На мѣдныхъ пѣсляхъ дверь желѣзную запишите.“

И воины летяшь. Еще бродилъ кругомъ
Эдвинъ по берегу. Такъ шуча на лазури,
Бросавшая еще недавно страшный громъ,
Свиваешся, неся съ собой осшашки бури.
Таковъ, или мрачнѣй, съ поникнушимъ челомъ
Убийца гореспный вдругъ слышишь крики, бой,
Взглянулъ... и чшожь узрѣлъ?... Вблизи большой
дороги

Невинный Ингисфаль въ Монаршіе черпоги
Влечешся, скованный, неистовой полшой.
Угрозы, имени Эльмора повшоренье
Смушили Скальдовъ духъ, сомнѣнье, подозрѣнье...
И быспро мчишся въ слѣдъ, догналь, ошановилъ
И съ швердосью вѣщаль: „Я винень, я убилъ!
Не уступлю мечемъ мной купленнаго права:
Моя побѣда, мнѣ принадлежишь и слава!“

Арминій слушаешъ и гнѣвомъ распалень,
Даль знакъ: да будешъ Скальдъ въ шемницу заклю-
чень!

И въ мигъ исполнено вельнѣе владыки.
Подъ спражею, въ цѣпяхъ, пренебрегая крики,
Казалось, будшо шель сей сладостный Пѣвецъ
За пѣсни получаешъ шоржешшвенный вѣнецъ.
„Бѣда, бѣда тебѣ, сынъ славы знаменшый!“
Гремя оружіемъ грозилъ ему народъ.
„Послѣдней пѣсни Бардъ тебѣ не воспоешь,
И подвиги швои въ могилѣ будушь скрышы.“

Ужь дверь тяжелая захлопнулась въ шюрмѣ,
И въпра свиссъ слился съ ея ушылымъ спукомъ.
Одишь! . . . . Нѣшь, арфа-другъ оспалась съ нимъ
во шмѣ,

Спрадальца ушѣшашъ своимъ ушылымъ звукомъ.
Онъ пѣль хвалы: предметъ его похвалъ Эльморъ.
„Счастливецъ! браиннымъ сномъ смежилъ шы свѣшлый
взоръ

Подъ благодапными опчизны небесами;
Набросана земля родная надъ коспями.
Счастливецъ! Твой опець на гробъ шебѣ принесъ
И споны нѣжныя и дань чистѣйшихъ слезъ.
Счастливецъ! Ты погибъ оплаканный друзьями;
А я, пришлецъ, умру на берегу чужомъ;
Мой шрупъ положашъ въ гробъ холодными руками;
Ни друга, ни сестры, ни матери со мной!
Подруга славная моей судьбы несчастной,
Въ послѣдній разъ воспой, о арфа, сладкогласно!
Нашъ скоро разлучашъ — и грубою рукой
Порвущъ спруну швою; швой голосъ онѣмѣешь.
Уже и надъ шобой мой жребій шягошѣешь.
Шпенай же, арфа шы, шпенай шеперь со мной!
Какъ много замышлялъ еще я сладкихъ пѣсенъ!
Мнѣ ихъ не пѣшь! Конецъ! Увы! предѣлъ мой шѣсенъ.
Мой гробъ опверзшь! — и слухъ о пришлецѣ умреть,
И мимо темный Бардъ безъ зависши пройдешь.“

Но въ спруны грянули Пѣвцовъ полночныхъ лики
И Скальда нѣжнаго терзаетъ вопль ихъ дикій:
Поюшь хвалебный Гимнъ, кошпорый на пирахъ
Одиновыхъ гремишь въ честь храбримъ, падшимъ
въ брани.

Олшарь безъ Зодчаго воздвигнули въ поляхъ
 Изъ неопесанныхъ каменьевъ грубы длани.
 Намоченный шопоръ, сверкающій въ рукахъ,
 Являетъ узнику орудье близкой казни.

И благородный Скальдъ спокойно, безъ боязни
 На мѣсто лобное идешь передъ олшарь!
 Но звуковъ варварскихъ онъ больше не выносишь
 И руку вверхъ поднявъ, въ послѣдній слова просишь.
 „Вѣщай!“ вскричалъ ему неперильный Царь.
 Поклономъ изъяснивъ Царю благодаренье,
 „Опець Эльморовъ! Мнѣ оставь ты попеченье
 На арфѣ возгремѣшь Царевича дѣла;
 Мой смертный Гимнъ — ему да будешь похвала
 И гибельной моей побѣды искупленье!“
 Сказалъ Эдвинъ. Монархъ, сей рѣчью изумленъ
 И дерзоснью шакой незапой пораженъ,
 Гошовидся изречь во гнѣвъ наказанье....
 Но арфы тихое послышалось бряцанье —
 И мщенье умерло на рошущихъ усахъ.
 Эдвинъ воспѣлъ свой Гимнъ, опсвергнувъ смерти
 страхъ,
 Сосѣдствомъ гибельной сѣкиры не смущенный,
 На камень, гдѣ его ждетъ смерть, облокоченный;
 Ни голосъ у него, ни сердце не дрожишь.

„Надежда Царская опчизны,
 Въ бояхъ давно Царемъ онъ былъ;
 Духъ зла — зависшикъ славной жизни,
 Его рукой моею сразилъ.“

*

Безвѣстный рашникъ и безсильный,
 Героя свергъ я въ смертный ровъ:

Сражаешь такъ пасухъ пустынный
Медвѣдя, ужась смѣльчаковъ!

*

Дни бившъ, какъ праздникъ поржествуя,
Подъ звукъ щипа онъ только пѣлъ;
Вошце надъ головой бушуя,
Валы ревѣли! — Онъ лепѣлъ

*

На вражескій корабль предшечей
И шрупы хищнымъ ястребамъ
Бросалъ сраженныхъ въ грозной сѣтѣ,
Или бродящимъ въ слѣдъ волкамъ.

*

Наполнилъ край поморья дальнѣй
Онъ звукомъ подвиговъ своихъ;
Вздыхали дѣвицы печально
О немъ; но онъ забылъ о нихъ . . . .

*

И милой Ризмы взоръ прекрасный
Въ немъ воспалилъ младую кровь;
Ее, какъ мечъ, любилъ онъ спрашно —
И въ дѣвѣ вспыхнула любовь.

*

Въ надеждѣ вѣрнѣй на свиданье
Его подруга сердца ждешь;
Но скоро машь ея въ рыданья
Промолвишь: „Другъ швой не придешь!“

*

„Онъ палъ безвременно въ сраженьѣ!“
Преступника узнаешь ты,

Несчастно-скараго на мщенге...
Просишь ли, дѣва красоны?

*

Что зрю? Богиня бѣдспивѣй сходишь —
И руку простираешь мнѣ;
Съ меня горящихъ глазъ не сводишь.....

О шѣнь Эльморова! Къ тебѣ!

*

Съ улыбкой жду, чшобъ смерть сразила:
Въ дому Асгардовомъ оцашь
Тебѣ подь вѣзомъ Идразила
Медь спашу въ чашу наливашь.

*

Твой Пьснопѣвецъ, Гимны славы
Тебѣ ошныиъ посвящу;
Въ Валкаль пирь вожей кровавый
Твоей хвалою оглашу.

*

Несчастный Царь! Въ послѣднѣй въ жизни
Дерзну мольбу шѣбѣ принесшь:

Въ далекой край моей ончизны

Ты перешли печальну вѣшь.....

*

На холмъ, гдѣ предки почивающъ,
Туда, гдѣ машь моя съ сеспррой
Меня напрасно ожидающъ. —

Приблѣжся, Бардъ! Исполни свой

*

Кровавый долгъ. Мнѣ смерть ошрадой!
Ошечество! Прими мой вздохъ!

*

Вѣтръ Сѣвера, Дыши прохладой!

Одѣнь могилу, мягкій мохъ!“

Эдвинъ умолкъ; но съ струнъ слезаль опзвѣвъ
унылой —

И Царь, порабочень ему безвѣстной силой,
Какъ будто сладкій сонъ опъ вѣждъ своихъ опрясь,
Въщаль сквозь слезъ, его перерывавшихъ гласъ:

„Богъ пѣснопѣнїя! Опкрой мнѣ, вдохновенный,
Какой волшебницей премудрой наученный,
Ты слезы горькія умѣешь усладить

И месць . . . . . (късобъ вѣришь могъ?) . . . . на жа-
лоснь премѣнишь?

Гдѣ взялъ ты дивное и пайное искусство,

Цѣлишь въ душѣ опцевъ опчаянїя чувствво?

Приблизься, Бардъ, ко мнѣ; съкиру изломаи,

Олшарь сей опрокинь! . . . . А ты, о Скальдъ! внимай.

Твой гимнь Эльмора пѣнь съ побою примираешь.

Свободень ты, иди, обрадуй мать; она,

О горе мнѣ! сто разъ счастливѣе меня!“

И Скальдъ безъ чувствъ къ стопамъ Монаршимъ
упадаешь.

Народъ обрадованъ. — На завтра только день

Съ сосѣдственныхъ холмовъ согналь ночную пѣнь,

Великодушный Царь, не гнѣвный, но печальный,

Вновь хочешь слышать Гимнь Эдвиновъ погребальный,

Въ кошоромъ похвалень драгой его Эльморъ.

Скальдъ повинуется — и Пѣсню искупленья

Сей прогашельный Гимнь былъ названъ съ эпихъ
поръ.

Эдвинъ грустя побрель въ прїюшь успокоенья,

На милой родинѣ опять ожилъ душой;

У сердца матери онъ ищешь утѣшенья;
Младаго Вицязя соединивъ съ сестрой,
Подъ часъ любишься прекрасною чешой.
Зарылъ въ песокъ свой мечъ, о камень раздробленный;
Но каждый день помясь все большею тоской,
Мнилъ зрѣшь его въ крови Эльмора обгаренный,
Мнилъ зрѣшь Арминія съ упрекомъ предъ собой.
И въ ночи бурная, волнуемъ мрачной думой,
Бродилъ вдоль берега и по горамъ угрюмой
И въ горестныхъ мечтахъ о прошломъ погружёнъ,
Лешающую шель Эльмора видѣлъ онъ.

Воейковъ.

Царское село,
Маія 17-го, 1824.

На годовичное торжество взятія Парижа.

Стихи, читанные въ публичномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО
Дерптскаго Университета, 19-го Марта 1815-го года

Побѣда! Миръ! — И каждый шагъ
Россіянъ — шагъ къ добру и славъ!
Свобода свѣта — цѣль въ бояхъ;
Не о всемірной мнѣшь Державъ!

Великій Царь! Средь спрашныхъ стѣ
Народовъ Ты любовь и радость!
Плѣнилъ враговъ Твой грозный мечъ
И цѣлый міръ плѣнила благость.

Во прахъ Галльскіе полки,
Въ плѣну и обласши и грады;
Тиравъ опъ мстительной руки
Бѣжишь — и просишь лишь пощады.

Великій Царь! Средь страшныхъ съчъ
Народовъ Ты любовь и радость,
Плѣнилъ враговъ Твой грозный мечъ
И цѣлый міръ плѣнила благость.

На спогнѣ зрю Хрисповъ олшаръ,
Поющій Гимны, ликъ священный;
На прахъ гобѣдитель-Царь,
Предъ нимъ колѣнопреклоненный.

Великій Царь и проч.

Враги, молящіеся шамъ;
Союзныхъ рашъ, Вожди, Владыки!
О Царь, великій по дѣламъ,
Ты по смиренію великій!

О Александръ! средь спрашныхъ съчъ и проч.

Ты храмы Вѣрѣ возвратилъ,
Царя-опца столицѣ сирой;
Злодѣйства хищника покрылъ —
Бурбоновъ свѣшлую порфирой.

О Александръ! Средь спрашныхъ съчъ и проч.

Россіяне! Бѣды прошли;
Сломили рогъ врагу надменну,
Свое опечество спасли
И опомсмили за вселенну.

О Александръ! Средь спрашныхъ съчь
Народовъ Ты любовь и радость!
Плѣнилъ враговъ Твой грозный мечъ
И цѣлый міръ плѣнила благость.

Воспоминаніе

К ъ С о ф і и.

Ты шьму различностей въ себѣ соединяешь:
Какъ Ангель хороша, какъ духъ насъ мучишь злой;
Ты именемъ своимъ о мудрости вѣщаешь
И до безумія плѣняешь красошой.

Кн. Вяземскій.

Зачѣмъ живыя выраженья
Моей пріязни, каждый разъ,
Въ Васъ возбуждаютъ опасенья
И возмущаютъ даже Васъ?
Спрашишесь Вы (спрашишесь право)
Не взволновали-ль Вы мнѣ кровь
И голосъ дружества любовь
Не принимаетъ ли лукаво?
Душа полна поски ея;
Но я разсудка не забуду
И на смяшеніе мое
Ошвѣща пребывать не буду.
Не терпишь богъ молодыхъ проказъ
Ланишь увядшихъ, впалыхъ глазъ.
Надежды были бы напрасны!
Чтожь? Я не жалокъ и пришомъ
Любуясь Вами, какъ цвѣткомъ,
Я счастливъ тѣмъ, что Вы прекрасны.
Когда я въ очи Вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному помленью,
Слегка о прошломъ я шужу;
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межъ мудрецами былъ чудакъ:
„Я мыслю“ пишешъ онъ, „ишакъ
Я несомнѣнно сущесшвую!“
Нѣтъ, любишь ты и потому
Ты сущесшвуешь — я пойму
Скорѣ ишину шакую.
Огнемъ, похищеннымъ съ небесъ,

Одушевилъ свое созданье
Япешовъ сынъ — и въ наказанье
Жестокой, мстительный Зевесъ
Къ вершинѣ дикаго Кавказа
Его цѣпями приковалъ;
Врань сердце грызшь ему лешагь.
Кто опъ единого разсказа
Не цѣпелъ, не пренепалъ?
И Вы шрепещете; но что же?
Въ огнѣ любезныхъ мнѣ очей
Я занялъ жизнь души моей.
За это мстили Вы мнѣ поже
И также ради мстить, ей ей!
Но въ жаръ краса моя не вводилъ:
Тяжелый опынъ взялъ своё.
Я захожу въ пріюпъ её,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходишь,
Душою празный съ давнихъ поръ,
Вамъ лепечу я нѣжный вздоръ:
Увы! беру прельщенья мѣры,
Какъ онъ порою въ храмъ шомъ
Благоуханья еженъ безъ Вѣры,
Предъ сердцу чуждымъ Божесшвомъ.

Боснійскій.

Баянь къ Рускому воину,

при Димитрѣ Донскомъ, прежде знаменитаго сраженія
при Непрядвѣ.

(Посвящено А. А. В — ой.)

Споилъ — за олтари Святые,

За Богомъ вычаниныхъ Царей,

За гробы праошцевъ родные

За женъ, ошцовъ и за дѣтей.

Лобановъ.

О бранный Вишязь! Ты печаленъ,
Одинъ, съ поникшею главою,
Ты бродишь, мрачный и нѣмой,
Среди могилъ, среди развалинъ;
Ты видишь въ родинѣ своей
Слѣды пожаровъ и мечей.

*

И неужель права забвенья
Успѣешь выростъ на гробахъ,
Пока не вспыхнешъ въ сихъ поляхъ
Война рѣшишельнаго мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

*

Твои ошцы Славяне были,
Жельзомъ спрашныи врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣни — злашо приносили.

И не свобода ль имъ дала
Ихъ знаменишья дѣла?

*

Когда съ полпой отважныхъ брашій
Ты грозно кинешься на бой, —
Кшо сильный сдержишь предъ побой
Враговъ шьмочисленныя раши?
Кшо сгонишь блѣдность съ ихъ лица
При видѣ гнѣвнаго бойца?

*

Рука свободного сильнѣе
Руки измученной ярмомъ.
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохошовъ звучитъ;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухаго скрежеша цѣпей!

*

Не гордый духъ завоеваній
Зовешъ булашь швой изъ ножонъ:
За честь, за Вѣру грянешъ онъ
Въ швоей опомнившейся длани —
И передъ челами Ташаръ
Не промахнешся швой ударъ!

*

На бой, на бой! — И жаръ Балновъ
Съ народной славой оживешъ
И арфа смѣлыхъ пропоешъ:
„Конечъ владычешву ширановъ:

Ужасенъ Ханъ Ташарскій былъ,
Но Рускій мечъ его убилъ!“

Лыковъ.

Дерпшъ,

20-го Авг., 1823.

С т р а н н и к ъ .

Романсъ.

Сгуслися, ночные небеса
Зіяли пламенной пучиной;
Шумѣли мрачные лѣса;
Гроза собиралась надъ долиной, —
Когда невѣрною сноной
Шель спираникъ сбивчивой дорогой
И огонекъ передъ собой
Увидѣлъ въ хижинѣ убогой.

*

„Добро пожаловать,“ възгласъ
Пришельцу старецъ сановишый —
Межъ тѣмъ какъ въшерь пограсалъ
Съней оконницы разбишы.
Передъ лампадой, у Иконъ,
Въ углу красавица молилась —
И громъ гремѣлъ со всѣхъ сторонъ,
И градомъ буря разразилась.

*

„Куда, опколѣ, спранникъ мой,“
Хозяинъ госня вопрошася. —
„Кпо ближніе, гдѣ край родной? . . .“
Но пошь рѣчь спарца прерывася: —
„Не зналъ я машери, ошца;
Ошець мой — общій всѣхъ Хранишель;
Ошрада — добрыя сердца,
Пришанище — швоя обимель!“

*

И съ шой поры молодой пришлецъ
Остался въ хижинѣ смиренной.
Союзъ двухъ радостныхъ сердець
Примѣромъ былъ любви священной
И часто дочери вѣщаль
Съ слезою крошкѣй благодѣшель:
„Счастливы, кпо сираго взыскаль:
Ему награда — добродѣшель!“

А. Г. Соловьевъ.

Къ розамъ,

присланнымъ Е. П. С. . . . . отъ.

О розы нѣжныя! подарокъ драгоцѣнный!
Въ васъ образъ жизни молодой! —
Украсьте вы мой кровъ уединенный,
Гдѣ укрываюся съ разшерзанной душой,
Гдѣ я вошце опъ бурь ищю успокоенья . . .
О гостыи милья! Друзьями будьте мнѣ!
Вы будьте здѣсь свидѣтели однѣ,

Непарушимага никѣмъ уединенья,
Тоски мучительной и похаенныхъ слёзъ,
Какъ здѣсь сношу одинъ моей Судьбы гоненье.

И прелестъ самая и нѣга милыхъ розъ,
Роскошное благоуханье,

Ихъ видъ, ихъ цвѣтъ — цвѣтъ красоты,
Пишашъ грусть во мнѣ, унылыя мечпы,

Неисстребимое ничѣмъ воспоминаье. —

О вы, унылые друзья!

Вы въ сиротствѣ моемъ, въ прудахъ ума шажелыхъ,
Милѣ мнѣ друзей веселыхъ:

Вы обществу мое, моя семья!

Съ гостями милыми не разлучуся я.

Людьми оставленный, я подружусь съ цвѣтами.

Я васъ люблю. Любишь необходимо мнѣ....

Цвѣщите жъ вы въ моей унылой шиниѣ!

Я буду самъ ухаживашъ за вами,

Чшобъ розы крапкѣй вѣкъ продлишь,

Васъ буду я беречь отъ солнечнаго зною

И всемершвящаго васъ холода хранишь.

Я не привыкъ къ нему душою!..

Цвѣщите, милые цвѣпы,

Цвѣщите въ ведро и несчастье!....

Пусть будущъ хоть они мнѣ вспомнашь о счастьѣ

И привлекашь крылашныя мечпы!...

Н. Н.

Село Тайнинское,

1823.

О б л а к а .

(Изъ Стихопвореній Каролины Рудольфи.)

Волнистое шумана покрывало

Одѣло свѣспый солнца ликъ;

Какъ все вокругъ печально, мрачно спало!

Какъ помный василекъ поникъ!

Вдругъ солнце вновь, съ пльнипельной улыбкой,

Явилось изъ за темныхъ пучь —

И ожиль вновь цвѣшокъ на вѣшкѣ гибкой,

Благословляя солнца лучь.

Красой своей любуешся свѣшило,

Глядясь въ серебряный пошокъ;

Но облако опяшь его покрыло —

И полевый увяль цвѣшокъ.

О милый другъ! И въ счастьи жизни нашей

Найдемъ подобие цвѣшка .

То радость мы вкушаемъ полной чашей,

То скорби насъ гнешеть рука.

Разсѣй, молю, безумное желанье

Во мнѣ, Хранишель-Ангель мой;

Желаніе, чшобъ счастьемъ обладанье

Не разшавалося со мной!

И радостно цвѣшы встрѣчать я спану

Въ печальномъ, жизненномъ пупи,

И радостно зываць не переспану:

Творецъ имъ повелѣть расти!

Обильною, опеческой рукою,
Повсюду, вѣсьмъ Онъ блага льешь:
Идешь ли кшо добра спезей свяшою,
Того къ блаженству Онъ ведетъ!
Почтожь намъ бѣдъ безвременно спрашишься,
Коль радости наши дни злашишь?
Мы счастьемъ успѣемъ насладишься,
Пока оно не улешись!
Учись ли оно; — мы безъ роптанья,
Мы съ твердостью должны спрадашь —
И гласъ тогда опрадный упованья
Намъ счастье возврашь оняшь!

Масальскій.

11-го Іюня, 1824.

Печаташь позволешся: Августа 20-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

А в г у с т ь , 1 8 2 4 .

П Р О З А .

А с т р а х а н ь .

(Изъ дорожныхъ записокъ одного путешественника.)

Нѣтъ ни одного изъ нашихъ древнихъ городовъ, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ происшествиемъ Россійской Исторіи, который бы не могъ служить самъ содержаніемъ особенной Исторіи.

Муравьевъ. (М. Н.)

Не завидую путешественникамъ, презирающимъ настоящее и будущее, углубленнымъ въ одну спарину, въ одно давно-минувшее. Пускай они всходящъ на спремнины, спускающъ въ подземелья и, какъ спрасшные любители древностей, разбирающъ надписи гробницъ, оспрываютъ печальныя урны, порщящъ зрѣніе надъ монетами Греческими, надъ медалями Римскими, надъ Гіероглифами Египетскими. Пускай нагружающъ они корабли драгоценными обломками, Сфинксами и обелисками, саркофагами и столпами бѣломраморными. Горжусь тѣмъ, что первый сдѣлалъ извѣстными найденныя въ Кіевѣ монеты Владиміра. (*)

(*) См. В. Е. 1816-го года.

Не завидую путешественникамъ, видѣвшимъ гробницы Саксонскаго Маршала, Кардинала *Ришельё* или *Биккельрида*, падшаго за свободу отечества: я преклонялъ колѣна передъ гробомъ *Минна*, *Румянцова-Задунайскаго* и поклонился въ Аспрахани мученическому праху Архіепископа *Іосифа*, пострадавшаго за вѣрность къ Царю, за любовь къ отечеству.

Не завидую и ямъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые были знакомы съ Лордомъ *Бейрономъ*, бесѣдовали съ *Бенжаменъ-Констаномъ*, слышали споры Орашоровъ Нижняго Парламенша, пили Шампанское въ Шампани, Бургонское въ Бургони, съ жадностью Скиѳа срывали янтарный виноградъ на холмахъ Рейна и спускали по снѣжнымъ хребтамъ великолѣпныхъ горъ Альпійскихъ. Много наслажденій для жишеля холоднаго Сѣвера; но какая польза для Россіи? — Къ тому же, объ Италіи все сказано; всѣ ея виды, всѣ достопамятныя развалины срисованы; а о Россіи? . . . Страны, описанныя *Палласомъ* и *Лепехинымъ*, перемѣнились: пустыни заселены, города перестроены по новому чершежу, просвѣщеніе сдѣлало шаги исполинскіе. Дождусь ли исполненія сладчайшихъ надеждъ моихъ? Увижу ли еще разъ величественный Кавказъ и славнаго Полководца *Ермолова*? Посѣщу ли цвѣтущую Одессу и буду ли тамъ бесѣдовать съ любимцемъ Рускаго народа — Генераломъ *Воронцовымъ*, и съ шобою, о перль прекраснаго пола, несравненная В. Д.! Ты, кошорая была бы Рускою *Дезульеръ* или *Лафаеттъ*,

еслибъ не предпочитала скромную славу доброй жены-матери блестящей славѣ Писательницы? Обойму ли тамъ Пѣвца Бакчи-Сарайскаго фонпана, котораго талантъ, можешь быть, теперь есть первый Писательскій талантъ въ Европѣ? Взгляну ли еще разъ на златоглавый Кіевъ; услышу ли тебя, о нашъ Златоустъ, мудрый Архипастырь *Евгеній*? О друзья мои! Для меня счастье путешествовать по отечеству. Много въ дорогѣ скуки, лишеній, неприятностей; но еще больше новыхъ картинъ для глазъ и новыхъ наслажденій для души.

Я не обскакивалъ кругомъ земнаго круга;

Но подражалъ пчелѣ:

Она въ родномъ ульѣ

Сбираетъ медъ съ роднаго луга

И какъ изъ воску сотъ слѣпляетъ,

Къ чужимъ пчеламъ неидетъ перенимать.

На свой манеръ ей мило рукодѣлье.

Она хозяйкою живетъ въ уютной кельѣ:

Ей святъ домашній лугъ; сладка его роса;

Въ шрудахъ ея вожди — Природа,

Свобода

И небеса.

Описаніе моего путешествія не такъ приятно, какъ душистый сокъ цвѣтовъ, собираемый шрудоблюбною пчелою; но

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ;

Отечества и дымъ намъ сладокъ и приятенъ.

Дорога отъ Сарепты до Астрахани идетъ по нагорному берегу Волги, по займищамъ и песчанымъ буграмъ. Лѣтомъ она утомительна для лошадей сыпучими песками, которые спановаяся глубже и глубже, по мѣрѣ приближенія къ сему городу. Несносна для людей отъ оводовъ, комаровъ и мошекъ: ихъ такое множество, что кажешся будшо весь воздухъ превратился въ сихъ докучливыхъ, безопвязныхъ насѣкомыхъ. Не любя куришь шабакъ, я долженъ былъ безпрестанно держать шрубку во рту; на лицо надѣвашь сѣтку, дегшемъ обмазанную; привыкнувъ дышать чистымъ воздухомъ, задыхаешься ночью подъ жаркимъ пологомъ; уполя жажду спуденою водою Невскою или Трехъ-горною, глошаешь въ нестерпимый зной шеплую Волжскую.

Каждый шагъ въ Астраханской Губерніи ознаменованъ благошворными заведеніями Губернашора, Никишы Аѳанасьевича *Бекетова*. Прежде его, отъ Царицына до Астрахани, кромѣ Черноярска и Еношаевска, не было ни одного селенія. Донскіе Козаки, коихъ по 600 чрезъ два года высылалось на Волжскую линію, содержали обѣ сіи крѣпости и Царицынскую, форпосты, Почту; на нихъ лежала обязанность, провожашь Казенныя суда, дѣлашь поиски по рѣкѣ и сухому пуши надъ разбойниками. Они жили въ окопахъ, отстоящихъ въ 25 и 30-ти верстахъ одинъ отъ другаго. Положеніе Донцовъ было здѣсь самое непріятное и разорительное. Но кому же бы содержашь Почту и охраняшь сіи страны,

дикія и ненаселенныя? При первой возможности, Правительство освободило ихъ отъ сей тяжкой повинности. Земля въ сей песчано-глинистой и пустой степи считалась неспособною ни къ садоводству, ни къ земледѣльству. Теперь, по всему берегу Волги, цвѣшущія станицы Астраханскихъ Козаковъ, нивы съ пшеномъ и кукурузою, виноградные и плодовиые сады, бахчи съ прохладными арбузами и сочными дынями; спада пасущся на островахъ; прибыльная рыбная ловля, доходные перевозки и цѣлыя поля, засѣянныя табакомъ и картофелемъ. Вездѣ жизнь, дѣятельность, изобиліе.

Астрахани совсѣмъ не видно изъ дали: она какъ будто выходитъ изъ воды, какъ будто какой нибудь чародѣй вдругъ создалъ ее волшебнымъ жезломъ своимъ. Съ противоположнаго берега, отъ перевоза, Панорама ея великолѣпна. Почернѣвшая ограда Кремля, съ полыню, на вершинѣ зеленѣющею; великанскія башни съ рѣдкими зубцами, завѣшенныя покровомъ пылики, кошорый время набросило на сіи швердыни; величественный пяшиглавый Соборъ о прехъ ярусахъ; огромный Архіерейскій домъ, соединенный съ нимъ высокими на каменныхъ дугахъ переходами; Консиспорія, Судебныя мѣста, Адмиральшество, Гимназія, Госпиные дворы, сіяющіе Кресты на церквахъ и полумѣсяцы на мечешяхъ: все это, отражаясь въ зеркалѣ водъ, восхищаетъ, очаровываетъ.

Не надолго сей восторгъ, сіе очарованіе! Переправясь черезъ Волгу, вы проѣзжаете по грязнымъ улицамъ и увязаете въ смрадной шинѣ. Подлѣ каменнаго дома видите лачугу, пустырь, упавшій заборъ, подпершую ограду, соленое озеро. Предмѣстія еще хуже опшроены. Городъ (*) расшанушь на 15 верстѣ по островамъ, образуемымъ рукавами Волги и каналомъ, въ рѣку Кумушь проведеннымъ. Отсюда 70 верстѣ до Каспійскаго моря. (**)

Больше всего на первый разъ порадовало меня избавленіе отъ писка несносныхъ комаровъ, жала слѣпней и докучливости мѣлкихъ мошекъ, копорыя влепающъ въ носъ, въ ротъ, въ глаза, въ уши. Вшорою радостью: весьма извинительною для шого, кто прѣхаль почти изъ подѣ Сѣвернаго полюса, насладился я, увидѣвъ въ лавкахъ горы плодовъ, одни другихъ спѣлѣе, душистѣе, румянтѣ. Я ихъ ласкаль жаднымъ взоромъ, вкушалъ ихъ благовоніе, выбиралъ, опшѣдывалъ.

Лучше опшроенная часть города находится на Заячьемъ островѣ. (***) Петербургскіе жишели

(*) Онъ лежитъ подѣ $46^{\circ} 21' 12''$ широты и подѣ $65^{\circ} 42''$ долготы.

(**) Въ такомъ состояніи находился сей опдаленный городъ въ 1813-мъ году. Съ тѣхъ поръ дѣлательное мѣстное Правительствво сдѣлало въ немъ много улучшеній. Чрезвычайно трудно осушить улицы предмѣстій, ежегодно наводимыя Волгою во время ея разлива.

(***) Я жилъ въ домѣ А. М. *Мамышева*, гостепрѣимствомъ котораго, также какъ и благосклоннымъ прѣимомъ Д. С. С. *Веригина* и К. С. *Мянова* не могу довольно нахвалиться.

называющъ Невскій Проспектъ улицу върошери-
мости. Астрахани еще приличнѣе сіе названіе.

Я видѣлъ Астрахань, сей памятникъ великій.

Тамъ Россѣ-младенецъ, полудикій,

Европѣ славный даль примѣръ

Терпимости всѣхъ вѣръ.

Тамъ Браминскій пагодъ и подлѣ храмъ Армянской;

И церковь Люшеранъ

Съ мечетью шамъ Магомешанской;

Тамъ церковь Греко-Россіанъ

Въ сосѣдствѣ съ Римско-Католицкой;

Часовня Спаровѣровъ въ рядъ

Съ кибишкой идиоловъ Калмыцкой. (*)

Нынѣшняя Астрахань 10-ю верстами ниже спарой, завоеванной при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ 1554-мъ году, Княземъ *Пронскимъ*.

Ограда Кремля и многія церкви построены изъ тонкихъ Ташарскихъ кирпичей: для сего разломаны и Ханскій дворецъ и мечети въ прежней столицѣ, копорой не оспалось и признаковъ. Разноцвѣтные изразцы, въ стѣнахъ закладенные, громко вопіюшъ о скоропреходящей славѣ міра. Гдѣ Монголы? Гдѣ Нагайцы? Народы сходяшъ съ ушесныхъ стремнинъ могущества, нѣсколько времени поблишавъ на солнцѣ славы и въ одинъ мигъ,

---

(*) Въ Астрахани 5 монастырей, 1 Пустыня, 22 церкви Рускихъ православныхъ, 4 Армянскихъ, 2 Римско-Католическихъ, 1 Люшеранская, 14 мечетей, 2 Браминскихъ Индейскихъ молебницъ и на выгонѣ нѣсколько Богослужебныхъ Калмыцкихъ кибишокъ Далай-Ламскаго исповѣданія.

какъ снѣжная глыба, ошорванная ошь пояса Кавказской горы, упадающъ. И сей, еще и прехъ вѣковъ не прожившій городъ, прешерпѣлъ ужасныя бѣдствія. Турецкій Султанъ *Селимъ II* ошправиль 20,000 Турокъ, 50,000 Крымскихъ Ташаръ сухимъ пушемъ; 5,000 Янычаръ на судахъ изъ Азова, Дономъ, для завоеванія Аспраханскаго Царства и соединенія каналомъ Дона съ Волгою. Янычары, защищавшія сію земляную работу, на голову разбишы Россіянами подъ предводительствомъ Князя *Серебрянаго*: онъ упаль на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Сія печальная вѣсть распросранила страхъ въ сухопушной Арміи, осаждавшей Аспраханъ: Турки бросили снаряды, обозы, оружіе, въ безпорядкѣ побѣжали безводною степью и почши всѣ погибли ошь жажды и изнуренія. И Аспраханъ много потерпѣла ошь осады: окружныя селенія выжжены и разорены варварами. Прошло десять лѣтъ мирныхъ, счастливыхъ. Здѣшніе жишели начали дышашъ свободнѣе. Промышленность призвала въ городъ рукодѣля. Кремль окружилъ себя башнями. Храмы Господни одѣлись великолѣпьемъ; веселые пасухи разсыпали спада свои по шучнымъ пажиямъ окрестностей. Радостный земледѣлецъ, ходя большими шагами, началъ браздить ниву искривленнымъ плугомъ. Корабли лешали къ берегамъ Хивы и Персіи. Казалось, шорговля вручила Аспраханскимъ гражданамъ золошой ключъ ошь Азіяшскихъ сокровищъ. Но судьбы Вышняго неиспоѣдимы! Его мудрая десница часто съешъ

на нивѣ бѣдствій сѣмена будущаго благоденствія. Обѣ Асрахани можно сказать, что она въ несчастіяхъ, какъ серебро въ горнилѣ, очищена седмерицею.

Въ 1614-мъ году Маринка, супруга Лжедимирія, сопровождаемая *Заруцкимъ*, совсѣмъ неожиданно явилась у воровъ Асрахани, введена въ нихъ предательствомъ, ограбила святыя храмы, Казну, жишелѣй и — бѣжала; однако на берегахъ Урала поймана и отправлена въ Москву подъ спражею.

Еще ужаснѣйшій бичъ челоѣчества, *Стенька Разинъ*, Донской Козакъ, а попомъ Ашаманъ разбойничій, поднялъ знамя бунта въ 1669-мъ году; кровь полилась, деревни запылали, грабежъ рыскалъ по улицамъ, перебѣгалъ изъ дома въ домъ. Асрахань превратилась въ вершечъ разбойничій; опсель производилъ кровопійца *Разинъ* свои убійственныя набѣги на берега Каспійскаго моря, Оки и Казанки. Въ сихъ пагубныхъ обстоятельствѣхъ Митрополитъ *Іосифъ* показалъ непоколебимую вѣрность къ престолу и заслужилъ благословеніе и современниковъ и потомства. Услышавъ, что Воевода, Князь *Прозоровскій*, опасно раненъ мясешниками на приступѣ и опнесенъ въ Соборъ, онъ посѣщилъ шуда и пріобщилъ Св. Таинъ умирающаго. Когда же неистовые вломились въ храмъ и въ ономъ буйствовали, не стерпѣла великая душа его: онъ началъ ихъ укорять и грозить спрашнымъ судомъ Божиимъ. Раздраженные разбойники хотѣли шуть же умерш-

вишь Свяшишеля; но Богъ сохранилъ драгоценную жизнь его на избавленіе невинныхъ Христіянъ, изъ коихъ весьма многихъ укрылъ онъ онъ сихъ люшыхъ варваровъ. До самаго дня, когда *Іосифъ* воспріялъ мученической вѣнецъ съ благородною рѣшимостію, съ безбоязненнымъ сердцемъ, день и ночь посвящаль онъ, какъ добрый Пасхыръ, попеченію о погибающей пасхвѣ, избавлялъ безоружныхъ агнцовъ изъ подъ ножа разбойниковъ, увѣщеваль буншовщиковъ, покоришся предержавшей власши и переспашъ злодѣйствовашъ. „Вамъ надлежишь схвашишь сихъ Донскихъ разбойниковъ,“ — говорилъ онъ Спрѣльцамъ, — „и скованныхъ опправишь къ Царю. Беру на себя исходашайствовашъ вамъ прощеніе., — Но сердца слушателей его окаменѣли. Спрѣльцы, измѣнивъ Царю, измѣнили и православной Вѣрѣ. Укоры Свяшишеля только раздражили ихъ: они поклялись убийшь его. Рано поушру первагонадесять Маія, буншовщики хлынули въ Соборъ неспройными шолпами: они волновались, какъ море, шумѣли, богохудьствовали. Въ сердцахъ ихъ кипѣло мщеніе. Они шребовали въ свой кругъ Мишрополиша. *Іосифъ*, въ Архіерейскомъ облаченіи изошелъ на свое мѣсто и спокойно спросиль: „Зачѣмъ они его призвали?“, — По данному онъ Ашамана знаку, выпунилъ изъ шолпы извергъ *Каченовскій* и обвинялъ Мишрополиша въ пришѣсненіи Козаковъ, въ умыслѣ на ихъ гибель, въ ешараніи, писменными увѣщаніями опдѣлишь онъ ихъ жителей Дона и

Терека; называлъ это коварнымъ проискомъ, обманомъ. — „Я не писалъ ни на Донъ, ни на Терекъ!“ — возразилъ неуспрашимый Архипастырь — „но еслибъ и писалъ: шо это не обманъ, не прешупленіе. Донскіе и Терекскіе Козаки не враги наши: они намъ единоплеменные, подданные одного великаго Государя. Увѣщеваю и васъ, шакже какъ ихъ, возвраиись къ миру, къ брашескому согласію. Православные! Бойшесь суда Царя земнаго, бойшесь суда Царя небеснаго!“ — Сія рѣчь привела въ бѣшенство мяшежниковъ. Они бросились срывать съ него священныя одежды и изрубили въ куски одного изъ своихъ поварищей, осмѣливагося сказать, чшобы не намагали рукъ на Архіерея въ священномъ облаченіи. *Іосифъ*, уже давно гошовый поспрадать за правое дѣло, помня слова Спасителя, чшо пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, увидѣлъ часъ свой и самъ повелѣлъ священнослужителямъ разоблачить себя. Мяшежиики повлекли свою жертву въ Кремль, связали *Іосифу* руки и ноги, рвали шѣло его горячими щипцами и полу-мертваго, истерзаннаго, бросили съ раската. Содрогнулись изверги, соверша сіе злодѣяніе. . . . Глубокая, мрачная тишина засшупила въ кругу ихъ мѣсто буйныхъ воплей и восклицаній. Какъ будшо опъ несшеримага сіянія, какъ будшо видя надъ собою висящій пламенный мечъ Ангела-мшителя, опустили они головы, пошупили глаза въ землю — и безмолвно, какъ бы украдкою, одинъ за другимъ,

разошлись по домамъ. Ночь прошла спокойно. На другой день Священники умаслили шѣло Свяшишеля мурромъ и погребли его въ Соборной церкви со всѣми, подобающими высокому сану его обрядами. Въ послѣдствіи, *Стенька Разинъ* и главные сообщники его схвачены Войсковымъ Ашаманомъ *Яковлевымъ* на Дону и казнены въ Москвѣ, также какъ измѣнникъ *Заруцкій*.

Въ 1705-мъ году своевольные Спрѣльцы взбуншовались. Городъ испыталъ всѣ ужасы междоусобія. Насиліе вырвало бразды Правленія изъ рукъ законной власши; безпорядки заступили мѣсто благочинія. Но Петръ бодрствовалъ на престолахъ. Онъ зналъ, что слабость споль же гибельна для Царства, какъ и спрогость чрезмѣрная. Фельдмаршалъ *Шереметевъ* возстановилъ устроиство; Спрѣльцы испреблены.

Въ 1692 и 1693-мъ годахъ моровое повѣтріе опустошило Аспрахань: 16,000 человекъ содѣлались его жертвами. Землетрясенія нерѣдко угрожали ей разрушеніемъ. Въ 1767-мъ году пожаръ испребилъ большую половину общеспвенныхъ зданій и 1,300 домовъ обывашельскихъ. Екатерина II пожаловала городу 170,000 рублей. Въ 1807-мъ году, шогда какъ Наполеонъ свирѣпствовалъ на берегахъ Вислы, моръ, не меньше его губительный, заразилъ здѣсь воздухъ ядовитымъ своимъ дыханіемъ.

О видъ, для сердца горестный! На стогнахъ
городскихъ
Вольные въ жалкихъ рубищахъ, какъ призраки,
лежащъ;
Полмершвые съ кровавья постели вславъ
щащашъ
Ихъ жизнь, почши попухшую, на солнцѣ угасить.
И прупы, черной кровію омытые своей,
Разбросаны и хищный врань и коршунъ прочь
лешашъ.
Вошь здѣсь пловецъ жалющій, чпо въ морѣ
не погибъ;
Тамъ воинъ унывающій, чпо въ бишвѣ не сра-
жень;
Тамъ набожный, довлекшійся кой-какъ до олшаря,
Дыханьемъ оправляющій свой Небу ѳиміамъ.
Другой глаза на вѣкъ смѣжилъ; но въ спи-
снущой рукѣ
Свѣча еще все шеплиси предъ Образомъ Свя-
шымъ.
На хладныхъ камняхъ прапезы шрепещущая
машъ
Забошиса о дочери; о ней ея шоска;
Ее улыбкой нѣжною желешъ ободришь,
Ей въ сердце ушѣшеніе съ надеждой хочешъ
влишь.
Но бешъ ея послѣдній часъ и жизнь елешла
съ вѣждъ.
Разшпались; но не на длго, и цѣпи разорвавъ,

Летить и дочь за машерью поспѣшно въ небеса.
Другая мать-спрадалица рѣшается и нѣтъ —
Младенца-сына первенца ошь сердца опорвать
И алыя уста его ошь груди удалить.

Ахъ! онъ съ млекою пишательнымъ, бытъ
можешъ, ядъ всосешъ.

А здѣсь — съ щеками впалыми младенець пре-
клонивъ

Колѣна, молишь Господа помиловать его.

Здѣсь юношу полмершваго, за мершваго почпя,
Влекушь гробокопатели въ могилу погребашъ...

Очнулся... молишь сжалишься... нѣтъ жало-
сти въ сердцахъ!

Друзья бояшя вспрѣпшишься съ друзьями юныхъ
льшь;

Ошцы Врачамъ безжалостнымъ ввѣряють жизнь
дѣшей

И нѣжная красавица въ ошчаянни бѣжишь

Ошь ласки мужа спрашнаго, какъ будто бы
за ней

Жилецъ могилы гнишя, чшобъ въ хладныхъ
сжашь рукахъ.

Но благодѣтельное Правительство не дремало;
оно приняло сильныя мѣры и зло задушено въ ко-
лыбели.

Въ новыя времена достопамятнѣйшее и сча-
спливѣйшее событіе для здѣшняго края ешь пребыва-
ніе въ ономъ Петра Великаго и Персидскій походъ
его, имѣвшій сподъ большое вліяніе на Азіатскую
торговлю нашу.

Преобразитель Россіи, сопровождаемый супругою, всегда разделявшею съ нимъ шруды, оплыль изъ древней Руской столицы водою, на *Московскомъ стругъ* своемъ, 15-го Маія 1722 года. Въ Нижнемъ поклонился до земли праху почивающаго въ Соборѣ знаменишаго гражданина *Минина*; назвалъ его избавителемъ Россіи; изъявилъ сожалѣніе о томъ, что сей великій мужъ не оставилъ по себѣ попомковъ. Въ Казани осмопрѣлъ казенную суконную и часную купца *Михлева* фабрику и, замѣшивъ его смышленность, опдалъ ему во владѣніе казенную. „Я увѣренъ,“ сказалъ проницательный Монархъ, „что ты скоро доведешь ее до желаемого мною превосходства.“ Продолжая плаваніе по Волгѣ, съ любопытствомъ осмопрѣлъ развалины города Болгарь, приказалъ хранишь ихъ отъ расхищенія и починишь башни, копорья начинали уже разрушаться. Въ Саратовѣ имѣлъ свиданіе съ Калмыцкимъ Ханомъ *Аюкою*; пригласилъ его съ семействомъ къ обѣденному столу и изъ уваженія къ масшипой его спароспи, самъ встрѣшилъ его на берегу и вель за руку на свой стругъ. Въ Астрахани Императоръ избралъ своимъ мѣстопробываніемъ маленькой деревянный домикъ подъ тѣнью грушь, на берегу Кумума. Первое попеченіе обрапилъ онъ на драгоцѣнное здорвье своихъ Полтавскихъ сослуживцевъ. Онъ предписалъ имъ гошовишь особую пищу, запрешилъ отъ 9-го часа ушра до 5-ти по полудни ходишь съ непокрышою головою по улицамъ, спашъ на голой земль, а приказалъ под-

спилашь камышь или сѣно. Въ досужные часы разсаживаль виноградныя лозы, которыя первоначально посажены въ 1107-мъ году, плѣннымъ Каполическимъ монахомъ; распроспранены, при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, присланнымъ сюда въ 1640-мъ году Готторпскимъ уроженцемъ Яковомъ *Ботманомъ*, который и устроилъ здѣсь первую поливальную машину, приводимую въ движеніе силою вѣтра. Петръ учредилъ здѣсь Садовую Коншору; опредѣлилъ въ Директоры ея Француза *Насіета*, коего попомки и теперь извѣсны подѣ именемъ *крестьянскаго Садоваго Общества*, и приказаль безденежно опводить земли желающимъ разводиль сады виноградныя.

Іюля 17-го, Россійскій Флотъ, подѣ предводительствомъ Генераль-Адмирала *Апраксина*, вышелъ въ море. Императоръ начальствоваль передовымъ отрядомъ. Ему сопутствовали Аспраханскій Губернаторъ, Артемій Пешровичъ *Волинскій*; Молдавскій Господаръ, Князь *Кантемиръ*; Тайный Совѣтникъ *Толстой* и собшвенный Секретарь Его Величества *Макаровъ*. Екатерина оспалась въ Аспрахани.

Завоевавъ Дербеншь и наказавъ хищныхъ Лестинцевъ, Петръ поручилъ управление военными дѣйствіями *Апраксину*: а самъ, 4-го Октябрия, возвратился въ Аспраханъ, опшколь 13-го Декабря опправился водою до Царицына, а попомъ сухимъ путемъ въ Москву.

Въ 1795-мъ году возгорѣлась новая война съ Персією. Генераль, Графъ Валеріанъ Александровичъ *Зубовъ*,

прибыль въ Астрахань и повель Рускую Армію въ Дагестань. Онъ первый изъ нашихъ Полководцевъ перешель Кавказскія горы и завоевалъ почти всѣ приморскія области Персидскія. Сполѣтній спарецъ, который въ молодости своей подносилъ ключи Дербенша Петру Великому, поднесъ ихъ и Графу Зубову.

Преобразитель Россіи имѣлъ намѣреніе, поспроить при устьѣ Куры городъ. „Въ немъ,“ — сказалъ онъ Полковнику *Соймонову*, — „будеть средоточіе Восточной торговли.“ Сіе пророчество рано или поздно должно исполнишься надъ Астраханью. По крайней мѣрѣ Императоръ Александръ все къ этому приготовилъ. Побѣдоносная война съ Персією, окончанная славнымъ миромъ; Россійскій флагъ, господствующій на Каспійскомъ морѣ; усмиреніе хищныхъ Горцевъ; водруженіе Св. Креста въ Осетіи; завоеваніе приморскихъ областей Персидскихъ съ хорошими гаванями, Царства Грузинскаго и Сѣверовосточныхъ береговъ Чернаго моря; Посольства въ Тагеранъ, въ Бухару, въ Хиву — разбудили дремавшую торговлю Астрахани. Но для приведенія оной въ цвѣтущее состояніе необходимо учрежденіе торговаго Общества: оно усилишь капиталы, подкрѣпитъ довѣренность, ободритъ робкихъ купцовъ, предпочтающихъ вѣрный внутренній шоръ рыбою, ошдавленному и опасному заграничному, гдѣ шовары ввѣряются невѣрному морю и еще болѣе невѣрнымъ, хищнымъ народамъ Азіатскихъ пустынь.

Теперь въ городѣ Аспрахани полагають до 30,000 коренныхъ жителей и до 20,000 пришельцевъ изъ верховыхъ городовъ, питающихся здѣсь работою при рыбныхъ промыслахъ, въ виноградныхъ садахъ, на фабрикахъ.

Рѣдко гдѣ можно найти такую смѣсь Азіяшскихъ и Европейскихъ народовъ, какъ здѣсь. Лѣтомъ, нестерпимый зной удерживаетъ жителей цѣлый день въ домахъ; вечеромъ гуляють они въ будни по улицамъ, а въ праздники по садамъ и дачамъ.

Здѣсь, въ ночи лѣшнія всегдашній маскарадъ
На улицахъ большихъ, какъ въ масляницу шумный,
Веселый, многолюдный.

Съ какою сладостью кидалъ я жадный взглядъ
На пестрое сіе собраніе Хивинцевъ,
Трухменцовъ, Калмыковъ, Бухарцевъ, Кабар-
динцевъ,

Киргисъ-Кайсаковъ, Персіянъ,
Каракалпаковъ и Армянъ,
Грузинъ, Черкесъ, Ташаръ, Индейцевъ и Ду-
горцевъ,

Уральцевъ и Донцовъ,

И безпощадныхъ Черноморцевъ,

И страшныхъ, хищныхъ Гребенцовъ!

Въ 1813-мъ году считалось до 4000 деревянныхъ, до 180-ти каменныхъ домовъ и до 200 купеческихъ лавокъ; пришли сюда изъ верховыхъ Русскихъ городовъ съ шоварами 123 расшивы; по рыбному и шюленьему промыслу въ оборотѣ было денегъ до 9-ти милліоневъ

рублей; находилось въ дѣйствіи болѣе 100 шелковыхъ, бумажныхъ и сафьянныхъ заводовъ.

Вообще, торговля съ Азіяпцами для насъ, также, какъ и для всѣхъ Европейскихъ народовъ, убыточна: Персіяне, ежегодно отпускаютъ намъ отъ 7 до 15 тысячъ пудъ шелку, выигрываютъ, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ червонцевъ; Бухарцы и Хивинцы, за хлопчатую бумагу, болѣе 30 тысячъ. Самый же существенный подрывъ наносятъ ей Индейцы, коихъ человекъ 30 всегда живутъ въ Аспрахани. Они чрезвычайно скупы, ничего почти не издерживаютъ и ничѣмъ кромѣ денегъ, коими ссужаютъ торговцевъ за большіе проценты и подъ вѣрный залогъ, не торгуютъ. Такимъ образомъ, наживъ несмѣшное богатство, смѣняются другими своими единоземцами — и увозятъ съ собою миллионы полновѣсныхъ червонцевъ. (*)

Образъ жизни Дворянъ, Чиновниковъ и знашнаго Купечества такой же, какъ и во всѣхъ Губернскихъ городахъ нашихъ. Вообще здѣшніе граждане наблюдаютъ опличную опрятность въ домахъ. На каждомъ дворѣ есть амбары для рыболовныхъ снастей, погреба, ледники, а на иныхъ и сушильни для рыбы. Рускія купчихи одѣваются въ парчи, шпофы, бархаты. Жемчугъ есть вывѣска богатства мужа и лучшее достоинство жены; а потому онъ окупи-

---

(*) Индейцы уже не берутъ случая брать непомерные проценты, съ тѣхъ поръ, какъ учреждена здѣсь Контора Коммерческаго Банка. Она всѣхъ честныхъ купцовъ ссужаетъ деньгами, за самыя малые проценты. В.

ваюшь имъ голову, унижаютъ грудь, шею, руки. Чѣмъ больше — тѣмъ наряднѣе; чѣмъ крупнѣе — тѣмъ купчиха спѣснѣе. У каждой, сидящей въ воскресный день передъ домомъ своимъ на лавкѣ, мѣлочной торговли, увидите вы на шеѣ жемчужное ожерелье. Купцы щеголяютъ лошадьми и упряжью.

Гостепріимство напоминаетъ времена Пашріархальныя: проживъ здѣсь около чепырехъ недѣль, я ни разу не обѣдалъ дома и каждый день былъ приглашаемъ не къ одному обѣду, а къ нѣсколькимъ. Однажды, я просилъ здѣшняго имяннаго купца С — ва, чшобы онъ, по своей ко мнѣ благосклонности, приказалъ продать мнѣ, для посылки въ гостиницу, лучшей доброты рыбы. На другой день явился у меня его прикащикъ; взявъ записку о томъ, какой и сколько рыбы мнѣ поребно; часа черезъ три привезъ оную и никакъ не хотѣлъ брать денегъ, ошговариваясь тѣмъ, что ошъ хозяина сіе строго запрещено ему. Въ другой разъ жаловался я, что не имѣю для разъѣзда по городу легкаго экипажа: шохъ же С — въ прислалъ мнѣ дрожки, на копорыхъ и ѣздилъ я во все пребываніе мое въ Аспрахани. Гуляющимъ въ виноградныхъ и плодовишыхъ садахъ позволяется сколько угодно рвать и кушать: запрещено брать плоды съ собою.

Съѣстные припасы чрезвычайно дешевы. Симбирскъ и Саратовъ снабжаютъ Аспраханъ хлѣбомъ, кочующіе народы быками и овцами, степи дичью, Волга рыбою, Кизляръ виномъ, сады плодами.

Первый мой шагъ въ городѣ былъ въ Соборъ. Онъ построень въ 1705-мъ году Митрополишомъ *Сампсономъ*: въ верхнемъ ярусѣ церковь Успенія, а въ нижнемъ Владимірскія Богѣматери. Подъ нею погреба и кладовыя. Сей величественный, огромный храмъ строень по образцу Соборнаго Рязанскаго. Ризница и ушварь богаты: много золоша, драгоценныхъ камней и особенно жемчугу. Миѣ показывали Архіерейскую одежду, сверху до низу въ клѣшкѣ жемчугомъ унизанную и съ двумя по краю, шакими же бахрамами. Правда, что жемчужины пусклы, мѣлки и некруглы; но все количество оныхъ и тяжесть сей ризы чрезвычайны. Въ Архіерейской митрѣ вставленъ крупный изумрудъ, неоцѣненный, еслибъ вода его была чище и не имѣлъ онъ шрецины. Никогда не забуду пріятныхъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ саду Покровскаго монастыря, лѣшняго мѣшопребыванія здѣшнихъ Архіепископовъ.—Нѣсколько разъ слушалъ я Липургію въ Армянскомъ Соборѣ и присушествовалъ при любопытномъ Богослуженіи Браминовъ Индейскихъ. Ихъ обряды, по наружности, во многомъ сходствуютъ съ Христіанскими; есть колокола; завѣса отдѣляетъ жреца, совершающаго пайныя молитвы; молящя въ землю, преклоняющъ колѣна; жрецъ подноситъ молящимся освященное питье въ золошой чашѣ и хлѣбъ или Срацинское пшено; благословляетъ ихъ. Живущіе здѣсь Индейцы ведутъ самую спрогую жизнь: не пьютъ вина, не ѣдятъ мяса. Они расписываютъ себѣ лобъ красною, желшою и бѣлою краскою. Тупоумы и крошки, какъ агнцы.

Калмыцкое Далай-Ламское Богослуженіе также торжественно: оно сопровождается звукомъ трубъ, мѣдныхъ шарелокъ и другихъ громкихъ музыкальныхъ инструментовъ. Бурха-Ургю (Богослуженная кибишка) пространнѣе обыкновенной; подбита внутри шелковою тканью, или расписана. У нихъ цѣлые полки Духовныхъ, копорые осуждены вести безбрачную жизнь, носящъ одежду и шапку желтаго цвѣта, праздны, хищры и развратны. У Далай-Ламисовъ есть родъ монашескій; ихъ *Дьянги* (монахи) и *Шабханки* (монахини) опречаюся отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ. Тѣ и другія живутъ въ *Хуруль* (кочевомъ монашескѣ), мѣстопребываніи Рускаго Далай-Ламы или главной Духовной особы. У Калмыковъ есть свои Духовныя рукописныя книги.

Магомешанскіе обряды вездѣ одни и тѣ же: Татары осѣдлые и кочевые держатся сей Вѣры. У меня будетъ посвящена особая статья описанію путешествія по кочевьямъ потомковъ Чингисъ-Хановыхъ: ихъ племена многочисленны и, имѣя одно вѣроисповѣданіе, не сходствуютъ между собою ни обычаями, ни образомъ жизни.

Какое разнообразіе народовъ, племенъ и Вѣръ представляетъ Россія, счастливая подъ державнымъ скипетромъ благословеннаго Александра!

Отъ Царства Польскаго до областей Кам-
чашскихъ,

До Лисскихъ острововъ,

И ошь Архангельскихъ холодныхъ береговъ
До знойныхъ странъ Кавказскихъ,
Спо Въръ, обычаевъ, климатовъ, языковъ;
Великолѣпіе Природы
Въ горахъ, моряхъ, степяхъ, лѣсахъ, долинахъ,
льдахъ.

Какое зрѣлище! Безчисленны народы
Въ черпогахъ, юрсахъ, шалашахъ,
Въ кибикѣ, на сшеи, въ землянкѣ, на ска-
лахъ,

Одеждой, нравами, лицомъ разнообразны;
Но всѣ въ любви къ ошечеству согласны,
Всѣ сходны въ счасъи и правахъ.

И въ храмѣ собственномъ всѣ на своемъ языкѣ,
У собственного олшаря,
Хвалу поюшь Всевышнему Владыкѣ
За добраго Царя!

Въ Аспрахани издаешся въ нынѣшнемъ 1813-мъ году Газеша. подѣ названіемъ: *Востогныя извѣстія*. Она содержишь Полишику, Сшашиспику, изящную прозу и Сшихотворенія. Вошь сшихи, недавно напечатанныя въ одномъ изъ лисшковъ Воспочныхъ извѣстій.

„Ошь Рускихъ ранень кто среди прошекшихъ
дней?„

— Ней! —

„Не ужъли ускакаль ошь нихъ Наполеонъ?„

— Онъ! —

„Гдѣ полчища его съ оружіемъ въ рукахъ? „

— Ахъ!!! —

„Пропали всѣ они — повѣришь не возможно? „

— Можно. —

„Не ужьли Россѣ еще врагамъ и зло покажешь? „ —

— Окажешь! —

„Какое? Врагъ себя еще не обольстешь? „

— Льстешь. —

„Такъ! Всѣ враги себя добра не обрѣшутъ? „

— Тушь! — —

„Конечно. Сей французъ опасный вершопрахъ

И скоро посему онъ обратишься въ прахъ!!“ —

Въ Астрахани есть Театръ. Мнѣ случилось видѣть три представленія. Строеніе деревянное, довольно обширное; декорации посредственны; между Актёрами есть нѣкоторые съ шалансомъ и чувствомъ; жаль только, что они стиховъ совсѣмъ произносятъ не умѣютъ. При мнѣ играли: *Блѣдность и благородство души* и *Сына любви*, обѣ Драмы *Коцебу* и *Хвастуна*, прекрасную Комедію *Княжнина*. Какой-то наблюдатель опечесшвенныхъ нравовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что Приказнослужители Губернскихъ городовъ, гдѣ издавна существуютъ Театры, образованнѣе, опрятнѣе въ одеждѣ, вразумительнѣе въ бумагахъ и меньше бесѣдуютъ съ Бахусомъ, нежели въ тѣхъ, въ которыхъ общество лишено сего благороднаго препровожденія времени.

Въ Театрѣ лучшій тонъ, обычаи и вкусъ

И образованный языкъ я слышу Музъ;

Въ Театрѣ сирогій умъ, споль скучный съ
поученьемъ,
Находишь къ сердцу пушь съ изящнымъ на-
слажденьемъ.

Тамъ зимній вечеръ я невинно провожу
И лучшимъ всякій разъ ошполъ выхожу.

Пешербургскіе богачи никогда не видяшь у себя на споль такихъ роскошныхъ блюдъ, какъ здѣсь люди самаго посредственнаго сосоянія. Къ Архіепискому Гаю имѣлъ я рекомендабельное писмо ошъ А. И. Т — ва: онъ принялъ меня весьма благосклонно. Сей достопочтенный Архипасхыръ родомъ изъ Грузіи, высокъ, осанисшь, имѣешь прекрасные черные волосы на головѣ и бородѣ. Онъ былъ очень любимъ Княземъ *Потемкинымъ* и въ ошличной милосши у Екатерины II-й, ошъ кошорой получилъ богашо рубинами осыпанную панагію. Гайъ ведешь строгую монашескую жизнь и неусыпно печешся о духовной пашвъ. Любишь Ученыхъ: у него познакомилъ я съ Професоромъ Казанскаго Университета Ф... и Грузиномъ К..., бывшимъ въ свитѣ Графа *Мусина-Пушкина* въ пушешествіи по Кавказскимъ горамъ и имѣющимъ богашое собрание шамошнихъ насѣкомыхъ. Первый мой обѣдъ былъ у Архіепископа. Не могу не описашъ вамъ сего, простаго вседневнаго спола, изъ домашнихъ запасовъ изгошовленнаго, кошорый вы, жишели холоднаго Сѣвера, почшете за пиръ великошпный и дорого спюющій. Надобно васъ пред-

упрединь, сказавъ, что здѣшніе Архіереи имѣють
свою рыбную ловлю, виноградные и плодовиные сады.

Карамзина бранятъ голодные Зоилы

За то,

Что путешественникъ нашъ милый

Разсказывая то и се,

Описывалъ свои обѣды.

Я не смѣюсь надъ нимъ:

Онъ Руской — и его на Руской ладъ бесѣды!

Попишь, поѣшь любили наши дѣды;

И крѣпкое вино, и жирные обѣды,

Какъ воздухъ были нужны имъ,

Или какъ слава и побѣды.

Конечно до моихъ всеневныхъ мѣлкихъ дѣлъ,

Такихъ, какъ напримѣръ, гдѣ спать, что пить,

что ѣль,

По справедливости Чинашелю нѣтъ нужды;

Но сердцу доброму и чуждые не чужды.

Кто прощаніе по пескамъ,

Сыщучимъ, хошь Россійскимъ,

Добыча солнечнымъ сжигающимъ лучамъ,

Измучень жаждою, какъ будшо по степямъ

За караваномъ шель Ливійскимъ,

Подъ шучей комаровъ, слѣпней,

Не видядесять, двадцать дней,

Ни одного шракшира;

Тому простишело, мнѣ кажеша, ей ей,

Сказать словца два-три о вкусныхъ винахъ

пира

И объ ухѣ изъ сперлядей:

Вѣдь радости полна сама играетъ лира!

Скашершъ, усыпанная цвѣтами и виноградными листьями; холодное изъ живой бѣлой рыбыцы; уха изъ аршинныхъ сперлядей, какъ янпаремъ подернутая; икра изъ распластаннаго осетра, только что вынутая и слегка посоленая; шахмая; пудовой арбузь, золотая Наурская дыня, виноградъ осми родовъ (*), рассыпныя дули, ароматныя абрикосы: отъ всего эшаго распаяло бы сердечко и у А.... И...., разгорѣлись бы глазки и у А... Л... (**). Преосвященнѣйшій подчиваль насъ двадцатилѣтнимъ Горскимъ виномъ, ни чѣмъ не уступающимъ Мадеръ и Кизлярскимъ, имѣющимъ вкусъ лучшаго Сомерна. Послѣ обѣда мы пошли въ галерею, копорая окнами на Сѣверъ. Вечеромъ выпилъ я чашку чаю съ настоящею Кизлярскою водкою: грѣшень, мнѣ показалась она вкуснѣе, чѣмъ съ Ямайкскимъ ромомъ!

Аспраханскіе сады не похожи на наши Сѣверныя: виноградныхъ считаеся до двухъ сотъ; каждый изъ нихъ дремучь, какъ лѣсъ и даетъ доходу, какъ хорошая деревня. Лучшіе однакожь, не въ предмѣстїи, а на островѣ Черепахъ, въ селѣ Началовъ, устроены Губернапоромъ *Бекетовымъ*, копорого

(*) Всѣхъ родовъ винограда считають до шридцати; но не всѣ въ одну пору созрѣвають. В.

(**) Извѣстные охотники сладко покушашъ; оба жили въ Царствование Елисаветы Петровны. В.

прахъ почиваетъ въ здѣшной церкви. Нынѣ сіе богатое заведеніе принадлежитъ Генераль-Маіоршѣ *Ахматовой*; два сада въ хорошій годъ доставляютъ до 10,000 ведръ вина. Въ плодовыхъ, однихъ взрослыхъ дулъ считается до 15,000 деревьевъ. На поляхъ сѣютъ горчицу, изъ которой выдѣлывается масло; есть шелковый заводъ; но объ послѣднія опрасли Сельскаго Хозяйства не въ цвѣтущемъ состояніи. В.

(Будетъ продолженіе.)

Оскаръ д'Альва.

П о в ѣ с т ь .

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

1.

Свѣшпильникъ ночи блиспалъ на лазоревомъ небѣ и разливалъ сладостное сіяніе по берегамъ Лоры. Сѣрые зубцы древнихъ башенъ Альвы до облакъ возвышались. Смолкло оружіе въ опустѣломъ замкѣ.

2.

Сколько разъ блѣдные лучи мѣсяца упали на шлемы воиновъ Альвы, когда они, въ глубокую полночь, выступали на брань въ сіяющихъ латахъ!

3.

Сколько разъ съ сихъ сшремнншыхъ ушесовъ, о копорые раздробляются яроспнныя волны, мѣсяць

видѣль, какъ смерть разрываетъ ряды воиновъ и храбрые глашаютъ пѣснь въ своемъ паденіи!

4.

Взоры ихъ, коимъ не суждено видѣть великолѣпное свѣшило дня, опвращались опъ кроваваго поля битвы и, закрываясь вѣчною пьюмою, еще искали блѣднаго мѣсяца.

5.

Часто благодворяли они привѣсные лучи его. Тогда онъ горѣлъ для нихъ звѣздою любви; шеперь онъ свѣча погретальная, шускло горящая на сводѣ неба.

6.

Высокій родъ владѣтелей Альвы погасъ. Башни ихъ замка, покрытые шускомъ вѣковъ, видны изда-леча; но сами Рытари не преслѣдуютъ ни еленей въ лѣсахъ одичавшихъ, ни враговъ на полѣ сраженія.

7.

Кто были послѣдніе владѣтели швои? Зачѣмъ мохъ одѣлъ швою ораду, спаринный замокъ Альва! Эхо не впоритъ подъ сводами звука шаговъ воин-швенныхъ; оно глхимъ гуломъ свиспитъ съ бу-шующими вѣтрами.

8.

И при вѣяннн предразсвѣшнаго свѣжаго вѣпра слышенъ ужасный звукъ въ длинныхъ швоихъ пере-ходахъ. Онъ пошрясаетъ спѣны полуразвалившіяся, колеблетъ своды растреснушыя.

9.

Буря гремитъ щипомъ мужественнаго Оскара; но знамя его не развѣвается надъ долинами; не колеблется на шлемѣ черное перо его.

10.

Ангъ благословилъ счастливый день рожденія Оскара. Это былъ его первенецъ. Васаллы, сидя вокругъ пылающаго огня, шоржесивозали сей день вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ.

11.

Охотники поразили мѣпкими стрѣлами быспроногихъ ланей; рогъ зазвучалъ на пршесивѣ; воинственный звукъ его веселилъ сердце храбрыхъ жипелей горъ.

12.

„Настанетъ время,“ — радостно восклицали они, — „и звонъ рога будетъ предшчею сыну Рыцаря, ведущаго къ побѣдѣ дружины беспрашныхъ.“

13.

На другой годъ Ангъ облобызалъ впораго сына: день его рожденія былъ также праздникомъ. Сполы прещали подѣ множествомъ брачень и своды дрожали отъ восклицаній пирующихъ.

14.

Ангъ обучилъ юныхъ сыновей, мешко посылашь острыя стрѣлы и разишь ими ланей на шемныхъ холмахъ Альвы безъ промаха. Въ бѣгу Оскаръ и Алаць опереживали псовъ быспроскачущихъ.

15.

Минули лѣта младенчества — и юноши уже стояли въ рядахъ воиновъ. Они умѣли владѣть копьемъ и пробивать кольчуги убійственнымъ оспріемъ его.

16.

Черные волосы Оскара развѣвались по волѣ вѣтра. Свѣшлые кудри ошѣняли чело Алана; но оно было блѣдно и задумчиво.

17.

Оскаръ имѣлъ духъ Рыцарскій. Въ глазахъ его можно было читать движенія чистаго его сердца. Аланъ съ малолѣтства привыкъ къ скрытности и щедро сыпалъ сладкія слова.

18.

Оба пылали мужествомъ; много Саксонскихъ копій изломано о желѣзные щипы ихъ. Сердце Оскара не знало страха; но ему былъ знакомъ сладкій шрепешъ любви.

19.

Характеръ Алана не соотвѣтствовалъ красотѣ наружной: его прелестное шло достойно было души благороднѣйшей. Вихрь его мщенія, какъ громъ, упалъ на его непріятелей.

20.

Дщерь Гленальвона, наследница помѣстій Кеннефа, прекрасная и юная, пришла изъ Соушаннона — и обдеснула мрачный замокъ Альвы.

21.

Оскаръ искалъ руки ея. Ангъ благосклонною улыбкою одобрялъ выборъ сына. Союзъ съ дочерію Гленальвона льстилъ гордости владѣтеля Альвы.

22.

Зазвучали звонкіе рога, загремѣли брачныя пѣсни. Радостное эхо далеко по рощамъ разноситъ веселыя звуки.

23.

Воины въ шлемахъ, ошѣненныхъ красными перьями, шолпяся въ замкъ Альвы. На каждомъ наброшена разноцвѣтная маншія; каждый ожидаетъ повелѣній отъ своего начальника.

24.

Не на башву они призваны; рогъ издастъ звуки радости; насмалъ день бракосочетанія Оскара; звонкія пѣсни дышатъ веселіемъ.

25.

Гдѣ же Оскаръ? Не пора ли? Гдѣ шакъ запоздалъ нешерпѣливый женихъ? Всѣ гости, всѣ красавицы съѣхались: всѣ ищуть глазами Оскара и его брата.

26.

Наконецъ являешся Аланъ — и садится подлѣ обрученной. „Зачѣмъ медлишь Оскаръ?“ спросилъ его Ангъ. „Гдѣ онъ? — „Его не было со мною въ роцѣ,“ отвѣчалъ братъ его.

27.

Можетъ быть, забывъ о днѣ брака, онъ заблудился, гоняясь за еленями; можетъ быть, волям

Океаны удерживають его ладію? Рѣдко волны замедляли возвращать его.

28.

„Нѣшь! Нѣшь!“ восклицать горесшный родишель, „ни охоша, ни море не въ силахъ удержашъ моего сына. Можешъ ли онъ нанесъ Морѣ шакое оскорбленіе? Его не остановило бы никакое препяшствіе!“

29.

„Воинны! Други! Ищите повсюду моего сына. Аланъ! Обѣги съ ними окрешности Альвы! Спупайте — и не возвращайтесь, не опъискавши моего сына.“

30.

Все въ смяшеній. Дикіе голоса оглашають долины именемъ Оскара; въ ропощъ въшровъ слышно имя Оскара; ночь одѣла землю черными крыльями.

31.

Имя сіе нарушаешъ тишину ночи; но шщешно эхо, рыская по окрешностямъ, выкликаешъ Оскара. Заалѣла заря — и Оскаръ не возвращался.

32.

Безъ сна и покоя, шпри дни и шпри ночи, владѣшель Альвы ищешъ въ горахъ своего сына. Нѣшь надежды! Онъ предался своей горесши и рвалъ съдые свои волосы.

33.

„Оскаръ! Сынъ мой! Боже! Возврати мнѣ подпору моей старосши! Или предай убійцу его моему мщению!“

34.

„Можешъ бышь, бѣлыя кости Оскара безъ погребенія брошены на какой-нибудь пустынной скаль. Великій Боже! Соедини несчастнаго опца съ Оскаромъ въ Царствѣ мертвыхъ.“

35.

„Можешъ бышь онъ живъ. Перестанемъ внимашъ опчаянію. Всемогущій Боже! Прости воплю души моей, если я несправедливо ропшалъ прошивъ Тебя; просни безумію опчаянія!“

36.

„Если же онъ умеръ, безъ чеспи сойду въ могилу. Умерла надежда вѣснихъ дней моихъ. Чѣмъ заслужилъ я казнь, споль ужасную?“

37.

Такъ съповаль осиротѣвшій опецъ. Время, врачующее самыя глубокія раны сердца, прояснило чело его и осушило слезы.

38.

Изрѣдка тайная надежда шепшала ему, что Оскаръ возвратишь. Спарецъ иногда вѣрилъ ей, а чаще не вѣрилъ. Цѣлый годъ оплакивалъ онъ сына.

39.

Дни уходили за днями; солнце совершило годовый кругъ. Оскаръ не пришелъ ушѣшишь взоръ дряхлаго родишеля. Горесшь спарца сдѣлалась тише, спокойнѣе.

40.

У него оставался Аланъ: онъ былъ его единшвеннымъ ушѣшеніемъ. Скоро Аланъ овладѣлъ сера-

цемъ Моря. Красота осыпала всѣми своими дарами брата Оскарова.

41.

„Оскара нѣтъ въ живыхъ,“ говорила она сама себѣ. „Аланъ всѣхъ пригоже. Если Оскаръ существоешь; то, вѣрно, другая красавица владѣешь сердцемъ измѣнника.“

42.

„Пусть исполнился годъ,“ сказалъ имъ старецъ. „Если надежда меня обманетъ; то я заспаваю молчашь печаль мою, самъ назначу день вашего брака.“

43.

Годъ минулъ. Насталъ день, назначенный для соединенія Моря и Алана. Годъ безпокойныхъ ожиданій уже далеко. Улыбка разцвѣла на устахъ любовниковъ.

44.

Зазвучали звонкіе рога, загремѣли брачныя пѣсни. Радостное эхо далеко по рощамъ разноситъ веселые звуки.

45.

И васаллы, въ праздничной одеждѣ, снова шопящся въ длинныхъ переходахъ замка Альвы. Ихъ рѣчи дышашь веселіемъ, очи ихъ свѣплы: они забыли несчастный случай, столь ужасно прервавшій брачное пиршество . . . . .

46.

Но кто сей угрюмый незнакомецъ? Онъ грозно озираетъ бесѣдующихъ. Всѣ вперяли на него любо-

пышные взоры. Казалось, что ошь его прихода голубое пламя камина пошускнѣло.

47.

Онъ закушанъ широкими складками черной епанчи; перья на его шлемѣ кроваваго цвѣша; его голосъ ешь первое дыханіе бури; его снопы едва до земли касаются.

48.

Полночь! Круговая чаша переходить изъ рукъ въ руки. Госпи опораживаются широкое дно ея, за здоровье новобрачнаго. Ихъ восклицанія раздаются подь сводами, каждый разъ, когда она осушена.

49.

И вдругъ вспаль пришлецъ невѣдомый; все умолкло; изумленный спарець въ робкомъ ожиданіи; нѣжное сердце Моры зашрепешало.

50.

„Спарецъ!“ вѣщаль онъ, — „госпи провозгласили многольшіе новобрачному. Ты видѣль, что я исполниль ихъ шребованіе: я пиль, желая благоденствія швоему сыну. Теперь моя очередь!“

51.

„Когда все здѣсь пируешъ, радуясь счастію Алана, зачѣмъ забышь храбрый Оскаръ? Развѣ онъ не сынъ швой?“

52.

„Горе мнѣ!“ опвѣтшповаль несчастный ошець.
„Печаль разорвала сердце мое, когда Оскаръ пропаль безъ вѣши.“

53.

„Три годовыхъ круга совершило солнце и Оскаръ не возвратился. Аланъ единственное мое утѣшеніе, съ тѣхъ поръ, какъ не спало Оскара.“

54.

„Хорошо!,, — прервалъ свирѣпый незнакомецъ и глаза его ужасно сверкали. „Я любопышенъ знать участь Оскарову: можешь быть, еще живъ сей Рыцарь.“

55.

„Какъ знаешь? Можешь быть, онъ возвратился бы, еслибъ его ближніе произнесли его имя. Можешь быть, сей юный воинъ заблудился и пламень Майскихъ наслажденій еще не поухъ въ груди его.“

56.

„Наполнимъ чашу, пошлемъ ее вокругъ стола; я громко объявляю, что пью здоровье Оскара заочно.“

57.

„Опъ всего сердца,“ сказалъ старецъ и до края наполнилъ чашу. „Пью за моего сына — живаго или мертваго; никогда не будешь у меня другаго, ему равнаго.“

58.

„Хорошо, старецъ! Но за чѣмъ чаша дрожишь въ рукъ Алана? Зачѣмъ онъ ее не опоражниваетъ? Пей, братъ Оскара, пей въ воспоминаніе покойнаго, держи крѣпче чашу и не расплескивай.“

59.

Ужасная блѣдность засмутила мѣсто румянца на щекахъ Алана: крупныя, холодныя капли смершнаго поша проступили на челѣ и закапали на грудь его.

60.

Три раза подносилъ онъ чашу къ устамъ; при раза уша его опказывались лишь вино, въ ней налишее; при раза глаза его, встрѣчаясь со взорами невѣдомага, чинали въ нихъ гнѣвъ и угрозу.

61.

„Аланъ! Съ такимъ ли чувствомъ шворяшь воспоминаніе о миломъ бранѣ? Если это знакъ дружбы; то по какому же знаку откроемъ мы ужасъ?“

62.

Оскорбленный такою ядовитою насмѣшкою, Аланъ дѣлаешь усиліе; поднимаетъ чашу. „О еслибъ Оскаръ пришелъ раздѣлишь съ нами веселіе пиршества!“ сказалъ онъ и пайное чувство оледѣнило его душу. Онъ уронилъ изъ рукъ чашу. Она загремѣла и покашилась.

63.

„Это онъ! я слышу голосъ моего убійцы!“, — вскричало въ то же мгновеніе явившееся привидѣніе. „Голосъ моего убійцы!“ повторило эхо по круглымъ сводамъ замка и буря разразилась надъ пиршественною храминою.

64.

Поблѣднѣли свѣшльники, воины содрогнулись, невѣдомый исчезъ. И грозное привидѣніе спояло въ зеленой одеждѣ....

65.

На широкой перевязи висѣлъ грозный мечъ; черныя перья развѣвались на шлемѣ его; изъ широкой раны на обнаженной груди его текла еще кровь. Его очи неподвижны и шусклы.

66.

Оно при раза горько улыбнулось и преклонило колына передъ старцемъ; при раза хмурило оно брови, смотря на Алана, на землѣ распроспершаго, на кошораго всѣ смотрѣли съ негодованіемъ.

67.

Упали запоры съ ворошѣ замка; загремѣли желѣзныя вороша и сами распворились. Громъ грянулъ въ небѣ и привидѣніе умчалось на крыліяхъ бури.

68.

Всѣ вскочили изъ за шрапезы: госпи, одинъ за другимъ, оставили пиршество. Но кто сіи два челоуѣка, на полу безъ чувствъ лежащіе? Сердце Анга пересхало бишься; его возвратили къ жизни.

69.

Тщешно спараюшя оживишь Алана: его вѣжды навсегда сомкнулись. Дни его сочпены: онъ опжилъ. Аланъ не возстанешъ.

70.

Трупъ Оскара брошенъ былъ въ мрачной долиинѣ Гленшанарской; вѣпры развѣвали его черныя волосы. Спрѣла Алана была вонзена въ распоронной груди его.

71.

Опсколь приходиль грозный незнакомецъ? Кто онъ? Ни одинъ смершнй не вѣдаешъ. Но всѣ васаллы узнали привидѣнїе: эшо была шѣнь Оскара.

72.

Гордыня вооружила руку Алана: злые духи окрылили смершоносную стрѣлу его; пламенникъ зависти освѣщаль окрешносшь, когда Аланъ прицѣливался; ревность напоила его своимъ ядомъ.

73.

Быспро засвисшѣла стрѣла Аланова. Оскаръ исходиль кровью; голова его скашилась на землю; смершнй мракъ окружилъ его.

74.

Мора обольшила сердце Алана; его гордосшь смирилась предъ красою Гленальвоновой дочери. О горе! Зачѣмъ глаза красавицы, горящїе пламенемъ любви, часшо зажигающъ въ людяхъ адскїй огонь злодѣяній?

75.

Видише ли вы сію уединенную гробницу? Въ ней сокрышъ воинъ! Ее далеко различишъ можно даже и въ сумерки. Эшо брачное ложе Алана.

76.

Далеко ошъ эшаго прокляшаго мѣсша возвышается благородный памяшникъ, надъ знаменишымъ прахомъ владѣшелей Альвы. Ихъ гербъ не вырѣзанъ на гробницѣ Алановой: она осрамлена брашоубїйствомъ.

77.

Какой спарець-Менеспрель, какой сребровласый Бардъ воспоешь на арфѣ высокіе подвиги Алана? Звуки арфы есть самый прекрасный вѣнецъ славы; но кто дерзнешь воспѣвашъ убійцу?

78.

Да не дерзнешь ничья рука будить спруны молчащей арфы; да ни одинъ Менеспрель не осмѣлился воспѣвашъ хвалы Рыцарю-брапоубійцѣ! Съ его арфы слешашъ звуки погребальныя.

79.

Ничья лира, никакое пѣніе не огласяшъ окрестностей его именемъ. Надъ его могилую эхо вшоритъ проклятіе умирающаго опца и послѣдніе стоны убишаго имъ брата!

В. Рейхав

Царское село,
Августа 6-го, 1824.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Раздѣль должностей въ семействѣ сельскаго
жителя.*

(Отрывокъ изъ Демилевой Поэмы.)

Завидую судьбѣ селянъ трудолюбивыхъ,
 Въ работѣ, въ ошдыхъ довольныхъ и счастливыхъ!
 Гдѣ лучше и добрей семейства ихъ найшишь?
 Чшо съ сельскою живою каршиною сравнишь?
 О еслибъ Небеса мнѣ были благосклонны,
 Дозволя жребій мой избрать въ мой вѣкъ преклонный;
 Ихъ въ жизни объ одномъ молишь бы шолько могъ:
 Въ деревнѣ мнѣ опвесить землицы уголокъ.
 Тамъ съ милой Музою рѣзвясь на новосельѣ,
 Я упражнялся бы въ полезномъ земледѣльѣ.
 Гдѣ сладоспий пріюшь? Въ шрудахъ, но безъ заботъ
 Мудрецъ всѣхъ менте обмана здѣсь найдѣшь:
 То въ полѣ живою лубуешся волнистой,
 То обрубаетъ сукъ на яблонѣ вѣшвисшой,
 То пашетъ огородъ, шо въ лугъ счишатъ снада...
 И съ нимъ веселая надежда завсегда.
 Онъ сморитишь съ нѣжною радушною улыбкой,
 Какъ смѣло гроздь ползешъ на верхъ по жерди гибкой;
 Заботясь о цвѣшкѣ, кошорый не расцвѣлъ
 И о судьбѣ плода, кошорый не дозрѣлъ,
 Онъ вопрошатъ бѣжишь полдневные шуманы
 И цвѣшиъ вечернихъ шучъ и блескъ зари румяный.
 Надежду для него усиливаетъ спрахъ:
 Манишь ли издали награда иль въ рукахъ,

Онъ сѣсть, сажашь, ждешь, въ амбарь ссыпаешь жипю.
Но счастливей што разь орашай домовишый,
Когда скрѣпляешь ихъ семейныхъ свяшосшь узь
Сь благоразумною подругою союзь.

У каждаго своя обязанность особо :

Работы шрудныя родишель сь сыномъ оба
Дѣляшъ между собой. Они орушъ поля,
Приводяшъ воду въ садь изъ ближняго ручья;
Садишь и прививашь деревья ихъ забава,
А сладость гроздія и крѣпосшь винь ихъ слава.

Полезень юношѣ опеческій совѣшь :

Завѣщаваешь онъ ему и опышь лѣшь,
И предпріяшя и начинаній сладость,
И за увѣчаннй успѣхомъ вымысль радосшь.

„Я насадилъ сей лѣсь, очистишь эшошь лугъ;
Все, что я началъ, шы докончишь славно, другъ!
Не запускай каналъ, вокругъ нивь прорышый мною;
Лелѣй сіи древа, ровесшники сь шобою.“

Онъ говоришь. А мать — сокровище семьи,

Супруга милый свѣшь и должности свои
Не шяжкія, но ей пріяшныя имѣешъ:

О скопѣ молока и чистосшь радѣешъ;

Въ овчарню бдишельный кидашь часшо взоръ;

За голубяшню ей сладосшень надзоръ;

Цвѣшникъ и овощи предметъ хлопошь всегдашнихъ;

Она веселая душа своихъ домашнихъ.

Дворь пшичной хлопошень: што пшицамъ спать на-
сѣшь,

То надо уголокъ, чшобъ лица имъ несѣшь.

По утру заспаешъ хозяйка памъ нерѣдко.
Цыпленокъ вывелся, гнѣздо опяшь съ насѣдкой
И теплое яйцо, спасенное при ней.
И вопъ съ невинною добычею своею,
Веселая, бѣжипъ она домой обратно:
Ей къ завтраку успѣшь подашь его пріятно.
Могуль забышь, чпо ей весь ппичникъ поручёнъ?
Ея спараніемъ опрашенъ, весель онъ;
Въ пошерѣ вольности ппичъ-пѣвчихъ ушѣшаешъ,
Сама имъ изъ корзины пшеницу разсыпаешъ,
На кормъ приносишь мухъ, мурашекъ и червей;
Породы чпшмота всего дороже ей;
Сочешаваешъ ихъ, хозяйство имъ заводипъ,
Влюбленную чешу въ опдѣль особый вводипъ
И образъ своего блаженспва видипъ въ нихъ.
Насшала ли пора любви для ппичекъ сихъ?
Бросаешъ волну, мохъ и мягкій пухъ бумажный.
Ихъ вырвавъ изъ руки въ гнѣздо самецъ опшважный
Несешъ — и спелешъ памъ, забопясь о ппенцахъ.
Ей дочь сопуществуетъ и въ сладостныхъ мечшахъ,
Успроиваешъ бытъ чешы влюбленной нѣжной;
То дразнишь голосомъ или рукой небрежной,
То дозволяешъ гнѣвъ безвредный ушопляшь
И пальчики свои прелестныя клевашь.
Въ поварнѣ машъ и дочь: за шо она опрашишь,
И чай душистѣе и кофе ароматный,
И пиршество лучшая краса — пирогъ злашой,
Вкусный, сосшряпанный хозяйкою самою.

Все зрѣло: нива, садъ и винница съ плодами;
Подваль виномъ, гумно уславлено скирдами.
Такъ жили рыцари, шакъ въ замкѣ жилъ ихъ дѣдъ,
Тамъ колыбель была свяшая ихъ побѣдъ;
Тамъ съ роцей и полей воинскія ихъ длани
Сбирали для пировъ невинныя лишь дани.

Увы! И я погожь искалъ для сшарыхъ дней
И обольщаемый надеждою своей,
Ужь замышлялъ въ пріюпъ переселяться мирный,
Просшорный для меня, хопя и не обширный.
Я шамъ имѣлъ и лугъ и садъ и домикъ свой;
По свѣжей муравъ ручей змѣился мой.
О боги! Какъ онъ былъ спудень, шумливъ, прозра-
чень!
Какъ мой цвѣшникъ былъ песшрь, какъ лѣсъ былъ
дикъ и мрачень! —

И пакишь жирная, и жирныя спада,
И сочныя плоды — манило все шуда;
И нивы и скирды, какъ золошо сѣяли,
И рѣки молока, мечшалось, прошекали.
Но, ахъ! Не надолго былъ счасшьемъ усыпленъ!
Народной бурею незапно пробужденъ,
Лишился спадъ, цвѣшовъ, и изгнанъ и измучень,
Съ одной свирѣлью я осшался неразлучень.
Просшишежь навсегда, прелесшныя куспы,
Роскошныя луга, веселые цвѣшы!
Къ вамъ, рощи Пинда, къ вамъ, прохладны ваши
шѣни!
Вы въ Пѣишической меня укройше сѣни.

Мнѣ не дозволила судьбина жишь въ поляхъ ;
За то о счастья сель я спану пѣшь въ сшихахъ.
О благодатный даръ Поэзіи, воскресни !
Холмъ слушаешь и лѣсъ опвѣшсшвуешь на пѣсни.

Воейковъ.

Царское село,
Юня 4-го, 1824.

Тивольскій водопадъ.

(Посвящено Мар. Яков. Нарышкиной.)

Объяпшь жемчужной бѣлизной
Спремисья водопадъ въ пучины;
Гремишь съ Тибурскія (1) вершины,
Какъ дальній грохотъ громовой.
Въ немъ бездна водъ неизмѣрима,
Какъ въ бурю пѣнишь, кипишь
И пыль сребришая, чуть зрима,
Блестящей радугой горишь.

Дымишь пѣна по скаламъ,
Объемля сосны вѣковыя
И бродяшь холмы дождевые
По неприступнымъ берегамъ.
Брега чудесь, очарованья!
О видъ, прискорбный для очей!
Изъ подъ корней чернѣюшь зданья (2),
Останки древнихъ олшарей.

---

(1) Тиволи въ древнія времена называлось Тибуръ.

(2) Съ нашуры.

Спенаешъ побѣжденъ упешъ
И обезсиленъ въ глубь валишся;
Уже подъ нимъ волна клубишся,
Паденью внемлешъ дальній лѣсъ.
Едва прислушался пугливый
Спремленью водъ младый елень,
Какъ вспрынулъ чупкій, шоропливый
И въ шихую умчался сѣнь.

Но кто съ безсмертною главою,
Кшо шамъ на камени высокомъ,
Сидишь въ мечпаніи глубокомъ
Надъ низпадающей рѣкой?
Въ огнѣ горяшь власы сѣдые
И пламень Генія въ очахъ;
Рокочушь струны золотыя
Въ его божественныхъ персняхъ.

„О сколь душѣ оправдешъ ты,
Великолѣпный видъ Природы!
Гремишь ли громъ, шумяшь ли воды,
Во всемъ ты множишь красоты.
Подъ дивною Творца рукою
То нивы гибнушь, шо цвѣшущъ . . .
И гдѣ былъ пламень подъ споною (3),
Тамъ воды ясныя бѣгушь.“

„Я поучалъ мой бурный вѣкъ, (4)
И юноши и старца лѣшны;

---

(3) Въ окрестностяхъ Рима и въ самомъ Римѣ видны слѣды огнедышущихъ горъ; въ ихъ жерлахъ нынѣ озера.

(4) *Державинъ* описывалъ ужасныя слѣды революціи.

Царямъ я подавалъ совѣты
 И истину съ улыбкой рекъ.
 Смощри... (гласилъ Пѣвецъ бряцаая,
 Здѣсь пѣни славныя живушь
 И быстро воды низпадаая,
 Мое безсмертіе рекушь.“

Я съ пайнымъ ужасомъ впериль
 Мой взоръ на высопы кремнисты
 И свѣшлый водопадъ, огнистый
Державина изобразиль.
 Надъ нимъ съ широкими крылами,
 Со взоромъ огненнымъ, орель
 Париль надъ снѣжными буграми
 И въ яры пропасши смощрѣль....

Шуми, гласи, Тибурскій шокъ!
 Здѣсь Меценашовы руины! (5)
 Въ опчизнѣ вѣкъ Екашерины
 Пѣвца шворишь завиднымъ рокъ.
 Горяшь огнемъ златой денницы
 Вѣка Художесивъ и Наукъ
 И добродѣтельной цѣвницы
 Не исчезаешь въ міръ звукъ!

К. Дм. Долгорукой.

Римъ,
 1823, Іюль.

---

(5) У самаго водопада видны развалины жилища Меценашова.

Печашашъ позволешся: Августа 27-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1824.

ПРОЗА.

Осада Коринѳа.

(Изъ сочиненій Лорда Бейрона.)

Предисловіе.

Въ 1715-мъ г., Турецкая Армія подь начальствомъ Великаго Визиря, желая открыть себѣ путь въ Морею и овладѣть важнѣйшею на всемъ полуостровѣ крѣпостью *Наполи ди Романія*, осадила Коринѳъ. Послѣ многихъ присуповъ, гарнизонъ до того ослабѣлъ, что Губернашоръ, не видя возможности обороняться противъ силъ, столь многочисленныхъ, вступилъ въ переговоры. Но въ самое то время, какъ условливались о сдачѣ города, пороховой магазинъ въ Турецкомъ лагерѣ взлетѣлъ на воздухъ; причемъ семь сошь человекъ лишились жизни. Сіе, совершенно случайное происшествіе привело невѣрныхъ въ ярость: они не хотѣли слышать ни о какомъ договорѣ, бросились на присупъ и въ тошъ же день овладѣли Коринѳомъ. Весь гарнизонъ и самъ Губернашоръ *Минопти* изрублены безъ пощады.

Теперь *Наполи ди Романія* не почитается главнымъ городомъ Морей. Паша живетъ въ Триполицѣ, гдѣ и главное мѣсто Управленія находится. *Наполи* недалеко отъ Аргоса. Я посѣждалъ все сіи шри города въ 1810 и 1811-мъ годахъ, (говоритъ *Лордъ Бейронъ*), и ѣдучи черезъ Морею горною дорогою, или прощывая отъ Аѣннскаго залива въ Лепантской, восемь разъ видѣлъ мысъ Коринтскій. На сихъ обихъ дорогахъ, хотя между собою различныхъ, представляются живописные и прекрасные виды. Морская нѣсколько однообразна; но какъ корабль всегда держится береговъ и пловцы не теряютъ земли изъ глазъ, то острова Саламинъ, Эминъ, Поро и швердая земля представляютъ великолѣпное зрѣлище.

Осада Коринѳа.

I.

Годы и вѣки, бури и брани протекли надъ Коринѳомъ; но онъ все еще возвышается, какъ оплошь, на который можешь опереться независимость Грековъ. Ни ярость вѣтровъ, ни удары землетрясеній не поколебали древней его скалы, краугольного камня страны, лишенной блеска прежней славы, но въ сихъ мѣстахъ сохранившей ошашокъ величія. Безпрестанно угрожаемый двойнымъ притиснутомъ волею, сей мысъ противоположаетъ имъ оплошь непоколебимый; съ шумомъ разбивающа валь объ его грудь невредимую или спонунтъ, лобызая крѣккія споны его. Если бы вся кровь, пролившая на сихъ

берегахъ оны Тимолеона, умершвившаго здѣсь брата, до послѣдняго бѣгства Царя Персидскаго; если бѣ вся кровь, ушучившая сѣи поля, вдругъ опять изъ земли выступила; — сей новый Океанъ запоилъ бы багровыми волнами мысъ, далеко въ море вдавшійся. Еслибъ можно было собрать бѣлыя кости рашниковъ, кошорыхъ пожалуй мечь на сѣихъ нивахъ брани; — мы бы увидѣли до небесъ возставшую пирамиду, соперницу горы *Акрополиса*, кошорая гордою главою въ облакахъ шеряется.

II.

Двадцать тысячъ копій блестятъ на горѣ Кнессонѣ и оны вершины ея до развоеннаго берега бляющаго изащры воиновъ; Мусульманскій полумѣсяць сияеть на ихъ высокихъ маковкахъ. Каждую дружиною Спаровъ предводительствуетъ длиннородый Папа и воинство Ошшомановъ расширяется, сколь далеко можетъ обнимать око человеческое. Между ними видѣнь Арабъ и послушный верблюдъ его; Татаринъ, искусно конемъ владящій; Туркоманъ, прѣмывшій посохъ пашыря на мечь грозный. Громъ пушекъ перекашывается по горахъ, какъ звукъ грома; по далекимъ облакамъ гремящаго. Не слышно бушеванія волиъ посреди воинскаго шума; оконы успроены; ядро, посоль смерни, съ убійственнѣмъ свешомъ жужжитъ, вырвавшись изъ жерла мѣднаго, бѣшетъ въ городскую ограду, кошорая мало по малу осыпается. Осажденные искусно опивчаютъ на вы-

спрѣмъ невѣрныхъ и посылающъ къ нимъ смерть въ шучахъ дыма и пыли.

III.

Кто сей вишязь, повсюду впереди вражескихъ рядовъ являющійся? Искуснѣ всѣхъ поклонниковъ Магомета въ пагубномъ искусствѣ брани, яростенъ и гордъ, какъ вождь, привыкшій повелѣвать побѣдою, онъ лешись, какъ вихрь, онъ полка къ полку, онъ дружины къ дружинѣ, всегда гошовой на новые подвиги. Онъ мчишь коня своего шуда, гдѣ опасность видимѣ, гдѣ съча кровопролитнѣ. Увидя бойницу, упорно обороняемую, спрыгиваешь съ коня и крикомъ ободряешь воиновъ, огнедышущими драконами устрашенныхъ. Спускаешь ли роковой курокъ ружья, бросаешь ли свѣшлый дрошикъ, или очерчаешь въ воздухъ кругъ блестящею саблею, — онъ всегда самый грозный вишязь подь знаменами полумѣсяца. Это *Альъ*! Это Венеціанецъ, отшшупникъ онъ Христїянскоѣ Вѣры.

IV.

Онъ родился въ Венеціи; предки его были знаменишы. Изгнанникъ изъ отечества, онъ обратилъ прошивъ него — онъ него полученное оружіе; чалма покрываешь чело измѣнника. Переходя онъ перевороша къ переворошу, Коринѣ и Греція подпали подь власть Венеціи. Среди враговъ Христїянства, *Альъ* былъ распаленъ бѣшенствомъ, грызущимъ шѣхъ, кошорыхъ жестокая обида принудила къ перемѣнѣ Вѣры. Отечество и славное восклицаніе сво-

боды не проникали въ его расшерзанную душу. Деносители, сокрывшіе себя изъ подлой прусоспи, положили въ зѣвъ льва на площади Св. Марка обвиненіе, осуждающее его на изгнаніе; онъ успѣлъ скрыться и сберець дни, войнѣ посвященные. Онъ доказалъ своему опечесшву, сколь великую сдѣлало оно пошерю, опшолкнувъ опъ своей груди челоуѣка, ищенію котораго луна обязана своею побѣдою надъ Греками.

V.

Комурджи предводишельствовалъ воинспвомъ Музульманъ; шопъ самый вождь *Комурджи*, которій позднѣ украсилъ шоржесство *Евгенія*, палъ на кровавыхъ поляхъ Карловицкихъ, какъ послѣдній и славнѣйшій изъ побѣжденныхъ; палъ, не сожалѣя о жизни, но проклиная Христіанъ-побѣдишелей. Увы! слава *Комурджи*, завоевашеля Греціи, будешъ блисшашъ, доколѣ войны Христа не возвращашъ опчизнѣ Героевъ свободы, которую она получила опъ Венеціи. Вѣки промчались съ шѣхъ поръ, какъ сей Музульманншъ покорилъ лунѣ Грецію.

Комурджи вѣѣрилъ *Альпу* начальшво надъ перодовымъ опшрядомъ. Грады, превращенные въ пепель, оправдываюшъ его довѣренность и глубокія раны ручаюшся за вѣрность къ новой его Вѣрѣ.

VI.

Сшѣны шрясушся и, каждый день гроимыя пушками, зубцы съ шумомъ обрушаюшся. Черешья разорванной бомбы пролешаюшъ въ окна чершоговъ,

обломки врывающа въ землю — и красный столпъ или вешаетъ подобно пламенному столпу волкана, или разсыпается по поднебесью, какъ грозные огни воздушныя. Облака чернѣють отъ густаго дыма и солнечныя лучи не проникають сквозь сѣрные пары, скрывающіе отъ земли свѣтлозарный ликъ его.

VII.

Не одно мщеніе одушевляеть опсупника, показывающаго Музульманамъ путь чрезъ проломъ въ городъ. Сѣсны Коринѳа заключаютъ въ себѣ дѣвицу: онъ надѣется похитить ее у неумолимаго отца, котораго не захохотѣлъ имѣть его зятемъ, когда онъ носилъ еще имя Христіанское. Тогда несправедливый приговоръ не принуждалъ его сдѣлаться предачею опсечества. Незнакомый съ заботами, весело прохаживался онъ по Венеціи въ своей гондолѣ, безпечно предавался удовольствіямъ Карнавала, давалъ сладкозвучныя серенады подъ балкономъ своей красавицы, въ шампанскія часы роскошной ночи.

VIII.

Можно было догадываться, что Франческа не всѣмъ была къ нему нечувствительна: желаемая всѣми благородными Венеціанами, она опсвергала ихъ брачныя предложенія и съ шого пагубнаго дня, какъ *Лангіотто* бѣжалъ на берега Музульманскіе, улыбка не посѣщаетъ прелестныхъ устъ юной дѣвы. Блѣдна и уныла, ежедневно молилась въ святой церкви и рѣдко, рѣдко посѣщаетъ вечеринки и пиршества. И шамъ опущенныя въ землю очи ея говорятъ ясно

объ ея равнодушн къ шолнѣ услужливыхъ обожа-
шелей. Она не блистаетъ щегольскими нарядами;
голосъ ея пошерялъ свою очаровашельную сладость;
окрыленные сноны ея не съ прежнею легкостію бѣ-
гають въ рѣзвыхъ пляскахъ по лощеному полу.

IX.

Между тѣмъ, какъ *Собіескій*, подъ спѣнами Буды
и на берегахъ Дуная, уничтожалъ высокоуміе Ош-
поманскаго полумѣсяца, Венеціанскіе Полководцы
вырвали изъ подъ Цареградскаго ига всю обласъ
ошъ Пашраса до моря Эвбейскаго. Избранный въ На-
мѣстники Дожа, *Минотти*, былъ посланъ въ Ко-
ринѣъ тогда, какъ миръ, долго не посѣщавшій Греціи,
начиналъ улыбаться несчастнымъ ея обитателямъ.
Коварное перемиріе, разрывъ котораго послужилъ
предлогомъ для изгнанія Христіанъ, еще продолжа-
лось: *Минотти* прибылъ въ Коринѣъ съ единствен-
ною дочерью. Съ того времени, какъ Менелаева су-
пруга бѣжала ошъ Царя своего и ошъ береговъ ро-
дины и оставила свѣшу разительный примѣръ того,
что пресупная любовь не оспается безнаказанною,—
Греція не видала красавицы, которая могла бы спо-
ришь съ Франческою.

X.

Проломъ сдѣланъ; заупра на разсвѣтъ Турки,
съ напряженіемъ всѣхъ силъ, приступяшь къ сей
оградѣ полуразрушенной. Мѣста назначены; *сыны*
погибели первые ошкроюшь дорогу. Сей полкъ
сосшавлень изъ Ташаръ и Музульманъ; ихъ сердце

не вѣдаешъ страха, ихъ удары неопразимы; они презирающъ смерть. Съ обнаженною саблею врубаюся они въ дремучіе ряды непріятелей или падающъ, счастливые мыслію, что по ихъ шѣламъ проложена дорога ихъ шоварищамъ.

XI.

Полночь. Серебряная луна свѣшипъ съ высоты Киѳерона; Океанъ разспилаешъ блестящіе валы свои; темнолазоровое небо осыпано золошыми звѣздами, плавающими, подобно островамъ свѣта, посреди другаго Океана, развѣшеннаго надъ главами смершныхъ. Кто изъ насъ, созерцающъ ихъ шихое сіяніе, безъ шайной шоски низводишь взоры на шемную землю? Кто не жадаешъ крыльевъ, чтобы воспарить въ шраны небесныя?

Спокойствіе царшвовало на водахъ, копорыя легкимъ колыханіемъ едва передвигали мѣлкіе камушки, разсыпанные на песчаномъ ошломомъ берегѣ. Ихъ сладкій ропощъ былъ не громче лепешанія рѣзваго ручья; вѣпры на волнахъ спали; знамена не развѣвались и надъ лѣсомъ копій, ошненныхъ ихъ широкими сгибами, блиспалъ рогъ луны на высокоомъ древкѣ.

Прошяжные оклики часовыхъ изрѣдка нарушали спокойствіе ночи, или гордое ржаніе коней пробуждало дремавшее на холмахъ эхо. Но глухой гулъ, подобный шрепешанію древесныхъ листьевъ, вдругъ раздался и сонный спанъ воспрянулъ: эшо голосъ Имана, призывающій воиновъ къ полуночной молишвѣ. Сей звучный голосъ унылъ и сладокъ, какъ шорже-

сшвенное пѣніе невидимаго духа: такіе просяжные и неопредѣленные звуки, неизвѣстные пѣвцамъ смертнымъ, издаешь уединенная арфа, опъ прикосновенія въпра къ звонкимъ струнамъ ея. Защитники Коринеа слышали въ семь пѣніи предвѣстіе своей гибели; самые осажденные содрогнулись, какъ бы пораженные неизъяснимымъ предчувствіемъ, которое нечаянно вкрадывается въ сердце, оледѣняетъ его ужасомъ: приспѣженное невольною боязнью, оно бѣсится часпымъ шрепешомъ. Такъ вздрагиваемъ мы при звонѣ колокола, хотя онъ возвѣщаетъ намъ о погребеніи незнакомца.

XII.

Шашеръ *Альпа* былъ раскинутъ на берегу. Молитва кончена; шумъ ушихъ; онъ разспавиль спражу, обошелъ дозоромъ; всѣ повелѣнія розданы и исполнены. Еще одна безпокойная ночь; завпра мешь и любовь съ избыткомъ вознаграждать его за медленное исполненіе своихъ обѣщаній! Еще нѣсколько часовъ — и наспанешъ кровавая съча! *Альпу* нуженъ покой, дабы пригошовиться къ пруду убійства; но мысли волнуются въ душѣ его, какъ волны опъ бушеванія бури. *Альпъ* единый во всемъ спанѣ глазъ не смыкаешь. Не изсшупленіе Вѣры разжигаетъ въ немъ нешерпѣливосшь, скорѣ увидѣшь день, въ кошорый водрузишь опъ луну на башняхъ Коринеа. Не въ чаяніи безсмертія и небесныхъ Гурій, Пророкомъ обѣщанныхъ, опшваживаешь онъ жизнь свою. Пожирающій пламень любви

къ опечесшву чуждѣ душѣ шемной; во мглѣ ея не загорился сіе высокое мужесшво, копорымъ кипишь гражданинь, жаждущій блаженсшва пролишь кровь, бросаешь въ опасности за милую родину. *Альы* опешупникъ ошь Вѣры, предашель опечесшва: одинокъ посреди тысячѣ, у него нѣтъ ни довѣренной руки, ни сердца, ему преданнаго. Онъ храбръ; буйная шолпа привязана къ нему надеждою корысти. Передъ нимъ пресмыкающа; ибо ему знакомо искуссшво, покоряеть души обшкновенныя. Но не прощающъ ему его Христшянскаго происхожденія; даже завидують славѣ, пршобрѣшаемой Христшяниномъ подѣ знаменемъ Магомеша; еще не забышо, что въ юныхъ лѣтахъ сей вишязь былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ гоншителей Ашкорана.

Варвары не вѣдали, какъ власшвуешъ гордыня надѣ шѣмъ, въ комъ задушила она всѣ другія чувешвованія. Они не постигали, до какой шпени шщеніе оземлѣняешъ и огрубляешъ сердца самыя нѣжныя и сколь безмѣрна слѣпоша шѣхъ, коихъ жажда месши заставила опашеть ошь Вѣры. Такъ! Слѣпо ему повинуюшся рашники: легко управляеть свшрѣшными людьми; шолько надобно быть ихъ опшважнѣе. Такова власшь льва надѣ шакшаломъ. Сей хищный звѣрь ловишь добычу, кладеть ее подѣ когши могущаго льва; Царь звѣрей умерщвляешъ ее, насыщается; шакшалъ шерзаетъ осташки ошь кровавой шрапезы.

XIII.

Голова *Альпа* горѣла, сердце сжималось и билось, но крѣпко, но слабо. Напрасно искалъ онъ на ложѣ успокоенія; сонъ бѣжалъ онъ вѣжды его. Онъ смыкались на мигъ — и въ мигъ растворялись; онъ чувствовалъ удушающее бремя, его гнѣшущее; чалма болезненно давила чело его, а броня, какъ тяжельй свинець, лежала на спѣсненномъ его сердцѣ. Бывало сонъ смыкалъ глаза его, хотя также, какъ нынѣ, голая земля была ему пощелею и сырая ночь покровомъ. Для него нѣтъ покоя! Онъ откидываетъ полу шапра; идетъ искашь прохлады на песчаномъ берегу морскомъ, гдѣ тысячи воиновъ спяшь сномъ глубокимъ. Развѣ ложе ихъ мягче, роскошнѣе? Онь чего *Альпъ* не вкушалъ покоя, въ кошоромъ Природа и проснымъ воинамъ не отказываетъ! Ихъ опасности больше, ихъ шруды тяжелье, нежели ихъ предводителя! Они дѣлашь во спѣ богашую добычу, имъ общанную; а онъ единый посреди сихъ несчастливцевъ, изъ коихъ споль многіе въ послѣдній разъ сномъ наслаждающся, чувствувешь въ груди пышку, нищечно стараешся упишишь въ ней превогу чувствъ и съ зависью смопришь на спящихъ.

XIV.

Прохлада ночи немного освѣжила его душу. Погода была прекрасна, вѣшеръ не шевелиль крыломъ и обильная роса орошала небесною влагою горящее чело его. Онъ миновалъ уже лагерь; передъ нимъ разшидаешся заливъ Лепаншскій и распо-

образные извивы береговъ его. На вершинѣ Дельфійскихъ горъ блещетъ снѣгъ, зноемъ лѣшнимъ не расплаемый. Вѣки не уничтожатъ его, какъ племя челоуковъ! Поколѣнія исчезають, ломче передъ лучами солнца, нежели сей легкій бѣлый покровъ, всегдашняя одежда горъ, переживающая и крѣпкіе дубы, и башни надменные. Сей вѣчный снѣгъ, лежащій наравнѣ съ облаками, кажется гробовою пеленою, которую набросила на страну, ей любезную, улепѣвшая опселя свобода. Горестно осматривая сіи мѣста, гдѣ пророческій Геній вдыхалъ побѣдные Гимны славы, она проливала слезы и удалялась медленнѣе, когда усматривала окрестныя заглохшія или олшари свои опрокинутыя. Она готова воззвать сыновъ Греціи, указать имъ славные шрофеи ихъ предковъ; но, увы! гласъ ея безсиленъ. Не возвратишься незабвенный день, озарившій бѣгство Персовъ, зрѣвшій улыбку умирающаго Спаршанца.

XV.

Не смотря на черную измѣну, въ душѣ *Альпа* живо еще воспоминаніе о сихъ знаменитыхъ событіяхъ. Онъ сравниваетъ минувшее съ настоящимъ: ему представляется славная смерть Героевъ, пролившихъ кровь за правое дѣло на сихъ самыхъ поляхъ, по которымъ онъ бродитъ. Онъ чувствуетъ, какъ посрамлена, какъ запятнана шуская слава предшеля, кошораго свяшоташская рука предводитъ полчища варваровъ на гибель своей отчизны. Не шаковы

были Герои, коихъ пепель на сей долинь покоишся. Ихъ дружины здѣсь сражались и пали жершею своею вѣрности; память ихъ благословенна! Кажется, будто Зефиръ называетъ ихъ по имени, воды шумящъ ихъ подвигами и лѣса полны ихъ славою. Уединенный сполкъ, посѣрѣвшій отъ времени, гордится шѣмъ, что спрежешъ священные ихъ гробы; ихъ шѣни обитающъ въ горахъ; воспоминаніе бесѣдуешъ о нихъ съ нами на берегахъ источника скромный ручей, пышная рѣка сіяющъ ихъ знаменитостію. Иго шлягошѣешъ надъ жилищами; но земля принадлежишъ имъ и славу вселенной. Смершннй, жаждущій увѣковѣчипшъ имя свое благороднымъ дѣломъ, успремляешъ глаза свои на Грецію и взявъ въ образецъ ея Героевъ, опважно мчишся въ бишву, за смертью или за славою.

XVI.

Аль мечшаль на берегу и благословлялъ сладкую прохладу ночи. Никакое смяшеніе не шревожишъ влаги сего моря, не знающаго ни прилива, ни оплива. Какъ бы ни ярились валы, до облакъ воздымаемые, они не смѣющъ переступишъ за чершу, имъ назначенную, и безильная луна видишъ ихъ свободными отъ ея вліянія. Въ погоду шихую и бурную, неподвижная на своемъ основаніи скала, смѣетсѣ щещешному усилю волнь, до нее не достигающихъ. Бѣлая полоса пѣны, съ незапамяшныхъ вѣковъ, на одномъ мѣстѣ опоясываетъ зелень берега, почти слышную съ пескомъ морскпмъ.

Въ задумчивости бредешь *Альпъ* вдоль берега, далѣ и далѣ. Уже онъ подъ выспрѣлами рашниковъ, на оградѣ Коринѳа разсшавленныхъ: спражи его не замѣтили. Какое непоспимое счастье спасаетъ его отъ ружей непріятельскихъ? Не ужели Христіане - предашли умышленно щадяшь его? Развѣ изсохла десница ихъ или мразь оковаль сердце? Недоумѣваю! Но ни одна пуля съ городской стѣны не просвиспала надъ головою опешупника, а онъ въ двухъ шагахъ отъ бойницы, обороняющей врапа прибрежныя, стоишь и слушаешь: онъ различаешь не только шумъ разговаривающихъ, но и самыя слова, опривисто произносимыя часовымъ, кошорый мѣрными шагами спучишь по каменному помоспу. Онъ видишь подъ валомъ сшаю гладныхъ псовъ, пожирающихъ шрупы, шамъ и сямъ разбросанные. Они слишкомъ заняты своей добычею и не лаопъ. Они обглодали до кости черепъ убитаго Ташарина, какъ снимають кожу со спѣлаго персика; обнаженный черепъ сопривляется пришупленнымъ зубамъ ихъ; они лжущъ кости и съ шрудомъ растворяють зѣвъ, пресмыщенный кровавою яешвою. По чалмамъ, на песокѣ размешаннымъ, *Альпъ* узналъ, что это опшважѣйшіе изъ его дружины. Шали, кошорыи обернуто чело рашниковъ, были зеленыя съ пунцовыми каймами и пукъ волосъ заплешень косою на бришой головѣ ихъ. Онъ видѣлъ, какъ коршунъ билъ крыломъ волка, опогнавшаго хищныхъ пшиць отъ лошадиного ошова, до половины разшертаннаго.

XVII.

Альн отвратилъ взоръ отъ сего гнуснаго зрѣ-
лица. Его сердце не шрепешало посреди самой
жаркой сѣчи; но ему легче было бы смертъшь
видѣ рашника, залипаго своего кровью, нежели
оспервѣненіе сихъ хищныхъ живонныхъ, отрываю-
щихъ кровавые куски отъ труповъ, нечувствитель-
ныхъ къ боли. Въ битвѣ рашникъ дышетъ какимъ-
то чувствомъ гордоспи: въ какомъ бы образѣ
смертъ ни встрѣчалась, съ нею вмѣстѣ лепитъ и
Слава, провозглашающая имена падшихъ и Чесъ
съ пронцаательнымъ взоромъ, на мужесвенные
подвиги усреленнымъ. Но когда все кончено; шо
шяжело попирашь ногами шѣла храбрыхъ, ожидаю-
щихъ погребенія и видѣшь презрѣнныхъ червей,
хищныхъ пшцицъ и дикихъ звѣрей, спорящихъ о
бренныхъ ошашкахъ челоѣка, веселящихся его
погибелью.

XVIII.

Вблизи, земля покрыва была развалинами дрежняго
храма. Два или три столпа еще стояли и мурава
одѣла границъ и мраморъ: работа неутюлимаго
времени! Оно грозить и будущему и прошедшему
и оставяешь послѣ себя развалины, да взирая на
нихъ, челоѣки оплачуть и шо, что было, и шо, что
будетъ. Дѣши наши увидяшь шо же, что мы видѣли:
обломки ошжившихъ памяшниковъ и опривки зданій,
воздвигнутыхъ руками смертныхъ.

XIX.

Альв возсѣлъ на подножїи столпа и какъ чело-
вѣкъ, погруженный въ думу печальную, приложилъ
руку къ челу своему; голова его скапилась на грудь,
сердце его билось, какъ въ лихорадкѣ; персты бродили
по лицу его, какъ персты Музыканша, перебирающіе
костяныя клавиши, когда не находящъ они того
звука, который пробудить желаютъ. Сидѣвшему въ
глубокомъ и горестномъ размышленїи; слышалось
ему, будто ночной вѣтеръ пахнулъ на него и что-
то вздохнуло нѣжно и уныло; это конечно вѣтеръ,
сменяющій въ щелихъ ближняго ушеса. *Альв* при-
поднялъ голову — море не колыхнется; взглянулъ на
праву — она не шелохнется. Откуда же налетѣлъ
сей звукъ, столь сладостный? Онъ бросилъ взглядъ
на флаги крѣпости; складки ихъ неподвижны и дре-
весныя листья Киѳерона не шевелятся; и самъ онъ
не ощущаетъ дыханія, которое столь нѣжно по-
вѣяло въ лице ему. Оглянулся... На яву ли онъ
видитъ? Дѣва, блестящая юностію и красою!
Онъ вздрогнулъ... никогда не дрожалъ онъ столь
сильно при напискѣ непрїателя. „Боже ошцевъ
моихъ!“, воскликнулъ онъ — „Что зрю я?
Кшо ты? Откуда? что привело тебя въ спанъ
Музульманскій?“ Рука его шепещетъ; онъ не
въ силахъ перекреститься: знаменіе Креста пре-
спало для него бытъ священнымъ знаменіемъ
спасенія. Совѣсть удерживаетъ его руку. *Альв*
безмолвенъ отъ удивленія: онъ узналъ предметъ

своей спрасши: подлѣ него *Франческа, Франческа...* его невѣста.

Розы блиспали еще на ея ланипахъ; но румянецъ ихъ былъ блѣдень. Не видно прелесшнаго движенія усмѣ и улыбки, которая украшала ихъ румянецъ. Лазурь Океана, гладкая и блестящая, не споль пѣвнишельна, какъ небесно-голубой цвѣтъ очей ея; но зрачки ихъ неподвижны, какъ море; взоръ ея свѣпель, но хладень. Тонкая, бѣлая одежда едва сокрывала ея бѣлолилейныя перси и сквозь разбросанныя власы, *Аль* видѣлъ прелеспную округлоспъ рукъ ея. Не молвивъ ни одного слова своему возлюбленному, она подняла къ небу руку, споль блѣдную и прозрачную, что лучи луны сквозь нее бы проикнули.

XXI.

„Я оставила мѣспо покоя,“ сказала она, „желаніе, бытъ счаспливою и раздѣлять сіе счаспіе съ моимъ любезнымъ, привело меня сюда. Ни спѣны, ни враша, ни спража меня не удержали: безъ боязни дошла къ шебъ. Говорящъ, что левъ предается бѣгспву, увидѣвъ чистую дѣву, не имѣющую никакой защиты, кромѣ своей невинности; Богъ, покровительспвующій невинностьъ прошивъ люшаго Царя лѣсовъ, благоволилъ въ неизрѣченномъ милосердіи предохранить меня отъ невѣрныхъ. Я пришла къ шебъ; но если щещпно, то мы никогда не соединимся! Никогда! Ты опресея ошъ Вѣры ошцовъ своихъ; злодѣяніе ужасное! Но сбрось нечеспивую чалму

сію, попри ее ногами, сошвори Крестное знаменіе — и ты мой на вѣки! Смой черное пяшино съ своего сердца: завтра мы соединимся, чинобъ никогда не разлучашься.

„Гдѣ будетъ брачное ложе наше?“ отвѣчалъ Альфъ.
 „Между мершвыми и умирающими; ибо завтра мы испребимъ огнемъ и мечемъ Хриспіанъ и храмы ихъ священныя. Только тебѣ и твоимъ пощада! Я далъ клятву; но не съшуй: я укрою тебѣя, я найду для тебѣя приюсть, гдѣ мы будемъ счастливы, гдѣ мы сочешаемся бракомъ, забудемъ все прошедшія горести. Тамъ ты будешь моею супругою. Но прежде мнѣ надобно еще разъ смиришь гордыню Венеціи; еще разъ дозволю, чинобы сія рука, осужденная къ посрамленію, наказала бичемъ, свиннымъ и змѣй, пресупниую зависеть враговъ моихъ.“

Франческа положила свою руку ему на руку — тихо ее пожала: онъ до костей содрогнулся. Его сердце оледѣло; въ недоумѣніи, неподвижно споллъ онъ. Ея холодная рука не удерживала руки *Альфы*.

Напрасно усиливался бы онъ оттолкнуть ее: никогда пожатіе милой руки не производило столь сильного оцѣпенѣнія, столь благоговѣйнаго ужаса. Жаръ головы его остылъ, оледѣтѣвшее сердце билось слабо; казалось, что онъ окаменѣлъ, когда всматриваясь въ черныя черты своей возлюбленной, онъ увидѣлъ ихъ столь преобразенными. Дѣва была еще прекрасна; но безъ выраженія, безъ сего небеснаго луча, разливающего по лицу жизнь, подобно какъ въ

ясную погоду солнце разливаешь по водам сіяніе. Уста ея были неподвижны, какъ скованныя смершію и слова, вырываясь изъ нихъ, не сопровождались теплымъ дыханіемъ. Ея перси не воздымались и казалось, что кровь остановилась въ ея жилахъ. Очи ея не свѣтились и стоячій зрачокъ бросалъ блуждающіе взгляды, похожіе на взглядъ чловѣка, перзаемаго мучительнымъ сновидѣніемъ. Таковы на обояхъ мрачныя изображенія, движущіяся ошь въпра; сіи бездушные люди, какущіеся живыми, пугають при свѣтѣ догорающей лампы. Въ сумракъ, мнишь, будто они спускаются съ стѣны, на которой написаны ихъ грозные образы и расхаживають шуда и сюда каждый разъ, когда въшеръ попрясаешь полошно подвижное.

„Если ты думаешь, что такой жертвы много для любви ко мнѣ, исполни сіе изъ любви къ Богу!“
 вѣщаешь ему *Франческа*. — „Еще разъ умоляю тебя, сбрось чалму съ нечесливой главы швоей; обѣщай пощаду сынамъ опечества — или ты обреченъ погибели! Скоро будешь для тебя чуждою земля, на которой недолго суждено тебѣ оставаться; небо для тебя замворится; меня ты никогда не увидишь. Если же ты склонишься къ мольбѣ моей и несчастіе будешь швоимъ удѣломъ, радуйся: эшо испытаніе, эшо средешво къ опущенію грѣховъ швоихъ. Двери милосердія могутъ еще для тебя оппереться. Обдумай! Прокляшіе Господа Бога, ошь кошораго ты опрекся, висить надъ швоей головою; взгляни въ послѣдній разъ на небеса: еще мгновеніе — и ошь

для тебя не отверзущся. Взгляни на сіе лучшее облако: оно задернуло луну; минуша — и оно промчипся мимо! Знай, что если сіе шуманное покрывало разоблачишь лице луны, — а ты не перемишишься; Богъ и человекъ попребуишь отъ тебя опчета: ужасень будешь приговоръ тебѣ, еще ужасишь твою вѣчность мученій.“

Альв поднялъ глаза и увидѣлъ въ небѣ роковое облако; но раны сердца его живы и гордость непреклонна. Сія пагубная спрасъ заглушила въ немъ всѣ другія. *Альпу* просишь помилованія; *Альпа* испугаишь угрозы робкой дѣвы! Онъ забудешь оскорбленія Венеціи; онъ дастъ объшь, щадить сыновъ ея, обреченныхъ могилъ! Не бываешь! Если въ этомъ облакъ заключенъ громъ и долженъ, грянувъ, убить его; ... пушь грянешъ!

Альв въ безмолвіи взглянулъ на грозное облако; оно пролетѣло — и полная луна поразила взоръ его. „Какой бы жребій ни ожидалъ меня,“ сказаъ онъ, „шеперь уже поздно раскаяніе... Пушь буря заставляешь слабую шросъ дрожаешь, стибашься и опяшь воспашаешь; дубъ упадаешь. Я останушь шѣмъ, чѣмъ хотѣла Венеція: непримиримымъ врагомъ ея во всемъ, кромѣ моей любви къ тебѣ. Но развѣ ты со мною небезопасна? *Франгеска!* убѣжимъ вмѣстѣ.,,

Онъ оглянулся; *Франгески* уже не было подлѣ него; только мраморный столпъ бѣлѣлся. Куда

сокрылась она? Ушла ли подъ землю? Улетѣла ли на воздухъ? Ее нѣтъ — и онъ остался въ недоумѣніи.

XXII.

Ночь пролетѣла; солнце возсіяло, какъ будто бы озаря день празднества торжественнаго. Аврора мало по малу скидаетъ съ себя сѣрое покрывало сумрака; все предвѣщаетъ зной удушающій. Барабаны бьютъ, трубы звучатъ, хоругви распущены, кони ржатъ, войско волнуется, раздаются крики: къ оружію! къ оружію! Конскіе хвосты на копейныхъ древкахъ впереди полчищъ колеблются, мечи обнажены, воинство устроено къ битвѣ: ждуть мановенія! Ташары, Спаги, Туркоманы! Бѣгите къ передовому опряду; всадники, займите всѣ выходы изъ города, берегите поле, заслоните дороги! Ни одному Христіанину нѣтъ пощады! Ни старцу, ни младенцу нѣтъ милости! Пѣшцы! Бросьтесь дружно въ проломъ и Коринѣвъ вашъ! — Кони грызутъ бразды, скрежещутъ зубами, гордо воздымаютъ волнистыя гривы, опѣniająть удила; копыта направлены, фишиги курящаяся, прицѣленные пушки гошовой изрыгаютъ смерть и опрокинутыя стѣны, уже напреснушыя; полчища Янычаръ идутъ подъ предводительствомъ Альпа. Его правая рука обнажена, мечъ сверкаетъ въ рукѣ его. Уже Ханъ и Паши заняли мѣста свои, самъ Визирь явился передъ воинствомъ. Какъ скоро грянетъ вѣсовая пушка, спускайте! Смерть безпощадная всѣмъ жителямъ Коринѣа; убивайте Священниковъ у ошаря, Вельможъ въ ихъ чертогахъ;

не оставяйте камня на камень. Богъ и Пророкъ, его! Алла! Да потрясетъ сей вошь своды неба!

„Вошь проломъ,“ вскричалъ *Колмурджи*; „вошь лѣстницы: приснавьше ихъ къ оградѣ. Ваши сабли съ вами: вамъ ли не ошашься побѣдителями? Тошь, кшо первый низпровергнешъ, зная Креста, пребуи ошь меня, чего хочешъ! Все получить!“

Такъ неуспрашимый Визирь воспалалъ огонь храбрости въ своихъ воинахъ: ему ошвѣчающъ рапишки, махая саблями и потрясая копыями. Земля задрожала ошь радосныхъ восклицаній воинства, кипящаго нешерифнѣемъ вешупишь въ бой..... Внимайте: сверкнула молнія, грянула вѣстовая пушка! .

XXIII.

Такъ спядо гладныхъ волковъ бросается на дикаго быка, презирая багровый пламень очей его и ревъ его ярости! Тщешно шопчешъ ошь бурными копышами и вскидываетъ грозными рогами высоко на воздухъ шѣхъ, которыя ближе другияхъ наспушашъ на него ошваживающа. Такъ Музульмане кинулись на спѣны; такъ храбрѣйше изъ нихъ погибли подъ сокрушительными ударами осаждающихъ. Уже многіе воины лежатъ во прахѣ; ихъ лапы, какъ ломкое стекло, разбишы свинцомъ смертоноснымъ; пролетѣвъ насквозь, пуля роешь еще землю, на которой они повержены; цѣлыя полки опрокинуты, подобно класамъ, на нивѣ серпомъ жнеца пожинаемымъ.

XXIV.

Какъ ушешъ, долго подымваемый вешнимъ разливомъ, вдругъ видишь, что огромные ошорваные

ониъ его подножіа обломки, вчашея съ громopodobнымъ шрескомъ и какъ снѣжныя Альпійскія глыбы низпадающъ въ волны: шакъ, ослабѣвшіе ошъ догвременной обороны, обншасели Корниѳа упадающъ подъ мцогкрашнныи приешупами Мусульманскихъ полчищъ. Они оборопялшеъ опчаянно; но подавлены множеснвомъ и наліи, какъ бнлись, неподвижные въ рдаехъ своихъ и не уступя ни шагу.

Одна смернъ безмолвсповала на полѣ убійства: удары умерщвляющнхъ, стоны убннныхъ, побѣдныя восклицанія мѣшающея съ громомъ пушекъ. Сосѣдственныя города съ безпокойствомъ внимающъ сей громъ, до ннхъ досннгающій; они не вѣдающъ, союзникамъ ли ихъ или врагамъ улыбаешся счастье, съшовашъ ли имъ или радовашся снмъ грознымъ крикамъ, которе гора горѣ пересылаешъ. Саламинъ и Мегара, самый Пирей, какъ сказывающъ, слышали громъ сего бѣдственнаго сраженія.

XXV.

Мечи ошъ конца до рукояшн обншы кровью. Башни рухнули, вошны разлились по стогнамъ, грабешъ рыскаешъ по улицамъ. Вопли пронзительнѣе въ шѣхъ домахъ, куда ворвались нешповые за добычею. Слышанъ быстрый бѣгъ спасающнхся, скользящихъ въ крови, кошорою улицы заполены. Еще шамъ и сямъ, вездѣ, гдѣ находятъ выгодное мѣсто, деашъ, двѣнадцать зашщншниковъ города, прнмкнувъ къ снѣнѣ, гордо обороняющея, наносящъ удары нешцѣлнмые и съ оружіемъ въ рукахъ пош-

баюшь. . . Въ одной изъ сихъ дружинъ обращаешь на себя взоры съдовласый спарець: удары его руки неизбѣжны. Онъ ловко и храбро принималъ смѣлыхъ, кошорые близко на него наступали. Турецкіе шрупы лежали передъ нимъ полукругомъ; онъ не раненъ; опешупая, онъ не позволялъ непріятелямъ окружить себя. Глубокіе рубцы подъ броней свидѣтельствовали, что онъ давно знакомъ съ опасностями; но всѣ сіи раны получилъ онъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Не взирая на преклонныя лѣта, въ крѣпости силъ не уступаешь онъ юношамъ; враги, кошорыхъ онъ не допускалъ къ себѣ, были многочисленнѣе съдыхъ власовъ его. Не одну мать лишилъ мечъ его сына, еще нерожденнаго, шогда, какъ *Минотти* въ первый разъ пролилъ кровь поклонниковъ Аллы! Давно уже пошерявшій своего собственнаго, многимъ опцамъ далъ онъ почувствовать безмѣрность своей печали. И если шѣни улаждаются кровью; шо менѣе принесено жершвъ успокоенію шѣни Патрокловой, нежели сыну *Минотти*, погибшему на предѣлахъ Европы и Азіи. Онъ погребенъ на томъ же берегу, на коемъ вишязи шолько лѣшъ были погребасмы. Чшо возвѣсшишь намъ о смерти сихъ Героевъ? Кто укажетъ ихъ могилы? Вросли въ землю ихъ камни надгробныя, развѣянь ихъ пепель; но Пѣснопѣвцы дадутъ жизнь ихъ подвигамъ.

XXVI.

Раздаются крики: Алла га! Опчаянная шолпа храбрѣйшихъ изъ Музульманъ впередъ мчится. Жи-

лишая рука ихъ вождя обнажена по плечо. Сія рука всегда поднята разишь. Ея удары обличають ее. Одни опличаються золопо-кованнымъ оружіемъ и подспрекають сопрошивника надеждою богатой добычи. Другіе носять мечъ съ рукоящью, богато осыпанною алмазами; но вѣшь ни одной сабельной полосы, споль гибельной. *Альв* хочешъ, чшобы въ бояхъ замѣчали его не по великолѣпной чалмѣ, а по обнаженной десницѣ, облишой кровію. Хопише ли встрѣшишь его? Сшупайше шуда, гдѣ кипишь самая упорная сѣча. Его знамя всегда впереди; ни одинъ вождь Музульманскій не увлекаешъ за собою такъ далеко Деліевъ. Знамя *Альпа* подобно кометѣ усшрашающей. Тамъ, гдѣ сверкаешъ его сабля, сражаються или, за минушу передъ шѣмъ, сражались опважнѣйшіе рашники. Тамъ робкій шщешно умоляешъ о пощадѣ свирѣпаго Ташарина; тамъ упадаешъ на кровавое ложе смѣлый боець, не роща на Судьбу и спѣша нанесъ послѣдній ударъ сопернику.

XXVII.

Сшарець *Мишотти* еще обороняешся. *Альв* оставилъ мечъ свой на полувзмахѣ... Онъ кричишь ему: „Здайся, *Мишотти*! пощада тебѣ и швоей дочери!“ — „Никогда, богомерзкій опшшупникъ, никогда, еслибъ жизнь, кошорую шы мнѣ общаешъ, была вѣчною. — „*Франгеска*, мною обожаемая! Неужели шы будешъ жершвою гордыни?“ — „Она безопасна!“ — „Гдѣ же?“ — Въ небесахъ, на вѣки зашворенныхъ вѣроломной душѣ швоей; она далеко опъ шебя: ягамъ,

горь, между Святыми дѣвами.“ — *Миотти* злобно улыбулся, увидя, что ошь сихъ словъ *Альва* зашанался, какъ будто тяжкій ударъ врага на главу его обрушился. „О небо!“ воскликнулъ онъ; „давно ли она преснавилась?“ — „Вчера,“ ошьчала *Миотти*; „я не плачу по ней; ни одинъ изъ дѣтей моихъ не будещъ влачишь оковы Магомена или предашеля. Приблнжся и защищай себя!“

Тщешень былъ сей вызовъ! *Альва* уже не стало въ числѣ живыхъ. Между шѣмъ, какъ раздирающія душу его слова *Миотти* опмщали за него лучше, нежели мечъ его, если бь онъ вонзился по рукоятъ въ сердце измѣнника, пуля ударила его въ грудь. Смертнооеный свинець прилешѣлъ съ паперши сошдшвенной церкви, кошорую нѣсколько воиновъ защищали опчаянно. *Альва* упалъ прежде, нежели кровь брызнула изъ раны. Молшя сверкнула изъ очей — и мракъ покрылъ шрупъ его, еще прешущій. Не ошалось никакого признака жизни, кромѣ скоропходящихъ судорогъ, корчившихъ его члены, на землѣ распрощершыя. Товарищи поднимающъ его: грудь и чело обезображены кровью и пылью; носитѣлыя уста извергающъ черныя печени крови; жила не бьшешя. Никто не принялъ его послѣдняго дыханія; онъ не произнесъ ни одного слова, никакого судорожнаго хрипѣнія; бышпръ переходъ его ошь жизни къ смерти! Прежде, нежели мысль его могла обравшися къ Богу съ молитвою, душа ошавила шѣло, безъ надежды на прощение. Последняя мишуша зашала его ошешунникомъ.

XXVIII.

Клики враговъ *Альпа* смѣшались съ волями его рашниковъ; одни восклицаютъ съ радости, другіе ошъ бѣшенства. Свѣча еще кровопролитице: звучать мечи и ковыя, унадають на прахъ бойцы. Дорого продаешь *Минотти* каждый вершокъ земли въ городѣ, его управленію вѣренномъ: немногіе изъ воиновъ его успояли; они обрекли себя на смерть и соединяють съ усиліемъ вождя свое усиліе. Церковь, изъ косей прилетѣла смерть въ грудь измѣнника, предлагаетъ имъ крѣпкое убѣжище. Оставляя за собою ручей крови, *Минотти* опешупаешь въ нее; но опешупъ его гибелень, его остріе всегда блещетъ въ очахъ непріятелей. Упомленные столь люшою бисвою, Коринѣяне находятъ мгновенный ошдыхъ за огромными столпами святилища.

XXIX.

Увы! Сколь крашко было сіе мгновение! Вмѣстѣ съ числомъ возрасла и дерзосшь варваровъ; они съ яросшью и увѣренносшью кинулись на Христіанъ; но самая ихъ многочисленносшь обратилась имъ въ пагубу. Переулокъ, кошорой вель къ послѣдней швердынь, оставшейся защитникамъ Коринѣа, былъ до шого узокъ, чшо Турки, прошѣсившіеся впередъ между столпами храма, шщешно искали пуши возвращаюгаго. Нѣшь спасенія! Гибель ловила убѣгающихъ; но едва ряды храбрыхъ унадали, уже другіе ряды мшвишелей стояли на ихъ еще шепалыхъ шрулахъ. Христіане разили; но гусныя шолпы

враговъ не рѣдѣли. Свѣчи, предъ Образами горящія, не разсѣивали колеблющимся своимъ сіяніемъ облаковъ дыма. Опшоманы уже передъ дверьми церковными; мѣдныя пещи прошиваясь ихъ усиленіемъ и изъ каждой скважины, изъ каждаго разбишаго окна осыпающъ ихъ убійственныя пули. Но удары чаще, храмъ зашатался; желѣзо успунило, пещи преломились, затворы съ громомъ спрыгнули: дверь рухнула съ страшнымъ громомъ. Совершилось! Коринѣъ палъ!

XXX.

Сстоя на ступеняхъ олшаря, *Минотти* почти одинъ пережилъ храбрыхъ, которые не могли спасти Коринѣа. Мечемъ и грознымъ взоромъ удерживаль онъ Турокъ, спремѣющихся по слѣдамъ его. Надъ главою его стоялъ Образъ Богоматери — швореніе вдохновенной кисти. Ея влажныя психимъ свѣшомъ очи дышашъ любовію. Сей Образъ, казалось, поспавленъ надъ олшаремъ съ мудрымъ намѣреніемъ, возноситъ горь сердца молящихся. Небесная Мать младенца - Бога держишь на колѣняхъ Сына и улыбаешся молящимся челоуѣкамъ, какъ будто обѣщая сама повергнуть мольбы ихъ къ Престоу Вседержителя. И среди душегубствъ и кровью обогреннаго храма, Свяшая Дѣва еще улыбаешся. *Минотти* съ глубокимъ вздохомъ возвелъ на нее взоръ, перекрестился и схватилъ свѣшильникъ, горѣвшій на олшарѣ, обхваченномъ мечами и пламенемъ Опшомановъ.

XXXI.

Глубокіе погреба подь помосномъ изъ Мозанки были уставлены рядами старинныхъ гробовъ; на дскахъ начертаны имена покойниковъ; но ихъ нельзя прочесть: кровь на нихъ заеклася. Ръзные гербы, разноцвѣтныя жилы мрамора заброшаны грудами изломанныхъ мечей и разрубленныхъ шлемовъ. Количество шруповъ, поверженныхъ на поверхности сихъ подземныхъ сводовъ, не уступаешь въ многочисленности погребеннымъ подь ними въ печальномъ порядкѣ. Война проникла въ сіи мрачные вершины — и обипель коспяныхъ оставовъ превратила въ хранилище губительной селишры. Къ пороху сдѣланъ приводъ. Эшо послѣднее; но самое ужасное истребительное оружіе *Милотти* прошивъ завоевашелей.

XXXII.

Турки вломились въ церковь; малое число Христіанъ-воиновъ сопротивляешся имъ съ напраснымъ упорствомъ. Еще не уполивъ палящую ихъ жажду месши, они забавляются, обезображивая шрупы и отрубаяють имъ головы; низвергають съ подножія мраморные изваянные лики Угодниковъ Божіихъ, сдирають оклады съ образовъ, парчу съ олшарей, сражаются между собою за драгоценные сосуды, Свяшыми Іерархами освященные. Ненасытные мчашся къ олшарю! Величешвенное зрѣлище! Сосудъ спрашныхъ Хришовыхъ Таинъ споляъ еще ла Прешоль: сіяющій алмазами и рубинами, онъ

поразить жадные взоры грабителей. Пбо еще въ сей пагубный день Священникъ совершалъ Лишургию и приобщалъ Св. Тайнъ Христовыхъ воиновъ, защитниковъ Вѣры и Коринѳа. Кто прислушавъ, чья святошащественная рука прикоснется къ стаминѣ? Яркій блескъ мшала и каменьевъ — есть соблазнъ для поклонниковъ Магомеша: послѣдняя и самая богатая добыча!

XXXIII.

Уже одинъ Ташаринъ простеръ нечесливую руку къ свящину... *Минотти* попрыскавъ свѣщильникъ надъ разрывчатымъ землемъ... искры посыпались... и вдругъ — церкви, колокольня, своды, олшарь, вѣрные и невѣрные, живые и мертвые, взлетѣли на воздухъ. Дома упали, стѣны обрушились, море опъ береговъ опхлынуло, горы дрогнули на граничныхъ основаніяхъ. Сей ужасный взрывъ, въ горячей шучѣ, взбросилъ за облака тысячи безобразныхъ обломковъ. Дождь пепла упалъ на землю, чернымъ слоемъ покрываъ мьсь и окрешности и начерсавъ безчисленные круги на поверхности моря. Разорванныя шѣла Героевъ разбросаны по полю. Христіане и Магомешане перемѣшаны. Самыя ихъ мащери не могли бы узнать дѣшей своихъ. Сладко улыбаясь надъ ихъ колыбелью, воображали ли онѣ, что ихъ нѣжные члены будущъ нѣкогда столь обезображены, столь мучительно истерзаны? Немногіе сохранили образъ челоѣческой. Дымящіяся бревна, остеклѣвшіе камни, зацекшіеся кровью, загромоздили

берегъ. Все живое съ ужасомъ удалилось отъ сихъ мѣстъ. Птицы вылетѣли изъ лѣсовъ; дикія собаки съ воемъ убѣжали отъ иррцовъ, до половинны оглоданныхъ. Верблюды въ бѣшенствѣ вырвались у проводниковъ; послушная лошадь, браздившая ниву далеко отъ Коринѳа, изорвала упряжь; конь взвился на дыбы и сбросилъ съ себя всадника; жишелн болотъ огласили воды печальнымъ кваканьемъ; волки взвыли въ берлогахъ; шакаль засноналъ и сныны его похожи на плачь младенца; орель, распусшивъ широкія крылья, вылетѣлъ изъ гнѣзда и преслѣдуемый облаками чернаго дыма, заснилавшими отъ его зрѣнія землю, воспарилъ къ солнцу, и каплъ шамъ себя убѣжища.

Прилѣзанія Созиителя.

С т р о ф ы :

IV.

Въ желости льва на площади *Св. Марка*. Въ Венеціи обыкновенно лпакъ поступали тайные донощкн, желая погубить враговъ своихъ.

V.

Кожурджи. — Знаменитый брашнми подвигами *Али Кожурджи*, любящецъ прехъ Султановъ и Великій Визирь *Алжта III*. Онъ выгналъ Венеціанъ изъ Пелопонеса — въ одинъ походъ. Годъ спустя, сей военачальникъ смертельно раненъ въ Пешервардинской битвѣ,

на равнине Карловицкой, ат. самую шу минушу, когда онъ старался остано­вить бѣгущихъ своихъ шлюкранписелей. Онъ умеръ на другой день. Последнее повелѣніе его было отрубить головы Генералу *Брейнеру* и другимъ военнопленнымъ Германцамъ. Пѣдыхающій варваръ воскликнулъ, видя падающія ихъ головы: „Зачѣмъ не могу я того же сдѣлать со всеми собаками-Христіянами?“ Слова, достойныя Ка­дигулы! Онъ былъ гордъ до безмѣрности. Ему сказали, что прошивъ него начальствуешь искусный вождь, Принцъ *Евгеній*. „Тѣмъ лучше,“ возразилъ *Кожурджи*, „на его счетъ я сдѣлаюсь еще искуснѣе!“

VIII.

Лангютти, прежнее имя Альпа.

XVI.

а) Извѣстно, что въ Средиземномъ морѣ нѣтъ ни прѣлива, ни отлива.

б) *Львино растворяютъ злѣчь, пресыщенный кровавою лствою.* Я самъ былъ свидѣтелемъ совершенно сходнаго съ этимъ зрѣлища, подъ стѣнами Константинопольскаго Серая, въ разсѣлинѣ камня, проры­той водами Босфора. О семъ говоритъ и *Гобгоузъ* въ описаніи сво­его путешествія. Мы видали трупы казенныхъ Янычаръ.

в) Суевѣрные Турки увѣрены, что Магометь перенесетъ ихъ въ рай, схватя за эту косму.

XXV.

Здѣсь говорится о морскомъ сраженіи между Венеціянами и Тур­ками при Дарданеллахъ.

XXXIII.

Боюсь Пинтической вольности, переселивъ *шакала* изъ Азіи въ Грецію, гдѣ, признаюсь, я иразу не видалъ сего кроваваго звѣря. Но мнѣ встрѣчался онъ стадами въ развалинахъ Эфеса; шакалы любящъ жить въ развалинахъ и стадами слѣдуютъ за Арміею.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К л я т в а.

Въ Альбомъ К. М. И. У.

„Милый другъ мой, ты Судьбою
Разлучаешься со мной!
Все свершилось: грудью къ бою
За меня и край родной!
Вошь твои доспѣхи ратны,
Свѣтлый шлемъ и мечъ булатный;
Пишетъ конь швой, землю рвешь,
Въешь побѣды подаешь.“

*

„Если жъ ты въ кровавомъ полѣ
Осуждень оставишь свѣшь,
Или я въ несчастной долѣ
Сокрушусь, какъ ранній цвѣтъ, —
Кляшву мы дадимъ свяшую,
Въ шу жъ минушу роковую,
Къ другу въ призракъ предстать,
О кончинѣ дней сказать.“

*

Такъ Людмила разпростилась
Съ другомъ сердца своего;
Имъ ша кляшва подшвердилась;
Борзый конь умчалъ его.
Нѣтъ Улада! Нѣтъ веселій!
Холмы, доли опустѣли.

Теремъ мраченъ и уныль,
Свѣтъ безъ милаго посылъ.

*

И о клятвѣ помнишь данной.
Часто грустной дѣвы взглядъ
Обнималъ въ дали шуманной
Златоголовый Кіевъ-градъ;
И молилась со слезою:
Да Незримаго рукою
Мимо воина спрѣла
Смерть въ дружинахъ пронесла!

*

Но съ любезнымъ въ дни разлуки
Слышишь сердца робкій гласъ;
Спрахъ невѣдомыя муки
Духъ превожитъ каждый часъ.
Шорохъ лисьевъ, врана крики,
Опголосокъ въпра дикій,
Звонъ обителю Свяшой, —
Все ей вѣспникъ роковой!

*

Осень мрачна наступила,
Обнажился темный лѣсъ,
Буря въ немъ сильнѣй завывла,
Гитвенъ въ шухахъ сводъ небесъ.
Нѣтъ отрады! Нѣтъ свиданья!
Тщесны друга ожиданья

И надежда виенеть въ ней
Съ цвѣтомъ-радостью полей.

*

Снѣгъ пушистый на долину;
Пушь завѣянь спалъ опъ въюгъ
И Людмила все въ кручинѣ
И чужда самихъ подругъ!
Тщешно ярко дубъ пылаешь, —
Сердца въ ней не согрѣваешь;
Въ долгіе часы ночей
Не смыкаешь сонъ очей.

*

Время льется — обратился
На оси разлуки день;
Къ верху жаворонокъ взвился,
Проводивъ ночную шѣнь;
Тихо лучъ зари румяной
Улыбнулся надъ поляной;
Озлашился струй пошокъ;
Дышетъ свѣжій въшорокъ.

*

И невольно вопрошаешь:
„Что ведешь мнѣ, день, съ собой?
Сердце-вѣспникъ замираешь —
Живъ иль нѣтъ мой дорогой?“
Гаснешъ въ пурпуръ денница;
Въ полѣ блѣдная зарница;

*

Сумракъ доль и дѣсь одѣль;
Тихій Ангель пролѣшьль.

*

И Людмила въ страхѣ болѣ;
Изъ окна чуть видѣнь пушь;
На чернѣющее поле
Не рѣшился и взглянуть . . . .
Вошь рѣдѣешь мракъ свѣшлицы!
Возвращился ль лучь денницы?
Вспрепенулась . . . . глядь назадъ:
Въ свѣшломѣ призракъ — Усладь!

*

Блѣдень ликъ — и взоръ закрышый
Не блесшишь любви огнемъ,
Шлемъ и панцыри пробишы;
Кровь изъ раны бѣешь ручьемъ
И Людмила кляшву слышишь
И ошь шрепета чуть дышешь!
Тѣнь блѣдишь . . . . гаснешь свѣшь;
Слышенъ вопль — Людмилы нѣшь!

G.

Къ С.....

Любуясь на дняхъ собою,
Амуръ предъ зеркаломъ споалъ
И съ роду онъ своей красою
Еще довольтй не бывалъ.
Но хвастунишка ошибался:
Онъ былъ передъ простымъ стекломъ
И Софьи красою пльнялся,
Къ стеклу подкравшейся шайкомъ.

К. Вяземскій.

Къ спящему Амуру.

Спи, милое дитя! Твой видъ, какъ упрю, лсень;
Невинность на челъ покоится швоёмъ;
Хошьлюбъ сердце жишь вѣкъ при тебѣ одномъ;
Но разумъ говоришь, что пробудъ швой опасень.

К. Вяземскій.

Элегія.

Уже вечернею росой
Заря долины покрываетъ
И жемчугъ щедрою рукой
На лугъ зеленый распилаетъ.
Спокойно все на берегахъ
И все прохладой въ міръ дышетъ,
И Зефиръ дремлетъ на водахъ
Или простики съдой колышетъ.
Едва блестящая луна
Стезей безоблачной капишя
И съ тихимъ шопомъ волна
На брегъ дымящейся ложися.
Объятъ весь Ревель мирнымъ сномъ,
Одинъ лишь я блуждаю —
Одинъ на Тишартъ (*) крушомъ,
Влекомый горесшю, мечшаю.
Люблю на сихъ скалахъ сидѣшь,
Смошрѣшь на дальнее волненье
И мыслью смѣлою лещѣшь
Въ сшрану, гдѣ ждетъ насъ Провидѣнье.
Какъ челонъ легкой безъ пловцолъ,
Ошливомъ съ брега унесенный,
По волѣ вѣтровъ и валовъ
Плывешь во влагѣ разъяренной;
На морѣ бурномъ жизни сей
Такъ мы ошъ самой колыбели,

(*) Тишартъ, крушмя скалы близъ Ревеля.

По волю пламенныхъ спрасшей,
Летимъ къ невѣдомой намъ цѣли.
Живя въ безопасности злобой,
Богатствъ излишнихъ не желая,
Давно ль я славилъ жребій свой,
Печалей, горесшей не зная?
Давноль прелестницу узналъ,
Которой сердце покорилося
И счастье бѣдствій вихрь умчалъ,
И радость дней моихъ сокрылась?
На жизнь смотрю я сквозь туманъ,
Изчезло въ ней очарованье;
Меня стягичишь любви обманъ,
Тягичишь любви воспоминанье . . . .
Къ тебѣ, владычица земли,
Спѣшу я въ сладкомъ упованьи,
Лети, о смерть! скорѣй лети,
Кончашь несчастнаго спраданьи!
Тому ужасенъ смершнй часъ,
Въ комъ нѣтъ надежды въ Провидѣнье,
Въ комъ Вѣры свѣшлый лучъ угасъ,
Кто казни ждешъ за пресшупленье.
Трепещешъ пусть передъ тобой,
Злодѣй коварный и разврашнй;
Кто сердце чистъ и правъ душой,
Тому ты Ангелъ благодатный,
Тому ты радость и покой,
Конецъ минушы испшпаній,
Блаженства вѣшникъ дорогой

И ключь таинственный созданій!
 Ты не страшна въ его очахъ;
 Съ небесъ, какъ юноша прекрасный,
 Держа два факела въ рукахъ,
 Летишь къ одру, гдѣ ждетъ несчастный.
 Его спаданья уполнивъ,
 Въ сонъ вѣчный тихо погружаешь
 И факель жизни потушивъ,
 Безсмертья факель зажигаешь;
 И съ праведнымъ лепишь къ мѣстамъ,
 Гдѣ вѣчно царствуешь отрада
 И гдѣ достойная дѣламъ
 Ему гошовишься награда!

И. Баку *1881*

К а т ю ш а.

Капюша милая, ты скрыпила сердцемъ съ нами;
Ты смолкла; ясный взоръ блеснишь порой слезами;
Онъ не прельщаешься красою сихъ шелковъ;
Игла въ рукахъ швоихъ не создаетъ цвѣтновъ;
Ты любишь лишь мечпашь, ты убѣгаешь насъ спала
И роза на устахъ дѣвическихъ увяла...
Красавица, мой взоръ спалъ смѣшивъ ошь годовъ:
Повѣрь, не ошь меня ты утаишь любовь...
Плѣняяють дѣвы насъ и любящъ бытъ любимы,
И сами любящъ насъ; блаженъ любимый ими!
Капюша, будь нѣжна, спрашна, — (и должно шо) —
Коль можешь, и вѣрна; но раскаи миѣ, кшо
Сей милый юноша, осанистый, высокой,
Со взоромъ пламеннымъ, съ любовью, слишкомъ
робкой? . . .

Но ты вся вспыхнула! . . . я не назвалъ его;
Но онъ извѣстенъ миѣ . . . Вкругъ дома швоего
Какъ часшо ходишь онъ! — А ты къ окну, за
дымкой,
Прижавшись, любишь имъ плѣняться невидимкой...
Чѣмъ дальше онъ идетъ; шѣмъ приспальнѣй во слѣдъ
Глядишь, и все глядишь, хоша его ужъ нѣтъ! . . .

А. С. Гор. Норочъ.

Атлантідскій вѣтеръ.

(1821.)

Гдѣ въ наши времена
Синѣеть Океанъ; тамъ древле просширалась
Обширная спрана
И Атлантидою у Грековъ называлась.
Преданья шемныя дошли до насъ, что тамъ,
По временамъ,
Какой то вѣшеръ дулъ чудесной,
Который, силой неизвѣстной,
Въ минушу всякаго въ сороку превращалъ,
Кто слишкомъ о своихъ достоинствахъ мечталъ.
Разъ, въ продолженіе блестящаго гулянья,
Вдругъ спрашный вѣшеръ сей откуда ни возьмись!
Чтожь? Тысячи сорокъ на воздухъ поднялись
Изъ многолюднаго собранья.
Ну если бы, не въ добрый часъ,
Такому вѣшру душь случилось у насъ;
Тогда бы (можно въ шомъ ручаться)
Всѣмъ, грѣшнымъ, намъ пришлось на воздухъ подни-
маться!

Масальскій.

Гробница.

(1824.)

Блѣвешся вдали надгробный камень;
Надъ нимъ шумишь печально древній лѣсъ.
Какъ ласково пурпуровый свой пламень
Льешь на него заря съ небесъ!

Премчался вѣкъ! Супруги огорченной
Сшенаніямъ не внемлешь, мраморъ, ты!
Весеніе на гробъ уединенной

Давно не сыплются цвѣты.

Скажи: кшо скрывать, гробница, подъ тобою?
Чей жизни ты являешь мершвыи слѣдъ?
Дни кончили опъ, ласкаемый Судьбою,
Иль обнялъ смерть средъ золь и бѣдъ?

Въ отвѣтъ одно угрюмое молчанье!
Давно съ землей его смѣшался прахъ!
И не узнашь на мраморъ названье

Въ полуизчезнувшихъ черпахъ!

Твой грушенъ видъ, уединенный камень;
Уныніемъ ты наполняешь лѣсъ!
Какъ ласково пурпуровый свой пламень
Льешь на тебя заря съ небесъ!

Масальскій.

Ж и з н ь.

(1824.)

Плаванье спрашное жизнь; насъ буря по при-
хоши носимъ!

Жалкіе часшо пловцы, камни встрѣчаемъ въ
пуши.

Въ жизни богина Судьбы нашъ всегдашній, причуд-
ливый кормчій;

О какъ сомнительно съ нимъ мы черезъ море
плывемъ!..

Счастъель сонущивуемъ намъ, пли бѣдешвіа въ
слѣдъ понесуся;

Всѣ мы досишнемъ равно приспани мирной —
въ земль!

Съ Грегескаго Масальскій.

Къ пегальной красавицѣ.

Я видѣль, — но не свѣшлый взоръ —
И сквозь невинности привѣсы
Я на челѣ прочель укоръ
И грусти явныя замѣсы,
Вездѣ унынія печать.

Твои глаза мнѣ все сказали,
Когда ты думала молчатьъ:
Могущество твоей печали,
Необходимость вѣкъ спряться . . .
Я понялъ вдругъ твоей взглядъ унылый
И поступь тихую твою;
Я самъ, прекрасная, люблю,
Любилъ мнѣ непонятной силой.
Я въ жертву страсти все принесъ,
И юность и желанье славы,
И сердцу сладкія забавы
Умъ, знанья, — все дары Небесъ!

Когда и ты душой печальной
Ленишь къ снранѣ незримой, дальней;
Когда предметъ любви твоей
Похищенъ хладною могилой;
Тогда ты съ жалобой моею
Сведи свой плачь унылой! . . . .

В. Карлгофъ.

Знакомый Геній.

(Посвящено А. П. Мартосу.)

Съ улыбкой на устахъ привѣшной,
Съ душеводительной звѣздой
Сіяющею надъ главою,
Какой-то юноша прелестной.
Какъ тѣнь полуночной мечты,
Слѣдѣвъ съ лазурной высоты,
Возлегъ подъ шополемъ сѣнскимъ,
На брегѣ тихаго ручья,
Гдѣ часно въ ясный полдень я
Попокомъ любовался чистымъ.
Кшо онъ, — во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Съ восторгомъ, съ пламенной душою,
Съ небеснымъ спутникомъ — звѣздою,
Въ сей мѣръ проспершій свой полетъ? —
Узнать душа моя стремилась —
И вдругъ ошъ радости забилась!
Знакомы ей — его черты,
Его привѣшь, его мечты,
Исполненныя наслажденій....
Она узнала.... это — Геній!

И. Петровъ.

Красноярскъ на Енисей.

Къ красавицѣ.

Очи ясно-голубыя,
Брови черныя, густыя,
Алыхъ устъ нѣмой привѣтъ, —
Все меня къ тебѣ влечетъ.
Будь, красавица, смѣле,
Будь въ любви еще нѣжнѣе —
И, на вѣки плѣнникъ швой,
Я забуду жребій свой!

И. Петровъ.

Красноярскъ на Енисей.

Азогрифъ.

Хотя не длинное я слово представляю;
Но многія въ себѣ рѣченья заключаю
И если вы меня желаете узнатьъ,
То порознь каждое спарайтесь отгадать.
Вамъ величавое тушь дерево явился,
Которое красой и крѣпостью гордится (1);
Помощь мѣталловый иль глиняный сосудъ,
Полезный въ Химіи, на фабрикѣ, въ заводѣ; —
Въ другомъ значеніи его же извлекутъ
Вамъ Математики изъ всего въ Природѣ (2).
Найдешь животное: оно живешь въ водахъ;
Но часшо и у насъ бываетъ на столахъ,
А только странно нѣтъ, что цвѣтъ перемѣняетъ (3).
Рѣку, что подъ снѣжной Тифлиса протекаетъ

И имени шогожь Швейцарскій городокъ (4);
 Прозванье Римское (5); одежду, что ѣздохъ
 Въ походѣ, на войнѣ, употребляешь въ полѣ,
 Зимой жь можешь всякъ надѣшь ее по волѣ (6);
 Часнь шѣла важную, — (она у насъ въ двоёмъ) —
 Безъ коей дѣйствовашь не можно и перомъ (7);
 Священное и рукъ и сердца сопряженье (8);
 Слово, чѣмъ выражанъ привыкли изумленье (9);
 То восклицаніе, которымъ нашъ народъ,
 Привѣщешвуешь всегда Высокій Царской родъ (10)
 И восклицанье жь, чѣмъ знакъ вы подаете,
 Когда нечаянно далеко въ лѣсъ уйдете (11);
 Французскій городокъ: хоть онъ неважнымъ слыль,
 Но Герцогскій шишуль Владѣльцу приносиль (12);
 И наконецъ сосудъ недорогой, плешеный,
 Почти всегда икрѣ иль меду посвященный; —
 Но слово эшо же въ значеніи другомъ
 Искусственны явишь и молнію и громъ (13).

Чшожь цѣлое? Рѣка, въ Россіи протекаетъ
 И тихили она спрулами напаяетъ,
 Вельможу добраго, масшишаго Пѣвца,
 Досшойкаго ошъ Музъ и ошъ друзей вѣнца (14).

С...

(Объясненіе въ слѣдующемъ No.)

Печаташь позволеніемъ: Сентября 27-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бурукова.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ОКТАБРЬ, 1824.

ПРОЗА.

Письмо о счастіи.

Le pays des chimeres est en ce monde le seul digne d'être habité, et tel est le néant des choses humaines, qu'hors l'être existant par lui-même, il n'y a rien de beau que ce qui n'est pas.

J. J. Rousseau.

Вы хопише, прелестная Эльвира, знашь мысли мои о *счастіи*: понимаю Ваше намѣреніе и улыбаюсь невольню. Serai-je donc toujours accable des vos brocards, madame? On ne peut être plus las que je le suis de vos injustices et de votre langue — говорю вмѣстѣ съ *Шольё*, другомъ *Лафара* (*). — „Вы любите часто философствовать, а я люблю иногда Васъ слушать. И такъ скажите, прошу Васъ, въ чемъ, по мнѣнію Вашему, состоитъ *счастіе*? По крайней мѣрѣ уведомяте меня, къ какой Вы принадлежите школѣ, касательно *счастія*?“ — Прочитавъ эти Апшическія спроки письма Вашего, я произнесъ невольнымъ образомъ слѣдующій стихъ *Делла*:

J'entends crier la dent de la lime mordante.

(*) Lettre XXXII à Mad. la Duchesse de Bouillon.

Вижу шеперь, сколь обманчивы ожиданія пріяшныя.
Я надѣялся, что сельскій воздухъ, которымъ Вы
шеперь дышете, что

Шумъ рощей и ключей журчанье

И зелень яркая луговъ

И томныхъ горлицъ воркованье

И благовоніе цвѣшовъ —

сдѣлають изъ Васъ прососердечную паспушку Ар-
кадскую — разумѣется на время — когда солнце
будешь протекать знаки Тельца, Близнецовъ, Рака
и желпогриваго Льва, дышущаго пламенемъ; что
янтарный сошь прудолюбивыхъ пчель Вашихъ, ко-
порый не уступилъ бы въ сладости сошу Гимеш-
скому, смягчить колкій языкъ Вашъ. Но нѣшь, пре-
красная Эльвира! въ деревнѣ и столицѣ, въ уединен-
номъ будуарѣ и посреди полцы перелешныхъ обожа-
шелей, Вы вездѣ одинаковы: Граціи и остроуміе
Апшическое повсюду за Вами слѣдуютъ. Вы по-
стигли шайну уязвлять пріяшно смѣлами насмѣшки,
увивая ихъ цвѣтами любезности.

И такъ Вы хошите бесѣдовать со мною о *счастіи*?
Ахъ, для меня было бы пріяшнѣе — и даже легче —
наслаждаешься счастьемъ, нежели разсуждашь объ
немъ! И Вамъ ли собирать системы счастья, когда
Вы однимъ взоромъ ласковымъ можете дарить бла-
женство смертнымъ! S'il m'avoit fallu répondre à
une autre — говорю еще разъ вмѣстѣ съ Шолье, во-
спитанникомъ Шапелл и любимымъ Вашимъ По-
этомъ — j'aurois rongé mes ongles et graté ma tête.

Pour vous, en amour, en prose, en vers, tout est saillie et enthousiasme (*). Такъ, Эльвира! любовь, стихи и прозу, Вы все оживляете! Но я боюсь, чтобы *exordium* мой не показался Вамъ слишкомъ длиннымъ и удаленнымъ отъ цѣли. Вы шопчасъ скажете: „Позвольте напомнить Вамъ, что Вы сбились съ дороги, которая должна быть для Васъ пріятна, потому что ведетъ — къ *счастію*.“ — Согласенъ; но согласишься и Вы, что, спремаясь во храмъ счастія, нельзя миновать Васъ, *Ninfa bella e gentile!*

Ma che dissi una Ninfa? anzi una Dea,
Più fresca e più vezzosa
Di matutina rosa (**).

Впрочемъ я подобенъ въ этомъ случаѣ путешественникамъ, которые часто оставляютъ прямую дорогу, увлеченные пріятностію видовъ окрестныхъ; и чувствую, что если не перестану говорить о Васъ, то вѣчно не дойду до *парафраза* темы. Эпома моя слабость, прелестная Эльвира!..... Но начнемъ, увы! *разсуждать* о счастіи!

Я всегда разсматривалъ человѣка въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ его состоянію натуральному и въ отношеніи къ его состоянію Полишическому. Въ первомъ состояніи всѣ причины желаній и дѣйствій человѣка открыты и ясны для ума самаго обыкновеннаго; во второмъ — то есть въ со-

(*) Lettre XX à mad. la Duches. de Bouillon.

(**) Guarini (*Pastor fido*).

стояніи Полипическомъ — желанія и дѣйствія зависяшъ непосредственно отъ образа мыслей, получившихъ извѣстное направленіе чрезъ воснипаніе; отъ воображенія, отъ тысячи различныхъ обсновяшельствъ, измѣняющихся почти ежеминутно. И такъ не трудно опредѣлить *счастіе* чловѣка натуральнаго, пошому что предметъ *онаго* всегда однообразенъ, а средства, служащія къ достиженію сего предмета, доставлены ему благодѣтельною Природою, наровнѣ съ прочими живошными. Безболѣзненное состояніе тѣла и совершенное удовлетвореніе физическимъ потребностямъ жизни — вошъ, по мнѣнію моему, единственное и простое счастіе чловѣка натуральнаго; словомъ, оно заключается не въ приобръщеніи вещей, совершенно бесполезныхъ для его существеннаго благосостоянія, но въ ощущеніи всякой невыгоды и боли, существенно и необходимо вредящихъ его Природѣ. Но опредѣлить счастіе чловѣка общественнаго или Полипического очень трудно, чтобы не сказашъ почти невозможно (*); ибо люди — въ состояніи Полипическомъ — не имѣють извѣстной и общей цѣли, спремясь къ счастію. Каждый смотритъ на оное съ своей точки

(*) Хладнокровный законовѣдецъ скажетъ: соображай свои свободныя дѣйствія съ законами того общества, въ которомъ живешь ты — и будешь счастливъ. Но всякой можетъ спросить его: кто далъ тебѣ право отвѣчать за меня? Здѣсь смѣшаны идеи: соображеніе свободныхъ нашихъ дѣйствій съ законами того общества, въ которомъ живемъ мы, можетъ обезопасить насъ отъ съкры правосудія, но недостаточно, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.

зрѣнія; смощишь не просными глазами, но, шакъ сказать, въ призму, умножающую и предметъ и радуги почти до безконечности. Впрочемъ, это очень естественно; пошому что воображеніе, парящее за воспламененныя сферы вселенной (*extra longè flammantia moenia mundi* *), и честолюбіе — страсть, рожденная въ челоѣкѣ жизни общественной — даже въ самыхъ желаніяхъ собственнаго блаженства управляють нами, какъ два могучіе деспоша; а желанія сіи, не имѣя опредѣленныхъ границъ и возрастая по мѣрѣ успѣховъ, дѣлаются неизбѣжнымъ препятствіемъ къ наслажденію настоящему.

О miseras hominum mentes! ô rectora caeca (**)!

Впрочемъ, прелестная Эльвира, если мнѣ необходимо должно, исполняя прихотливое желаніе Ваше, опредѣлишь счастье свѣтлокое; но я сдѣлаю для васъ еще болѣе: наименую вамъ даже самихъ родителей счастья. *Огарованіе* и *Фантазія* — вопшь шѣ легкокрылые Сильфы, копорымъ таинственное божество сіе обязано своею жизнью. Оно получило въ удѣлъ *прелесть* ошъ ошца своего и *невещественность* ошъ мапери. Слѣдовательно счастье — *qu'encense l'avidè mortel* — заключаешся въ *мечтѣ прелестной*, которая

Пушь жизненный цвѣтами устилаешъ,

Преобращаешъ въ рай громады вѣчныхъ льдовъ,

Баюкаешъ Царей и пасуховъ,

Въ Олимпѣ прапезу съ богами раздѣляешъ,

(*) *Lucret. lib. I. vers. 74.*

(**) *Idem. lib. II. vers. 14.*

Во мракъ звѣздочкой привѣсною блеснишь,
И открываешь всѣмъ, какъ благошворный Геній,
Источникъ разныхъ наслажденій

И дни ненасытны золошишь.

Но когда холодный разсудокъ и угрюмая опытность сожгуть своимъ факеломъ очаровательный флеръ, брошенный на предметы; тогда цвѣшны прелестныя, украшавшіе путь жизни, увянутъ, и мы должны будемъ — съ пустымъ сердцемъ — спускаться только по однимъ шернямъ колючимъ.

Я не стану изчислять здѣсь различныхъ мнѣній Философовъ древней Греціи объ этомъ предметѣ. Каждый изъ нихъ дѣлалъ собственное опредѣленіе *счастію*. Они, къ достиженію онаго, предлагали разныя средства любопытнымъ Грекамъ; но Греки не сдѣлались отъ того счастливѣе. Всѣ размышленія мудрецовъ — Спокковъ и Эпикурейцевъ — стремились единственно къ сей существенной цѣли жизни человѣческой. Нѣкоторые полагали счастье даже въ самой *смерти*, говоря, что боги не могутъ послать *лучшей* награды за добродѣтель и подкрѣпляли мнѣніе свое Историческими примѣрами (*).

(*) Вошь два изъ оныхъ: 1.) Нѣкоторой жрецъ Аргосской пужно было для торжественнаго жертвоприношенія ѣхать въ колесницѣ во храмъ, отстоявшій довольно далеко отъ города; но вожатый вѣдалъ пригонять воловъ, коиорые должны были везти жрицу. Тогда двое сыновей ея, Клеобисъ и Битонъ, сняли съ себя одежды, ухватили плѣчо масломъ и впрягли себя въ колесницу. Жрица, прибывъ такимъ образомъ во храмъ, молила Юнону низпослать имъ за любовь сыновнюю самое высочайшее благо, какимъ только боги могутъ наградить человека. Юнона, опущивъ съ машерію, легла спать: уснуть нашли ихъ уже мертвыми.

Альцидамась, одинъ изъ славныхъ Ридпоровъ Древности, сочинилъ даже похвальное слово смерти (*).

Все это доказываешь, сколь много предметъ сей занималъ умы древнихъ. Философы и наславники, желая умсшвовашъ и опшличить себя новоспшю мыслей, наконецъ должны были прибѣгнушь къ подобнымъ спранностямямъ, пошому что всѣ возможные системы счастья были уже составлены и всѣ иппшсы, доказывающія справедливосшь оныхъ, были уже изшощены.

Я не стану спорить, что богатства, слава, красота и здоровіе, дружба и молодосшь, наслажденія любви и удовольствія чувственныя могушь бышь, въ продолженіи нѣкотораго времени, пріятны, усладительны для челоѡка; однако всѣ эти выгоды не могушь сдѣлать его счастливымъ, говоря во всей силѣ значенія сего слова. Богатство очень часто намъ въ шягосшь, пошому что почти не оставяешъ времени желаніямъ, будучи средствомъ къ исполненію оныхъ; слава непостоянна и подвержена яду зависти; красота облепашъ, какъ цѣпшъ нѣжный; здоровье смѣжно съ болѣзнію; дружба подвержена

2.) Когда Трофоній и Агамедъ соорудили храмъ Дельфійскій, какъ монументъ своего благочестія, они просили Аполлона, не опредѣляя награды, низпослать имъ благо, самое полезное для челоѡка. Аполлонъ извѣстилъ ихъ, что по прошествіи трехъ дней желаніе ихъ будетъ исполнено: на четвертый день они умерли. Изъ происшествія сего заключили, что Аполлонъ, которому прочіе боги даровали въ удѣлъ познаніе о будущемъ, считаешъ смерть высочайшимъ благомъ для челоѡка. Cic. *Tusc. disput.* I. п. 47.

(*) Cic. *Tusc. disput.* I. п. 48.

различнымъ превращеніямъ; молодость улетаетъ пшичкой, спрѣлою; наслажденія любви проходятъ съ лѣсами окриленной юности и жало чувственныхъ удовольствій прищупывается скоро. — Платонъ называетъ жизнь, расположенную по разуму и мудрости, *наибожественнѣйшею* (*); однако разумъ очень близокъ къ заблужденіямъ, а мудрость, по большей части, бываетъ условна. Наконецъ самая добродѣтель, единственно собственными силами дѣйствующая, не можетъ сдѣлать чловѣка благополучнымъ: она служитъ только (такъ мнѣ кажется) главнѣйшимъ основаніемъ счастья, сему прелестному божеству, предъ которымъ всѣ курятъ еміамы, котораго всѣ ищутъ, и никто почти не находитъ; счастию, которое полагаю я — въ *мечтѣ прелестной*.

Если бы открылись чловѣку всѣ истины — грусть и убійственная пустота овладѣли бы его сердцемъ. Почему? Вы меня спросите. Потому, что тогда исчезло бы *огарованіе*. Следовательно очарованіе необходимо для счастья чловѣка. Но чтобы оно могло сдѣлать насъ *болѣе* счастливыми, ему необходимо должно достигнуть состоянія превосходнѣйшаго, но есть — обратитесь въ *мечту прелестную*. Почему завидуемъ мы дѣтскому возрасту? Потому, что дѣти, не зная заботъ, живутъ въ царствѣ тысячи прелестныхъ для нихъ фантазій. — Вамъ безъ сомнѣнія случалось, прелестная Эльвира,

---

(*) Plat. in *Philiv.*

испытанъ шѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя оставляють по себѣ сновидѣнія очаровательныя. Видимые во снѣ луга, устланные прекрасными цвѣтами; протекающіе по нимъ свѣтлые источники; высокія и зеленыя рощи, на муравѣ которыхъ, при лунномъ сіяніи, пляшуть въ хороводахъ съ разнущенными волосами прелестныя Нимфы; идеаль красоты, сладостный сердцу: всѣ сія предметы и ихъ обстоательства сохраняешь намять съ неизъяснимою пріятностію, въ продолженіи нѣкотораго времени, потому что сновидѣніе очаровательное дѣлается для насъ, по пробужденіи, *мечтою прелестною*, на нѣкоторое время. Сверхъ сего, по мнѣнію Философовъ, воображеніе живѣе дѣйствуетъ во время сна и душа получаетъ впечатлѣнія сильнѣйшія. Не слѣдуешь ли изъ эшаго заключить, что чѣмъ продолжительнѣе и прелестнѣе на яву фантазія наша, тѣмъ она пріятнѣе; слѣдовательно, тѣмъ болѣе заключаешь въ себѣ, шакъ сказать, элементовъ счастья нашего.

Представьте себѣ Живописца, который готовился писать картину; на примѣръ шу сцену изъ Исторіи Амура и Психеи, когда любопытная сія Царевна, чувствуя, что супругъ ея заснулъ, разсматриваетъ его съ лампою въ рукѣ. Въ обществѣ, въ уединеніи — онъ весь проникнутъ своимъ предметомъ и его обстоательствами: прекрасная Психея, въ легкой и прозрачной одеждѣ, тихонько встаетъ ночью съ постели и разсматриваетъ, при свѣтѣ лампы,

своего супруга; и въѣсто ужаснаго чудовища, кошорымъ она его почишала, встрѣчаешь Амура, сего прекраснаго мальчика, съ пылающими на щекахъ розами, съ легкими и какъ серебро блестящими крыльями, съ золотыми кудрями, разсыпанными по плечамъ его. Прелестный богъ, размышавшись небрежно, спитъ съ полуоткрытыми ушами на пурпуровомъ своемъ ложѣ; страхъ и радость изображены на лицѣ Царевны: предметъ сей съ неизвѣстною прелестію дѣйствуетъ на воображеніе Художника. Присоедините къ сему мысль всеобщихъ похвалъ; мысль, что когда картина его будетъ выставлена въ Академіи, — пылкій молодой человекъ закипитъ любовію, смотря на его Психею, а нѣжная пятнадцатилѣтняя дѣвушка, взглянувъ на его Амура, вздохнетъ тайно и покраснѣетъ, какъ Майская роза. Сообразите всѣ сіи обстоятельство, прекрасная Эльвира, и согласитесь со мною, что эта *мелта прелестная* составляетъ все блаженство сего Художника: слѣдовательно онъ *счастливъ*.

Представьте себѣ Поэза и страстнаго любовника. Первый, соупшвувемый повсюду крылатыми и, такъ сказать, радужными своими фанпазіями и ожидающій награднаго вѣнка изъ миртъ или вѣчнозеленющаго лавра, находитъ неизчерпаемый источникъ наслажденія — въ своей *мелтѣ прелестной*. Второй, блаженнѣйшій изъ смертныхъ, ни на одно мгновеніе не покидаетъ въ мысляхъ своей любовницы. Ея гебенные или голубые глаза, ея кудри, румянецъ, грудь, шонкій и прелестный станъ, подобный

спану волшебницы, легкая нога, красиво обушая — все занимаетъ, пишаешь, пльняешь его воображеніе. Въ разлукъ онъ неразлученъ съ нею; она, по словамъ одного изъ Поэзовъ нашихъ, *повсюду спутникъ его незримый*. Я скажу еще болѣе (и это докажешь силу фаншазіи): онъ любишь не ее именно, но существо мечшательное, составленное полько по ея формамъ въ его воображеніи, но украшенное всѣми прелестями Грацій. Самыя свидѣнія, усиливая его фаншазію, придають ей новую пріащипошь и новое очарованіе. Прелестныя ожиданія, сладостная надежда, мысль о скоромъ свиданіи — все это обращается, такъ сказать, въ спихію, необходимую для его существованія. Въ крылашыхъ мечсахъ своихъ иногда обихаешь онъ съ своею подругою на пущомъ островѣ; строишь шалашъ, гдѣ могъ бы укрышься съ нею отъ непогодной ночи; иногда, при лунномъ свѣтѣ, гуляешь съ нею въ уединенныхъ аллеяхъ прекраснаго сада; взглядываешь порою на прозрачный флеръ, волнующійся на груди ея; чувствуешь шрепешаніе руки ея въ рукъ своей, и — кипя воспоргами — срываешь первый поцѣлуй любви съ дѣвственныхъ устъ ея..... Удержи, удержи полешъ свой, *мечта прелестная!* Сладостныя очарованія, продлишь! или счастье любовника — исчезнешъ вмѣстѣ съ вами!

Вопшъ, прелестная Эльвира, Вы уже видѣли при существва, блаженшвующія *мечтою прелестною*. Но я скажу еще болѣе. Предспавъше себѣ челоуѣка,

поврежденнаго въ здоровомъ разсудкѣ, но котораго предмешъ помѣшательства (*idea fixa*) не имѣешь въ себѣ ничего заботливаго, мрачнаго и печальнаго. Представьте его, на примѣръ, почишающимъ себя великимъ завоевателемъ, очаровательнымъ Музыкантомъ, или знаменитымъ Рыцаремъ, или роскошнымъ Лукулломъ. Великій завоеватель — въ поспоянныхъ мечтахъ своихъ покоряешь онь Монархіи, предписываешь народамъ законы; водишь по спогнамъ града Царей, прикованныхъ къ триумфальной своей колесницѣ; видишь славу, парящую надъ нимъ съ вѣнкомъ лавровымъ. Очаровательный Музыкантъ — онь не выпускаетъ изъ рукъ своихъ инспрумента; поетъ, сочиняетъ, восхищается мечтательною гармонією своей Музыки. Знаменитый Рыцарь — въ воображеніи своемъ иногда освобождаетъ онь юныхъ Принцессъ изъ замковъ коварныхъ волшебниковъ; разрушаетъ очарованія, очищаетъ дороги онь разбойниковъ, сражается съ чудовищами, однимъ ударомъ меча перестѣкаетъ на-двое великановъ; иногда укрывается онь бурной ночи въ древнемъ замкѣ какой нибудь молодой и прекрасной Кашеланши; повѣшвуешь ей, передъ горящимъ камелькомъ, о своихъ подвигахъ; ловишь спидливую улыбку коральныхъ устъ ея; подслушиваешь шайный вздохъ сердца; внимаешь очаровательной гармоніи струнъ люшны, сладосшно звѣнящихъ подъ ея блорумяными и гибкими перспами; кишишь порывами пламенныхъ восшорговъ и — упадаешь къ ногамъ прелесипной

Машильды, Лоры или Изабеллы, сдѣлавшейся уже владычицею души его. Иногда — на шурнирахъ — оспашаетъ онъ побѣдителемъ всѣхъ Рыцарей: Герольдъ боя пробитъ побѣду; Герольдъ мира украшаетъ шлемъ вишнязя награднымъ вѣнкомъ, сплешеннымъ изъ лавра и оливы. Рыцарь снимаетъ вѣнокъ съ своего пернашаго и блестящаго шлема, надѣваетъ на острый конецъ копія и подноситъ Царицѣ своего сердца, почтительно склонивъ передъ нею къ землѣ колено; громкія рукоплесканія раздаются въ народѣ и со скамей великолѣннаго амфишешра. Роскошный Лукуль — онъ даетъ праздники друзьямъ своимъ въ Аполлоновой залѣ; угощаетъ ихъ Мальшійскими журавлями, Нумидійскими курицами, Колхидскими фазанами, Сицилійскими рыбами, павлинами, соловьями и Лукринскими устрицами; увиваетъ цвѣтами чаши, кипящія Фалернскимъ и Цекубскимъ виномъ и — безпечный о будущемъ — наслаждается пасполящимъ, восклицая: *Ede, tibe, lude, post mortem nulla voluptas!* — Каждая изъ сихъ прелесныхъ фантазій, заставляя сего человека, поврежденнаго въ здоровомъ разсудкѣ, чувствовашъ *собственное совершенство*, проливаетъ въ душу его неизьяснимую прелесшь и удовольствіе. И шакъ, Эльвира, кшо не согласишя назвашъ его — *счастливымъ*? (*)

(*) Въ Аргосѣ (говоритъ Горацій) былъ одинъ человекъ, который, сядя въ пустомъ Театрѣ и воображая, что слышитъ прекрасныя Трагедіи, рукоплескалъ и восхищался. Впрочемъ онъ былъ человекъ разсудительный, хороший сосѣдъ, любезный хозяинъ, добрый супругъ и господинъ кролика. Родственники не щадил

Зная Вашъ образъ мыслей и будучи убѣжденъ на самомъ опытѣ въ желаніи Вашемъ, всегда и во всемъ мнѣ прошивурѣчиль, я не сомнѣваюсь, что прочитавъ эти спроки, Вы скажете: — „Парадоксы, ипопезы! Вы представили мнѣ шолько чешыре существа, имѣющихъ, по вашимъ началамъ, право на *счастіе*: Живописца, Поэша, любовника и сьумашедшаго — людей, увлеченныхъ силою разгоряченнаго воображенія. Къ шомужь, говоря вообще, долго ли можешъ продолжашься Ваша *мечта прелестная*? Ее можно уподобить быспроувядающей розѣ: когда цвѣла — украшала долину; но, развернувшись ушромъ, увяла къ вечеру! — И шакъ *счастія* Вашего нельзя пріобрѣсти никакими спараніями, никакими нравшвенными усиліями; пошому что оно необходимо должно бытъ или дѣйствіемъ самой

ни денегъ, ни спараній, чтообы его вылѣчить. Наконецъ, выгнавъ изъ него посредствомъ чистаго эллебора бользнь и желчь, успѣли они въ своемъ желаніи. Едва шолько получилъ онъ разсудокъ: — „Друзья жестокіе! (сказалъ имъ) вы не спасли меня, а погубили: я былъ *счастливъ*; а шенерь отъ лѣкарствъ вашихъ пріятная мечта моя изчезла!“ — *Hor. lib. II. Epist. II. ad Flor. vers. 128 et seq.*

*Fuit haud ignobilis Argis,
 Qui se credebat miros audire tragoedos,
 In vacuo laetus sessor plausorque theatro:
 Cetera qui vitae servaret munia recto
 More, bonus sané vicinus, amabilis hospes,
 Comis in uxorem, posset qui ignoscere servis,
 Et signo laeso non insanire lagenae,
 Posset qui rupem et puteum vitare patentem.
 Hic ubi cognatorum opibus curisque refectus,
 Expulit elleboro morbum bilemque meraco,
 Et rediit ad se: Pol me occidistis, amici,
 Non servastis, ait: cui sie exorta voluptas,
 Et demptus per vim mentis gratissimus error!*

Природы или случая, а что всего хуже, — не имѣешь ничего существеннаго. Я не желаю Героямъ Вашимъ Альнаскаровой участи (*).“ —

Когда изъ прелесныхъ устъ Вашихъ, Эльвира, кошорыхъ яркій коралль, опшѣвляющій два спиройныхъ ряда перловъ, кошорые не уступили бы своею бѣлизною и своимъ блескомъ Эрешпрскимъ жемчужинамъ; когда изъ такихъ прелесныхъ устъ, повшорю я, вылепающъ Ашшическія возраженія, шо кто осмѣлился опровергашъ ихъ? И шакъ я не спшану спорить съ Вами: позволите только сказашъ Вамъ нѣсколько словъ въ оправданіе моей шезы. Я увѣренъ, что очень мало такихъ людей или, лучше сказашъ, почти нѣтъ ни одного человѣка, кошорый не имѣлъ бы предмета, занимающаго съ пріятностію его воображеніе, словомъ, своей *мечты прелестной*. Она не бываетъ собственнымъ удѣломъ однихъ только Живописцевъ, Поэшовъ или любовниковъ. Нѣтъ! эша прекрасная волшебница ко всѣмъ прикасается магнетическимъ жезломъ своимъ: одни болѣе, другіе менѣ чувствуюшъ дѣйствіе сего жившворнаго прикосновенія; но всѣ вообще подвлашны ея могуществу. Укажете мнѣ хошя одного человѣка, кошорый бы никогда не испышалъ надъ собою сладшснаго вліянія *мечты прелестной*; укажете мнѣ, говорю, шакаго человѣка — и я не поколеблшсь назвашъ его авшпомашомъ, если только

(*) См. *Воздушные замки*, прелестную Сказку И. И. Дмитриева.

люди могутъ быть автоматами. — Вы спрашиваете: „долго ли можете продолжаться эта *мелта прелестная*?“ — Ахъ, Эльвира! *Не время сладко — наслаждение*, сказалъ одинъ Руской Спихопворецъ. Впрочемъ, исчезнувшая *мелта прелестная* можетъ замѣнена быть другою, другая прешіею, и такъ далье. Чѣмъ пламеннѣе, чѣмъ раздражительнѣе воображеніе, чѣмъ живѣе чувства сердечныя, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ сія прогрессія. — „Но счастья Вашего (говорите Вы), нельзя пріобрѣсти никакими спараніями, никакими нравственными усиліями.“ — Нельзя пошому, Эльвира! что онѣ совершенно для сего бесполезны: каждый, безъ всякихъ спараній, безъ всякихъ усилій нравственныхъ, можетъ, по Природѣ своей, имъ наслаждаться; нужно только дать нѣкоторое направленіе воображенію. Счастіе сіе тѣмъ удобнѣе, что не имѣетъ *общей* или *опредѣленной* прелести: каждый можетъ достигнуть онаго, слѣдуя единственно врожденнымъ своимъ склонностямъ; тѣмъ драгоценнѣе, что оно, подобно спокойствію Горація, не покупается ни жемчугомъ, ни пурпуромъ, ни золошомъ (*). — „А что всего хуже (продолжаете Вы), не имѣетъ ничего существеннаго.“ — Согласенъ; но, прелестная Эльвира! существенность очень часто, чтобы не сказать почти всегда, отправляетъ тѣ предметы, ко-

(*) . . . . *non gemmis, neque purpurâ venale, nec auro.*

порые плѣняли насъ — въ воображеніи. Скажемъ
вмѣстѣ съ Ламаршиномъ:

*Du nectar idéal sitôt qu'elle a goûté,
La nature répugne à la réalité (*).*

Мечтаешь о счастіи, значить — наслаждаешься
счастіемъ; значить — пьешь медленно изъ чаши бла-
женства. Но мы не мечтаемъ о томъ, что видимъ;
воображеніе не украшаетъ цвѣтами своими тѣхъ
предметовъ, коими мы обладаемъ; словомъ, начало
существованности и конецъ наслажденій слипы
между собою.

Вошь, прелестная Эльвира, мысли мои о счастіи.
Кажется, Вамъ одной только предоспавлено будить
мою личность; и если Вы дѣлаете такіа чудеса за
нѣсколько сощъ верщъ, то чего бы Вы не произ-
вели надо мною, когда бы я могъ получать прика-
занія Ваши ошь Васъ изусшно? Признаюсь, я ви-
далъ умныхъ и любезныхъ женщинъ; но милѣ,
ошроумнѣе и любезнѣе Васъ я не видывалъ;

*Car peu de femmes, comme vous,
Se trouvent audessus des hommes,
Et tout le reste est — audessous (**).*

За то, прекрасная Эльвира, никого сполько и шакъ
часто не хвалю я, какъ Васъ и ни о чемъ не вспо-
минаю съ шакимъ удовольствіемъ, какъ о Вашемъ
ошроуміи и Вашей любезности, хошя первое и

(*) Médit. II.

(**) Chauvieu.

очень часно вонзало въ меня свои стрѣлы. Я даже увѣренъ, что и это письмо мое не избѣжишь ошъ Вашихъ насмѣшекъ, впрочемъ милыхъ и плѣнительныхъ.

Вы наслаждаетесь теперь пріятнымъ разнообразіемъ сельскихъ видовъ, дышите бальзамическимъ воздухомъ, гуляете по цвѣтнымъ и муравчатымъ коврамъ, съ пріятностію склоняете слухъ Вашъ по къ пѣнію дубравныхъ пшашекъ, по къ гармоническому журчанію ручейка, ясно бѣгущему подъ липвеннымъ сводомъ сребристыхъ пополей, липъ и блистающихъ золошомъ акацій; — а я, *Amarilli mia dolce* (*)! глошаю городскую пыль, неволью вращаюсь въ вихрь суешъ, копорый не уступаетъ въ быстротѣ своей вихрю Декаршову, и, вмѣсто очаровательной мелодіи дубравныхъ пѣвицъ, слышу только то однообразный стукъ экипажей по мостовой, то пронзительный голосъ разнощиковъ или глупый крикъ несносныхъ попугаевъ, высавленныхъ на балконахъ въ огромныхъ клѣшкахъ. О, съ какимъ бы удовольствіемъ полетѣлъ я подъ гостепріимные и мрачные своды Вашихъ сполѣсныхъ дубовъ и буковъ, съ моимъ *Данте*, *Шекспиромъ* или *Бейрономъ*! Съ какою бы радостію встрѣчалъ я съ Вами на холмѣ возхожденіе солнечное или привѣтствоваль бы прощальнымъ взоромъ злато-багряный закашъ сего великолѣпнаго свѣшила! Но что дѣ-

---

(*) Guarini (*Pastor fido*).

лашь? Должно повиновашься закону необходимости! *Durum*, сказалъ Горацій, *sed levius fit patientiâ quidquid corrigere est nefias* (*). И такъ, пусть это Римское *patientia*, а Руское *терпѣніе*, будетъ моимъ якоремъ. Не знаю, не сорвешъ ли налешный порывъ вихря челнокъ мой; впрочемъ, какъ бы то ни было, близъ Васъ и далеко опъ Васъ я навсегда останусь Вашимъ поклонникомъ. Прощайте, безцѣнная моя Эльвира! и вспоминайте подъ часъ о томъ, для кошораго Вы спали теперь почти однимъ шолько — сновидѣніемъ очаровашельнымъ!

Олимпъ.

П а р и з и н а.

Историческая Повесть.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Предисловіе.

Сія Поэма основана на одномъ происшествіи, рассказанномъ Гиббономъ въ его *Древностяхъ Брауншвейскаго Дома*. Боюсь, что въ наши новыя времена, мѣлочная причудливосшь Чипашелей найдешъ шакой предметъ недостойнымъ Поэзіи.

Драматическіе Поэты Греціи и нѣкошорые изъ старинныхъ лучшихъ Писателей Англій совсѣмъ не такъ мыслили. И недавно еще *Альфieri* и *Шилл*

*) Lib. I. Od. XXIV. ad Virgil.

ларъ доказали, что они одного мнѣнія со мною. Выписка, здѣсь предлагаемая, изъяснишь случай, взяшый за основаніе моего Спихотворенія. Имя *Николаи III*, весьма не-Пиппическое, замѣнилъ я именемъ *Азо*.

„Въ Царствованіе *Николаи III*, Феррара была свѣдѣтельницаю кроваваго зрѣлища въ семействѣ своего Государя. Маркизь *д'Эсте*, по доносу одного изъ своихъ Придворныхъ, началъ замѣчать за своею супругою *Паризиною* и, къ несчастію, собственными глазами удостовѣрился въ преступной связи ея съ побочнымъ своимъ сыномъ, *Гюгомъ Беати*, храбрымъ юношею. По приговору оскорбленнаго отца и супруга, отрублены имъ обоимъ головы. Сія казнь сдѣлала его позоръ гласнымъ. Герцогъ пережилъ свое несчастіе: великое, если они дѣйствительно были виновны; несравненно большее, если они были невинны. Я съ своей стороны ни въ шомъ, ни въ другомъ случаѣ, не могу одобрити сіе въ ужасъ приводящее мщеніе родителя и супруга.“ (*Гиббонъ, Сильсъ*.)

Паризина.

I.

Насталъ часъ, въ который соловей разсыпаетъ сладкія шрели свои въ роуцъ и любовь шопопомъ общаетъ шайное свиданіе. Вѣяніе вѣсперка, шумъ воды очаровываютъ уединеннаго мечтателя; цвѣтши освѣжаются спудеными каплями росы; звѣзды сіяють въ шемноглубомъ зѣирѣ и опражаются въ водахъ. Зелень листьевъ чернѣетъ; на небѣ царствуетъ и

свѣтъ и тѣнь; сей сумракъ, столь чистый и столь сладостный, видимый вечеромъ, въ то время, какъ заря поухаешь, а мѣсяцъ ярчѣ загорается.

II.

Не внимаешь ли шумъ водоскаша выходишь *Паркина* изъ черпоговъ владѣтеля Эстскаго? Не созерцаешь ли тихое сіяніе звѣздъ углубляется она въ сѣнь дремучую? Не сорвешь ли благовонный цвѣшокъ она у цвѣтника османовилася? Нѣтъ, она не слушаетъ соловья: шорохъ въ кустахъ, ею слышимый, ей пріятнѣе. Кто-то приближается. Чело ея поблѣднѣло и сердце чаще забилося. Сладкій голось тихо кличетъ ее, сливаясь съ шрепешомъ листьевъ. Румянецъ снова разцвѣлъ на ея щекахъ и сердце сжалось. Еще мигъ — и они вмѣстѣ: любовникъ ея близко; онъ у ногъ ея.

III.

Миръ исчезъ для нихъ и полетъ времени незамѣтень. Существа живыя, небо, земля не существуютъ ни для взоровъ, ни для сердець ихъ. Равнодушны для всего, ихъ окружающаго, какъ мертвые; для всего, что у нихъ надъ головой и подъ ногами, какъ будшо бы все умерло, они дышатъ одишь другимъ; ихъ вздохи полны сладости. Ихъ упоеніе столь велико, что еслибъ жаръ ихъ упоенія *не здѣлался умьреннѣе*: онъ сжегъ бы сердца, въ копорыхъ пылаешь. Но мысль о преступленіи, объ опасности, не нарушаетъ ли сего счастливаго *вмь-стѣ*, сей сладостной забывчивости? Ахъ! Тотъ,

кто любишь, шопъ не вѣдаешь ни страха, ни сомнѣнiя, — лишь бы увидѣшься! Онъ не думаешь, что наслажденiе дано намъ на мигъ, что оно промчится — и невозвратно! Мы пробуждаемся прежде, нежели успѣемъ увѣриться, что не возвращающа наши плѣнительныя свидѣнiя.

IV.

Съ помными глазами оспавляютъ они прiюшь любви; надѣются на близкое свиданiе, клянуща въ страши; но печальна душа ихъ, какъ будто бы они на вѣки разлучающа. Сiянiе луны облеснуло чело *Паризины*; она боится, что нѣкогда напрасно будешь умолять Небо о милосердiи; ей казалось, что звѣзды, свидѣтели ея пресступленiя, глядящ на нее, какъ обвинители. Частые вздохи, продолжительныя поцѣлуи, успа, кошорыя прильнувъ не хотящ разстаться, еще удерживающъ ихъ вмѣстѣ. Но должно разстаться. Сердца ихъ сжаты и шрепещущъ; по жиламъ ихъ пробѣжала дрожь, обыкновенное слѣдствiе содѣяннаго пресступленiя.

V.

Гюгъ пробрался въ уединенную свою спальню, куда страсть въ мечтахъ приглашаетъ супругу другаго. *Паризина* идешь успокоишь пресступную главу на сердце доврчиваго супруга: лихорадочный бредъ шревожишь покой ея. Опъ грезъ, волнующихъ кровь ея, живая краска проссупаешь на щекахъ; изъ устъ ея вылетѣло такое имя, кошорое на яву произнесшь она бы не осмѣлилась. Прижимаетъ супруга къ груди,

спрасію кь другому шрепещущей; горячія лобзанія пробудили *Азо* и мысленно счастливый, онъ воображаешъ себя по прежнему предметомъ ласкъ и вздоховъ; въ заблужденіи, онъ гошовъ плакашъ ошъ любви кь шой, кошорая даже и во время сна имъ шолько занимаешся.

VI.

Онъ обнимаешъ *Паризину* и чупкимъ ухомъ прислушиваешся кь прерывчашымъ словамъ ея; ему чудишся... Внезапный ужась поразиль его; Принць *Азо* оцепѣнѣль, какъ бы услышалъ шрубу Архангела. Зачѣмъ эшо не послѣдній, спрашный день? Звукъ, ошъ кошораго раскроешся его могила и самъ онъ ошъ смершнаго сна пробудишся, чшобы предсташъ предъ вѣчнаго Судію, не сильнѣе пошрясешъ его душу. Совершилось! Съ сего времени нѣшъ для него на землѣ счастія. Сіе имя, во снѣ *Паризиною* призываемое, свидѣшельствуетъ его сшядѣ и ея поношеніе. Чѣе имя подымаешъ дыбомъ власы и сокрушаешъ его душу, какъ ревуцій валь сокрушаешъ ушлый челнокъ и въ черной безднѣ пошопляешъ плашашеля? Имя *Гюга* — его сына, рождениаго шюю, кошорую любиль онъ въ молодоспи, плодъ беззаконной любви; его произвела на свѣшъ легковѣрная *Бланка*, повѣрившая любовнымъ увѣреніямъ Принца, кошорый не могъ ошдашъ ей свою руку.

VII.

Азо схвашилъ со сшѣны кинжалъ, вынулъ до полноженъ — и ошашъ медленно вложилъ его. Она не

достойна жизни; но въ силахъ ли онъ умершвыиъ прелестную женщину, спящую и сквозь сонъ улыбающуюся? Ему жаль разбудить ее; онъ устремилъ на нее взоръ, который оледѣнилъ бы ее смершнымъ хладомъ, еслибъ она открыла глаза и, при свѣтѣ лампы, увидѣла его гнѣвное чело, орошенное холоднымъ пошомъ! *Паризина* умолкла; но еще спитъ и не видитъ меча, надъ нею висящаго.

VIII.

На разсвѣтѣ, *Азо* вывѣдываетъ роковую шайну отъ Придворныхъ: все открылось! Ему не остается ни малѣйшаго сомнѣнiя. Все свидѣтельствуетъ слабость *Паризины* и позоръ ея супруга. Служишельницы Принцессы, помогавшiя ей скрывать свои слабости, спѣшатъ, избѣгая наказанiя, набросить весь позоръ на свою повелишельницу. Съ видомъ опкровенности, онъ рассказываетъ малѣйшiя обстоятельство. Ничего не остается болѣе знать его горестному сердцу.

IX.

Азо не любитъ медлить. Наслѣдникъ древняго владѣтельнаго Дома Князей Эстскихъ, окруженный Вельможами и шѣлохранишелями, предсѣдаетъ онъ въ своемъ Совѣтѣ. Передъ нимъ оба преступника: шомъ и другая въ цвѣтѣ лѣтъ, шомъ и другая прелестны, очаровательны. Боже великiй! Сынъ обезоруженный, окованный, предстоить родителю, гошвому во шнѣвъ произнесши ему смершныиъ при-

говоръ, а себѣ позоръ вѣчный. Гюгъ не пошерялъ духа, хотя и хранишь глубокое молчаніе.

Х.

Безмолвна, какъ оня и блѣдна, какъ мершвая, *Паризина* швердо ожидаетъ своего приговора. О, какъ перемѣнилась ша, которой говорящіе взгляды разливали веселость въ чершюгахъ Царскихъ! Давно ль Вельможи считали за честь, служишь ей и красавицы учились подражатъ ея голосу, перенимали походку, осанку прелесшной своей повелительницы! Еслибъ одна слеза выкашилась изъ очей ея: тысяча мечей засверкали бы; тысяча Рыцарей явилась бы у ногъ ея; каждый искалъ бы, какъ верховнаго счастья, бышь объявленнымъ ея защитникомъ, мшпители ея оскорбшелю. Какая незапная перемѣна! Гдѣ власть ея? Будущъ ли повиноватъся ей Придворные? Кругомъ мершвое молчаніе, глаза опущены, брови воздымаются, руки сложены на груди крешомъ; всѣ, какъ будшо окаменѣлые, они едва удерживаютъ на устахъ негодованіе. Вотъ образъ Рыцарей, Дамъ и Придворныхъ! Юный Герой ея избранія, преклонявшій предъ нею коніе свое, котораго свободная рука съ опасностію жизни, выручила бы свою владычицу, обожаемый любовникъ Принцессы споялъ съ нею рядомъ; руки его скованы. Оня не можешь видѣшь очей, не сполько о собственномъ злосчастіи, но о бѣдственной участи друга проливающихся слезы. Вчера еще понкія жилы слегка разрисовывали багрянцемъ ея бѣлыя вѣжды, манив-

шія поцѣлуи. Сегодня посиѣлъя, безжизненныя онѣ давящѣ, а не смыкающѣ сіи полуугасшія очи, полныя слезами.

XI.

Самъ Гюгъ плакалъ бы надъ нею; но всѣ взоры на него устремлены. Онѣ подавили печаль; на его челѣ видно нѣчто мрачное и презирающее. Онѣ спыдился показатъ себя распроганнымъ и шрепешать передъ шолпою; но не смѣлъ возвесъ глазъ на *Паризину*. Воспоминаніе минувшихъ дней, его вины, его спраспи, его настоящее положеніе, гнѣвъ родишеля, негодованіе всѣхъ людей добродѣтельныхъ, его учасъ на землѣ и на небѣ; судьба учасшницы его пресшупленія: вошъ мысли, шѣснащіяся въ головѣ его! Дерзнешъ ли онѣ возвесъ взоръ на чело, уже завянувшее, уже покрышое смершною блѣдностію?... Ахъ, безъ сомнѣнія у него вырвалось бы признаніе въ пресшупной связи; онѣ посшѣшилъ бы облегчить еовѣшъ.

XII.

Азо вѣщаль: „Вчера еще я гордился своею супругою и сыномъ. Поушпру сонѣ исчезъ. Прежде окончанія дня у меня не будешъ ни супруги, ни сына. Я осужденъ къ шоскъ и одиночеству. Покоримся Судьбѣ: каждый на моемъ мѣсшѣ шо же бы здѣлалъ. Не я разорвалъ узы, насъ связующія. Приговоръ подписанъ. Наказаніе гошово. Гюгъ! Священникъ ожидаешъ тебя: ты получишъ награду за пресшупленіе. Прощай, молись о душѣ своей. Отсрочиваю

казнь свою до вечерней звезды; даю тебе время, примиришься съ Богомъ, если сіе возможно. Его милосердіе безпредѣльно; на землѣ же нѣтъ уголка, гдѣ бы ты и я могли одинъ часъ дышать однимъ воздухомъ. Я не буду зрителемъ твоей казни; но ты, невѣрная, ты увидишь его обезглавленнаго. Прощай, вѣроломная и легкомысленная! Не я, ты проливаешь кровь Гюга. Переживи, если можешь, зрѣлище его казни. Наслаждайся жизнью, которую дарю тебѣ.“

XIII.

Сказавъ сіе, Азо закрылъ лице свое. Напруженныя жилы на челѣ его сильно бились, какъ будто бы кровь изъ всего тѣла прилила къ головѣ. Онъ преклонилъ голову и дрожащею рукою закрылъ глаза, какъ будто желая скрыть отъ зрителей то, что они выражали. Въ это время Гюгъ просеръ къ нему свои окованныя руки — и требовалъ слова. Принцъ молча далъ ему позволеніе:

„Я не боюсь смерти,“ сказалъ осужденный; „ты видѣлъ, какъ я рядомъ съ тобою мчался сквозь ужасы боя; мечъ никогда не оставался празднымъ въ рукѣ моей; сей мечъ, вырванный у меня твоими воинами, болѣе за тебя пролилъ крови, нежели сколько прольешь съкира палача. Ты далъ мнѣ жизнь: ты власень назадъ ее потребовалъ. Я не благодарю тебя за этошь даръ. Бѣдствія матери моей живы въ душѣ моей: ея любовь опвергнушая, честь поруганная, позоръ ея, доставшійся въ наслед-

сиво ся сыну; она сошла въ могилу, куда и сынъ
 ся — швой сынъ и соперникъ, скоро за нею послѣ-
 дуешь. Его сердце, расщербанное тобою; его голова,
 ошрубленная палачами, возвѣснѣвъ въ Царствѣ
 мершвхъ пѣжноть первой швоей спрасши и
 ошеческую заботливостъ. Правда, я оскорбилъ
 тебѣ: но обида за обиду! Сія молодая супруга,
 другая жертва швоей гордости, была мнѣ назначена.
 Ты эшо вѣдаешь! Ты увидѣлъ ее и пожелалъ ея
 прелестей. Посмѣваясь надъ моимъ рожденіемъ,
 копорого весь спыдъ на тебѣ падаешь, шы выр-
 валь у меня, какъ у недоспойнаго, руку *Парижнны*.
 Я не опѣскивалъ права, носить швое имя, ни воз-
 сѣшь на престолъ Монарховъ, швоихъ предковъ.
 Еслибъ мнѣ дозволено было, прожить еще нѣсколько
 лѣтъ; то я бы умѣлъ сдѣлать свое имя знаменише
 имени Принцовъ *Этскихъ* и заслужишь почести
 собшвенными моими достоинствами. Я умѣлъ вла-
 дѣть мечемъ: я надѣялся пріобрѣсти имъ шлемъ,
 который не уступилъ бы въ сіяніи ни одному изъ
 украшающихъ чело Героевъ швоей крови. Самыя
 блистательныя шпоры не всегда вельможескимъ
 сыновьямъ въ удѣлъ доставалися; мои часто мчали,
 какъ вихрь, коня моего и я, восклицая: *Этъ и*
побѣда, опереживалъ Принцовъ высокаго рода и
 опрокидывалъ непріятели.,,

„Не ищу оправдываться въ випѣ моей, не хочу
 расшрогать тебѣ и вымолишь опсрочку: нѣсколько
 часовъ, нѣсколько дней ничего не значаешь. Пусть

время пролепшишь надо мнойъ безчувственнымъ прахомъ! Несчастныя, мучительныя дни жизни моея не могли быть продолжительны. Подлю мое имя, подлю мое рожденіе: швоя надменность не рѣшилась облагородить шакаго, какъ я, человекъ. Но въ моихъ чершахъ швои чершы находяшъ; вся душа моя изъ швоей вылилась. Опъ шебя получила я сей дикій нравъ. Опъ шебя . . . . Опъ чего ты вдругъ содрунулся? Точно шакъ! Опъ шебя наслѣдовалъ я силу руки и пламень сердца! Не одну жизнь ты даровалъ мнѣ; все мои чувства обличають шебя, моего родителя. Возри на слѣдствіе преступныхъ своихъ связей; Небо наказало шебя слишкомъ на шебя похожимъ сыномъ. Тебѣ нельзя опрѣчься опъ сына, котораго душа, какъ швоя, неукрощима. Я подражалъ шебѣ въ употребленіи жизни, побою на мигъ мнѣ данной и столь рановременно опнимаемой: надвинувъ шлемъ и поднявъ мечъ, мы не одинъ разъ вмѣстѣ устремляли коней своихъ по грудамъ кровавыхъ шруповъ. Прошедшее ничшо; еще мигъ — и будущее будешь на него похоже. Зачѣмъ не умеръ я въ сраженіи? Ты погубилъ мать мою; ты опьялъ у меня невѣсту, мнѣ назначенную. Но ты опецъ: какъ бы жестоко ты былъ приговоръ швой, онъ справедливъ. Жизнь моя началась постыдно, постыдно и кончшся. Вина сына есть вина опца: во мнѣ ты обоихъ наказываешь. Въ глазахъ людей я кажусь виновнѣе; можешь быть, Сердцевѣдецъ сморшишь на сіе дѣло иначе.“

XIV.

Сказаль — и скрестили зазвѣявшія цѣпями руки. Сей печальный звукъ пронуль всѣхъ находившихся въ собраніи. Но прелести *Паризины* поразили и пронули ихъ еще чувствительнѣе. Могла ли она хладнокровно выслушать приговоръ любовника, ею въ несчастіе вовлеченнаго? Ея смущенные взоры блуждали по сторонамъ, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ; вѣжды ея не смыкались; мертвая близна разлилась около голубыхъ зрачковъ ея. Видя такую безчувственность, можно бы подумать, что кровь застыла въ ея жилахъ, еслибъ изрѣдка не выкашывались изъ глазъ ея слезы, какихъ не проливалъ ни одинъ смертный.

Она хотѣла говорить; но звуки голоса умирали на устахъ ея. Она вдохнула споль тяжко, что казалось, будто это смертный стонъ души ея. Снова напрягла всѣ силы; но не могла произнести ни одного внятнаго слова; просяжно протонала и упала, какъ истуканъ, низверженный съ своего подножія, болѣе похожая на трупъ безжизненный или на мраморъ, представляющій супругу Азо, нежели на сію прелестную пресшупницу, копорой сердце могло забыться пресшупною любовью, но не въ силахъ было вынести своего стыда и опчаянія.... Она еще дышетъ... Слишкомъ скоро освободили ее отъ обморока; но умъ ея помѣшался. Всѣ органы чувствъ разстроены сильнымъ ударомъ и мозговые нервы передають мысли ея шускло и сбивчиво.

шакъ ослабшая опть дожда шешива невѣрно посылаешъ сирѣлы! Каршина прошедшаго для ней изглажена; оно омрачено гусшымъ шуманомъ, сквозь кошорый лучъ свѣша рѣдко проглядываешъ и озаряешъ весь ужась ея положенія. Такъ въ бурную ночь озаряешъ молнія пусшыню, въ кошорой заблудился пупешешвенникъ!

Съ тайнымъ спрахомъ чувствуетъ она мучительное бремя на сердцаѣ: по холоду, по спѣсенію, она понимаетъ, что стыдъ и прешупленіе его подавляющъ. Она вспоминаешъ, что смерть грозила поразишь кого-шо; но кого? она забыла! Жива ли она? Земли ли касаешся ногами? Небо ли видишь надъ своею головою? Человѣки или адскіе духи угрожающъ мрачными взорами шой, для кошорой улыбка на всѣхъ лицахъ расцвѣшала? Все смѣшано и неизьясно для ея души изступленной; все являешся ей хаосомъ надеждъ и спраховъ. Поперемѣнно шо плачешъ, шо смѣешся, но и въ плачѣ и въ смѣхѣ ея видно сумасшешвіе. Она думаешъ, что погружена въ сонъ судорожный: желательшо, чтообъ она не пробуждалась какъ можно долѣе!

XV.

Прошяжно и жалобно заспонали колокола на сѣрой башнѣ монастырской: они наполнили сердца горешью. Уже слышны Псалмы погребальные: они сочинены для жшелей могилы и для шѣхъ, кошорые гошовы сойши шуда. Сія пѣснь смерти, сей упылый звонъ колоколовъ призывающъ къ молишвѣ о

душѣ челоуѣка, на казнь осужденнаго; колѣнопрекло-
неніе предъ монахомъ, на голой и холодной землѣ,
онѣ близокъ къ вѣчной шемницѣ. О горе! Предъ
нимъ эшафотъ; спражи окружають его и палачъ,
съ обнаженными руками, готовый къ удару вѣрному
и скорому, разматриваешь остріе сѣкиры. Народъ
въ безмолвномъ страхѣ сбѣгается, чтобы видѣть
казнь сына, отцемъ осужденнаго.

XVI.

Это происходило въ прекрасный лѣтній вечеръ,
при захожденіи солнца, кошорое не должно бы освѣ-
щать дня споль злосчастнаго. Его послѣдніе лучи
упали на главу Гюга, въ ту минушу, когда онѣ
окончель свою исповѣдь и голосомъ раскаянія скорбл
о своей участи, поклонился, чпобы приняшь въ
сердце священныя слова Божія служителя, имѣющія
силу смывашь грѣхи. Въ ту минушу сіяніе дневнаго
свѣшила упало на разбросанныя кудри черныхъ во-
лось его, но еще лучезарнѣе, какъ грозная молнія,
блеснуло оно на убійственной сѣкирѣ. О какъ го-
решень былъ сей послѣдній часъ! Ужась оледѣнилъ
всѣхъ зришелей. Пресупленіе было велико, законъ
правъ и, не смощи на шо, всѣ содрогнулись.

XVII.

Уже окончиль свои молитвы сей сынъ вѣроломный,
сей любовникъ дерзосиный. Персты его перебрали
чешки и всѣ грѣхи его ошкрышы. Пробиль послѣдній
часъ его: епанча упала съ плечь. Черные волосы
обрѣзаны. Шарфъ, подарокъ *Паризини*, съ которымъ

онъ никогда не разсѣивался, шею не сойдешь съ нимъ въ могилу; его сняли и повязка готова закрѣпить глаза... Но нѣтъ! Онъ не допустилъ столько поспѣшнаго оскорбленія до благороднаго чела своего. Когда рука палача хотѣла завязать ему глаза, какъ будто бы не смѣвшие видѣть смерть близко, гордыя чувствованія сердца его, копорыя, судя по наружности, казались заглушенными, вдругъ до половины пробудились: онъ отштолкнулъ позорную повязку и вскричалъ съ негодованіемъ: „Нѣтъ! нѣтъ! я не до рожу ни кровью, ни жизнью. Ноги мои скованы; но умру съ свободными глазами. Руби!...“ Онъ умолкъ, положилъ голову на роковую плаху. „Руби!“ было последнее слово, имъ произнесенное. Воля его исполнена; взмахнувшій мечъ упалъ; голова покашилась и кровавый шпуръ отодвинулся. Изъ всѣхъ жилъ полилась кровь волнами. Глаза и уши зашрепещали; по силѣ судороги были мгновенны.

Онъ умеръ, какъ преслушникъ, но безъ ожесточенія; онъ молился на колѣняхъ, покаялся своей участью, не отшвергалъ ушѣшеній Вѣры и уповалъ на Божіе милосердіе. Когда склонилъ онъ голову на лоно служителя Олшаря, всѣ земные помыслы были чужды его сердцу. Въ эту самую часъ онъ забылъ и раздраженнаго имъ отца и подругу свою несчастную. Ни жалобы, ни отчаянія; всѣ мысли его къ Небу, всѣ слова его молитва. Последнее желаніе — умереть съ открытыми глазами, было единственныимъ его прощаніемъ съ зрителими его казни.

XVIII.

Безмолвны, какъ шопъ, на уста кошораго смерть наложила печать свою, зрители едва смѣли дышать. По вѣтвѣ, опъ одного къ другому, какъ электрическая искра, пробѣжала дрожь въ то мгновение, когда шопоръ звукнулъ — и прекратилъ и жизнь и любовь несчастнаго. Незапное оцепѣненіе оспановило въ глубинѣ сердець спонъ, готовый изъ нихъ вырваться. Но отколъ сей крикъ безумія и ужаса, подобный жалобному воплю машери, лишившейся сына, неожиданнымъ ударомъ пораженнаго? Сей пронзительный вопль, какъ голосъ души, осужденной на вѣчныя муки, проникъ до неба. Онъ раздался изъ дворца *Азо*. Всѣ оглянулись: ничего невидно, ничего не слышио. Это вопль женщины — и никогда опчаяніе не выражалось столь жалобно. О еслибъ съ нимъ вмѣстѣ прекратилась и жизнь спрадалицы! Вопль единодушное желаніе всѣхъ сострадапельныхъ зрителей!

XIX.

Гюгъ погибъ — и съ тѣхъ поръ не видно *Паризины* ни въ садахъ, ни въ чершюгахъ. Имя ея, подобно тѣмъ странннмъ словамъ, кошорые производятъ страхъ и смяшеніе, никогда не произносится: какъ будто бы она никогда не существовала! Никогда Принцъ *Азо* не воспоминалъ ни о супругѣ, ни о сынѣ; надъ тѣлами ихъ не воздвигнушо ни гробницы, ни памятника; они преданы забвенію; прахъ ихъ, и особенно казненнаго, почиался нечистымъ; по

жребій *Парижнн* оспался безвѣщенъ, какъ прущь ея въ темномъ гробѣ.

Сокрылась ли она въ монастырь. дабы слезами раскаянія умилоштивить Бога и доспигнуть неба шрудною дорогою пошта и молишвы? Ядъ или кинжалъ положилъ конецъ прешупной любви ея? Или Небо, сжалась надъ ея муками, прекратило дни ея въ шощь мигъ, когда увидѣла она шопоръ, ошдѣлившій голову ея возлюбленнаго? Никшо не вѣдаешъ и никогда вѣдашь не будешъ! Какъ бы шо ни было, — жизнь ея началась и пошухла въ слезахъ.

XX.

Азо взялъ другую супругу — и добродѣшельные сыновья окружили его спарощь. Ни одинъ изъ нихъ не равнялся красошою и храбросшью съ шѣмъ, кошорый почиваль во мракъ гроба. Можешь бышь, ихъ родишель смощрѣль на нихъ равнодушными глазами и со вздохами, прошивъ его воли вырывавшимися; но никогда слезы не орошали ланишь, никогда улыбка не озаряла широкаго чела его, на кошоромъ рано дума провела морщины: бразды, нарѣзанныя палящею горесшю, слѣды ранъ душевннхъ. Для него уже не сущешвовали ни другія радосши, ни другія печали. Нощю сонъ ошлешаль далеко ошъ вѣждъ его, дни помрачены были скорбью. Не чувешвишельное ни къ похвалѣ, ни къ порицанію сердце его само себя убѣгало; но его спраданія жилъ съ нимъ неразлучно. Когда казалось, что воспоминанія перешавали перзашъ его; шогда-шо и вгрызались онъ

глубже въ его сердце. Въ самый лютой морозъ только поверхность воды толстымъ льдомъ покрывается: подъ нимъ вода шепеть и не можешь остановиться. Душа *Азо* не могла вырвать черныхъ мыслей: онѣ пустили глубоко свои корни. Таковъ уставъ Природы! Тщешно стараемся мы осушить свои слезы: онѣ шекуютъ изъ сердца. Тщешно желаемъ заградить ихъ дорогу: сіи не излившіяся слезы обращаются къ своему источнику и накаплиются тамъ, хотя невидимыя, но еще чище, еще теплѣе и шѣмъ горче, что мы ихъ не замѣчаемъ.

Азо часто подсапергаль въ сердцѣ своемъ возвращать нѣжности къ шѣмъ, копорыхъ казилъ онѣ. Ему невозможно было наполнить пустошу, ими оставленную; ему не было надежды увидѣться съ предметами его горести, въ обители, гдѣ соединяются души праведниковъ. Несчастье гнало его до самой старости.

Когда искусная рука обрубаешь больныя ветви; то дерево становится еще зеленѣе, еще стѣнисьте. Но когда гнѣвный перунъ сожжешь его шрепещущіе сучья; тогда дерево засыхаетъ на корнѣ и больше не одѣвается листьями.

Я.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Безсмертіе.

Подражаніе Ламартину.

(Къ брашу.)

Какъ рано дней моихъ склоняешься свѣплю!
На блѣдное чело ложится ночи шнѣвь;
Едва сквозь сумерки проглядываешь день —
И гаснешь: — Онъ погасъ . . . . . Изчезло все, что
было!

Пусть, съ ужаса иной ошсупишь охладѣвъ
Ошъ факловъ гробовыхъ, блеснувшихъ въ церкви
мрачной;

Пусть дрогнешь злой богачъ за шранезою брачною
Прислушавъ шесшвіа прощальнаго напѣвъ . . . .

Пусть дрогнешь, если врань, смерть крикомъ
вызывая,

Добычи чулкій спражь, на кровль замка съль;

Иль фиміамъ кадилъ изъ оконъ вылетаая,

Разноситъ вѣспь, что духъ ошъ жизни оплешѣль! . . .

Пусть онъ, пусть онъ бѣжишь ошъ встрѣчи по-
гребальной!

Какъ узникъ жду шебя, кончины часъ печальной!

Пусть совѣспь черная и суевѣрный спражь

Ошравленную жизнь разсѣпшь на пирахъ!

Твой отзвъ спрашенъ имъ: шы скрышь и неизбѣ-
жень;

Не ушрашишь меня — я въ жизни безнадежень!

Предвѣстникъ вѣчности — ты разрушаешь прахъ!
Неумолимъ, какъ рокъ . . . . леши, посланникъ рая!
О спутники мои! Часъ горькій настаешь . . . .
Друзья, не жизнь люблю, но васъ: естъ жизнь
другая!

Мой Ангель, въ путь звѣзду безсмертья зажигаю,
Надъ краемъ гроба Крестъ спасенья подаешь.

Нѣтъ, Ангель смерти, нѣтъ: еще одно мгновенье!
Осперочь и дай взглянуть еще на свѣтъ родной:
Я пропаду на немъ, какъ дымъ, какъ сновидѣнье . . . .
Я жилъ, — умру, не зная, что жизнь и что рожд-
денье.

Скажи: узнаю ли, духъ, жительство неземной,
Когда былъ не во мнѣ, гдѣ былъ ты? Гдѣ ша сфера,
Въ копорой плавалъ ты? . . . И мѣръ оставя свой,
Зачѣмъ ты здѣсь, гдѣ скорбь лишь услаждаетъ Вѣра?
Кпо заключилъ тебя въ сей чувственный составъ?
Что будешь духъ, свою шемницу разорвавъ?
Душа! Въ какой эфиръ швоя стремишься сила?
Изгнанница небесъ, ужель ты ихъ забыла?
Въ тебѣ осталась лишь невнятная шоска
И какъ звѣзда упавъ на землю свысока, —
Небесной искрою ты пыль одушевила!

О горній духъ! Скажи: за темнымъ краемъ жизни,
Жизнь первую забывъ, начнешь другую ль вновь?
Иль полешишь въ свой мѣръ, въ опрадный мѣръ
опчизны,
Гдѣ обоймуть тебя и вѣчность и любовь?

Такъ, неизмѣнный другъ! Съ сей искрой упованья
Безъ ужаса свой ликъ встрѣчаю на стеклѣ,
Символъ истины: съ сей Вѣрой, безъ ропшанья,
День каждый вижу я на пасмурномъ челѣ,
Какъ жизни ранній цвѣтъ ежеминутно вянешь.....
Въ сей Вѣрѣ сладостной, мой другъ, прощусь съ
побой,

Когда по членамъ смерть распространяешь спа-
нешь.....

Я мало жилъ — но я съ бессмертною душой!

Поспой..... Окинь весь кругъ Природы бѣглымъ
взглядомъ!

Что видишь вокругъ себя? Начало и конецъ.

Всему чреда: цвѣтокъ, сей ушренній жилецъ,

Онъ къ вечеру исчезъ.... но замѣнился брапомъ:

Ощувѣль — цвѣшешь другой — и вѣчно въ цвѣщѣ
лугъ.

Но каждому свой мигъ: пропаль — и невозвратно.

День, ночь, зима, весна: вошь безконечный кругъ!

Въ Природѣ все идешь впередъ, но не обратно.

Ахъ! безопраденъ мѣръ бездушныхъ мудрецовъ!

Взгляни: вокругъ шебя все чахнешь, все слабѣешь

И гордый кедръ упаль подъ бременемъ годовъ!

Рѣка изсякнула; опъ древнихъ береговъ

Ошхлынулъ Океанъ и глубь морей мѣлѣешь;

Жизнь срочную земли уводишь каждый годъ

И даже медленно блѣдишь неба сводъ.

Свѣшило, чье въ вѣкахъ шеряется начало,

И солнце, какъ и мы, къ кончинѣ ближе спало

И въ мертвыхъ небесахъ пустой оставя пушь,
Отъ насъ закашишься навѣкъ когда нибудь.
Сполѣшья крадущся невидимымъ печеньемъ
И оставляющъ вслѣдъ — изплѣнье за изплѣньемъ.
Взгляни какъ времени рѣка, изъ вѣка въ вѣкъ,
Уносишь, все что здѣсь живешь.....А человекъ,
А человекъ одинъ, минушное созданье!.....

.....
Уничтоженіе! О слова спрашный звукъ!

Не пробѣжало ли по сердцу содроганье

И мрачнымъ ужасомъ не захватило ль духъ?.....

Какъ? какъ?.....Моя душа, съ земнымъ, бездуш-
нымъ шѣломъ,

Разсѣшся, какъ пыль? Иль, какъ лешучій звонъ,

Погибнешъ въ шипинѣ подъ сводомъ опускѣлымъ?...

Иль, въ ночи вѣчной, насъ обнимешъ вѣчный сонъ?

Къ чему любишь, къ чему?... Друзья, супруги,
братья,

Тамъ нѣшъ свиданія?... И злой и добрый — мы.....

.....
О другъ моей души! Пущъ грянешъ громъ
прокляшья

Надъ суетными училеями шѣмы!

Возненавидѣль я есшемъ коварныхъ ложношъ,

Упрекъ изъ вѣка въ вѣкъ для мудрости земной,

Но вѣчношъ обличишь ихъ гордую ничтожношъ!....

Какъ? Умирающій швой другъ передъ шбой,

Вздохъ шщепный испушвивъ, край жизни перешу-
пишь.

И въ шомъ, кто такъ любилъ, ужъ въ немъ ничто
не любить? . . .

Прочь, мысль безумія! Кто вѣрилъ, кто любилъ,
Тому Природы всей не спрашно разрушеніе!

Когдабъ я видѣть могъ паденіе свѣшилъ
Съ небесъ испуганныхъ и смертный часъ шворенья;
Когда изъ спройныхъ сферъ вдругъ вышупашъ
міры

И заблудясь во шмѣ, громадныя шары
Сполкнушя край объ край въ разшироенномъ
побѣгѣ;

Когдабъ, услышавъ прескъ родной своей землѣ,

Оспрошѣлый шаръ узналъ бы я вдали,

Пустой, шоскующій о надшемъ человекѣ;

Когдабъ его ударъ комешы раздробилъ

И пережилъ бы я земли уничтоженъ, . . .

Одинъ, свѣдѣтелемъ послѣднимъ разрушенъ,

Забытый въ хаосѣ пошухнувшихъ свѣшилъ; —

Творецъ! и въ ужасѣ Тебя бы я любилъ!

Съ надеждой вспрѣнишь лучъ всемірнаго разсвѣта,

Я спалъ бы ждашь Тебя и на обломкахъ свѣта!

Какъ часто . . . Помнишь ли? . . . Съ громадь лѣс-
сныхъ горъ

Иль съ дикихъ береговъ задумчивыхъ озѣръ —

Одни, въ земномъ кругу: на крыльяхъ думъ, съ
вершины

Спускались мы, какъ вихрь, въ дремучія долины.

О дни опрадные, гдѣ вы? . . . Ахъ! я мечталъ!

Ихъ нѣтъ! . . . Но и шеперь ихъ опзыву я внемлю!

Теряясь въ радости, нашъ взглядъ перелеталъ
Съ земли на небеса, съ небесъ опять на землю. —
„Творецъ! взывали мы — „вселенная Твой храмъ;
Ты въ немъ сокрышь ошь насъ, Ты необъясненъ
намъ;

Но красота Твоя въ разсвѣтъ ушра дышешь.
Невидимый! Тебя душа повсюду слышишь!
Превѣчень, всемогущъ, весь крошосшь, весь любовь...
Нъшь! чшобъ Тебя назвашь, всѣ звуки щещны
словъ

И умъ шеряешся въ величїи безбрежномъ,
Какъ челоуѣка жизнь въ безсмертїи вѣковъ!
Но духъ сей, о Творецъ! влеченьемъ неизбѣжнымъ,
Сей сокрушенный духъ, онъ проситъся къ Тебѣ
И чувствую къ любви свое предназначенье,
Горитъ желанїемъ, вмѣспишь ее въ себѣ!“

Такъ восклицали мы и дружное моленье
Какъ легкой фимїамъ, взлетало къ небесамъ
И въ пламенныхъ очахъ блистало умиленье:
Мы были на землѣ, но духомъ были — шамъ!

Ахъ! Иногда душа, въ небесныя мгновенья,
Нешерпѣливая, какъ пламень, какъ эфиръ,
Желаешь вырваться: сй душень дольний мїръ!
О смерти духъ! Въ сей мигъ свяшаго испушленья,
Взмахни своей косою и цѣпи разорви!
Изъ мїра въ мїръ спремься къ Ошцу мїровъ и свѣша,
По безпредѣльносши, на крыліяхъ любви,
Она бы вознеслаеь, какъ шонкїй лучъ разсвѣша!

Поровъ младшїй.

Ошибка Врача.

Шушя скрыпачь, а ремесломъ другъ хмѣлю,
Съ попойки вспаль — и слегъ больной въ постелю.
Жена въ слезахъ послала за Врачомъ;
Приходитъ онъ и съ гробовымъ лицомъ
Въщаешь въ слухъ: „Сообразя догадки,
Здѣсь нахожу съ ознобомъ лихорадки
И жажды жаръ; но мудрый Гипокрашъ
Велишь сперва намъ жажды пыль убавишь.“ —
Больной на то: „Нѣшь! нѣшь! пустое, брашъ!
Сперва прошу опъ холода избавишь,
А съ жаждой самъ управишься я радъ;“

К. Введенскій.

Б а р а в.

Въ грусти глубокой,

Съ дрой влапою,

Бардъ свѣтлоокой,

Передъ зарёю

Яснаго дня,

Взоры на мѣсяцъ

Къ небу возведи,

Жалобно пѣль.

„Мѣсяцъ, плывущій

Въ воздухъ спиемъ,

Томно лющій

Свѣтъ по долинамъ,

Искры спруей,

Что ты блисташь

И обольщашь

Взоръ красошой?“

„Крашко сіанье,

Мѣсяцъ унылой;

Крашко блистанье

Съ прелесью милой:

Мигъ — красошы!

Свѣишиь напрасно:

Уширо лишь ясно —

Скросься ты!“... —

„Также красою

Въ юности крашкою

Цвѣль я младою!

Время украдкою

Все унесло;
 Все опленило,
 Все охладило
 И опщвало!..."

Такъ унывая,
 Пьль онъ — и въперъ
 Барду винмал,
 Въ рощахъ, въ долинахъ
 Чуть, чуть дышала....
 Между шбмь мѣсяць
 Солнцемъ смѣнилъ....
 Гдѣ же Пѣвецъ?

Въперъ колеблеть
 Осиропѣвшу
 Лиру на вѣтлахъ
 Древняго дуба
 И, какъ Пѣвецъ,
 Перебирая
 Вѣщія струны,
 Шепчетъ въ ошвѣщъ:

„Онъ посѣченный
 Смертною косою,
 Скрылся на вѣки
 Въ хладной могилѣ;
 Спишь въ пищинѣ!... —“
 Съ вечеромъ пищинъ
 Мѣсяць увидѣлъ —
 Холмъ гробовой!....

М. Петровъ.

Младенецъ и бабочка.

(Аллегорія)

Младенецъ, преданный играмъ,
За бабочкой гонялся,
Кружился, прыгаль по лугамъ,
Поймать ее спарался.
Съ цвѣшочка рѣзво на цвѣшокъ,
Крылашая порхала
И вдругъ (о жалость!) въ ручеекъ
Лишившись силъ, упала.
„Ахъ! милая“ онъ возопилъ:
„Не я шому причиною,
Чшо ручеекъ шебя прельшилъ —
Блещащею пучиною!...“

И. Петровъ.

Къ Фантазіи.

О прелестная Фаншазія,
Душъ чувствившительныхъ соопушница,
Сердце пылокое къ изящному
Окриляющая въ младости!
Ты, что въ мракъ опдаленія
Поучающей насъ Древности,
Ищешь съ юнымъ Музъ любилелемъ
Въ пищу грезъ воображенія
И въ Поэзіи божественной
Образуя умъ возвышенный,
Всѣхъ красоть ея къ познанію
Изоощраешь въ немъ разборчивость!
Слухъ склони къ Пѣвцу безвѣстному:
Звучнымъ голосомъ Поэзіи
Я къ тебѣ взываю; чудная!
Будь, молю тебя, всегдашнейю
Юныхъ дней моихъ подругою,
Хладной старости — усладою,
Въ счастья — спушницей веселою,
А въ несчастіи — ошрадою!

И. Петровъ.

Къ листочку,

Листочикъ! Ты взлѣлѣшь
Прекрасною весной
И будешь съ вѣшки свѣлять
Осеннею грозой! . . .
Листочикъ! какъ Судьбою
Ты схожъ съ моей весной!
Не може ль, что съ шобою
Случишься и со мной?

И. Петрова.

Красноярскъ на Енисей.

Объясненіе Анограммы, помѣщеннаго въ предыду-
щемъ No.

(1) Букъ. (2) Кубъ. (3) Ракъ. (4) Куръ. (5) Каръ.
(6) Бурка. (7) Рука. (8) Бракъ. (9) Ба! (10) Ура!
(11) Ау! (12) Баръ. (13) Буракъ. (14) Кубра.

Конецъ 9-й книжки.

Печатаишь позволѣтся: Ноября 3-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.